

MIESIĘCZNIK
POŁOCKI.

№ 4(72), 2024

Т о м I.
Р о к I 8 I 8.

*«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».*

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия А. Гуманитарные науки

В серии А научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области истории, литературоведения и языкознания.

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА
Серыя А. Гуманітарныя навукі

У серыі А навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаваанне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне гісторыі, літаратуразнаўства і мовазнаўства.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series A. Humanity sciences

Series A includes reviewed articles which contain novelty in research and its results in history, literary studies and linguistics.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования.
Электронная версия номера размещена на сайте: <https://journals.psu.by/humanities>

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 59 95 41, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск В.Е. Овсейчик.
Редактор И.Н. Чапкевич.

Подписано к печати 05.09.2024. Бумага офсетная 80 г/м². Формат 60×84¹/₈. Ризография.
Усл. печ. л. 13,95. Уч.-изд. л. 16,82. Тираж 50 экз. Заказ 306.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 82.0

DOI 10.52928/2070-1608-2024-72-4-2-6

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК АЛЕКСАНДРА ГУГНИНА:
БИБЛИОГРАФИЯ И ПРОБЛЕМАТИКА**

канд. филол. наук, доц. Н.Б. ЛЫСОВА
(Белорусский государственный университет, Минск)
e-mail: lysovanb@rambler.ru

В статье рассматривается очерк литературоведа и переводчика А.А. Гугнина о литературных связях Германии и России, над которым ученый работал свыше 35 лет и который является концептуальным отражением применения к изучению литературы историко-контекстуального метода автора. Обстоятельно написанная научная работа, включающая в себя свыше 300 источников, представляет собой, по сути, энциклопедический комpendium заявленной темы. Автор упоминает и характеризует труды немецких и русских литераторов, филологов, критиков, художественные произведения немецкой и русской литератур от древности до наших дней. Он акцентирует внимание на типологических параллелях развития культуры разных стран, представляет историю переводов, историю влияний. Все это дает ему возможность констатировать общие тенденции развития немецко-русских литературных связей.

Ключевые слова: очерк, литературные связи, историко-контекстуальный метод, художественный перевод, миф, реализм.

Введение. Идея очерка родилась в 1985 г. (так обозначает сам автор). Возможно, точкой отсчета стала статья в журнале «Вопросы литературы» «Проблемы изучения и издания Гейне», которая была охарактеризована Александром Александровичем как «критико-библиографические заметки» [1, с. 247]. В статье затрагивались не только проблемы гейневедения, но и уточнялось место творчества Гейне «в истории немецкой и мировой литературы» [1, с. 256]. В конце 1980-х гг. Гугнин неоднократно затрагивает проблемы контекста, взаимосвязей разных национальных литератур: в статье о влиянии на немецкую литературу советской литературы «Великий Октябрь и пути развития немецкой марксистской критики в 1910 – 1930-х годах» [2], в предисловии к антологии «Встреча на Эбро: Немецкие писатели в борьбе против фашизма (1933–1945)» [3]. Эти работы, несомненно, подготавливали фактологический материал о литературных связях немецкой и русской литератур. В годы перестройки в академических центрах Германии и России параллельно реализуются крупные издательские проекты «Германия и немцы глазами русских», «Россия и русские глазами немцев» и «Немцы в России: Русско-немецкие научные и культурные связи», и Александр Александрович Гугнин становится их активным участником. Тогда же появляются его первые краткие обзоры литературных связей между Германией и Россией в сборнике «Немцы в России: историко-культурные аспекты» [4] и журнале «Россия и современный мир» [5].

И все же точкой отсчета, на наш взгляд, следует считать исследование серболужицкой литературы, требовавшей изучения славяно-германского контекста. В монографии о серболужицкой литературе XX в. [6], изданной уже в 2001 г., Гугнин будет излагать принципы собственного историко-контекстуального метода рассмотрения литературного процесса и рассматривать серболужицкую литературу как метасистему, то есть, исследователь сформулирует свою концептуальную позицию: изучение одной национальной литературы требует постижения других литератур.

Основная часть. Двухтомное академическое издание «Славяно-германские исследования» (2000), ответственным редактором которого был А.А. Гугнин, стало началом академического исследования в данном направлении. В предварающей первый том совместной с А. В. Циммерлингом статье «Несколько замечаний о проблематике славяно-германских исследований» Гугниным была конкретно обозначена методика междисциплинарного историко-литературного сравнительного изучения литературных связей Германии и России в контексте европейской культуры [7]. В этом же издании через восемь лет появится обширное исследование немецко-русских литературных связей в историческом аспекте [8].

Основной текст очерка по истории литературных связей между Германией и Россией был впервые опубликован в 2003 г. в журнале «Балтийский филологический форум» [9]. Очерк содержит хронологические разделы (от Средневековья до наших дней) и богатый фактографический и библиографический материал. Это исследование вызвало волну цитирования, повлияло на развитие научной мысли в этом направлении. Например, в появившихся диссертациях на тему русско-немецких литературно-культурных связей, конечно, была отдана дань исследованию А.А. Гугнина. Так, в диссертации О.В. Довгарь «Русско-немецкие культурные связи конца XVII – середины XVIII вв.» отмечается особое значение очерка Гугнина, а один из основных тезисов диссертации – о том, что на рубеже XVII–XVIII вв. стиль барокко стал важным этапом переходного периода в русской литературе – прямо был связан диссертанткой с тезисом А. Гугнина о значимости для литературы и театра России этого

периода немецкоязычной литературы [10]. Другая диссертантка Стеглянникова С.Ю., обращаясь к теме «Русской поэзии в немецкоязычных антологиях второй половины XX века», тоже опиралась на очерк А.А. Гугнина и признавала за ним не только библиографическое значение, но и правомерность применения комплексного подхода к изучению литературных связей, т.е. использовала метод исследования А.А. Гугнина [11].

Конечно, интерес к сравнительному исследованию историко-литературного дискурса сосуществовал в деятельности ученого с постоянной работой по германистике. В кругу научных интересов А.А. Гугнина находились и творчество писателей ГДР, и немецкая поэзия в переводах В.А. Жуковского, и русскоязычные переводы австрийской литературы, и немецкая литература эпохи романтизма и бидермайера, и др. В 2008 г. в ИМЛИ РАН был начат, как продолжение коллективных монографий о немецкой литературе, долгосрочный научно-исследовательский проект «Литературный процесс в Германии XX и XXI веков». Новизна данного проекта состояла в том, чтобы «дополнить картину художественного и эстетического развития немецкой словесности и переосмыслить многие явления литературы Германии» [12, с. 318]. Профессор А.А. Гугнин не просто стал активным участником, организатором проекта, он был автором его теоретического обоснования, о чем говорил на первой рабочей конференции в докладе «Основные контуры истории немецкой литературы XX века» и последующей в 2009 г. Международной научной конференции «Новая концепция “Истории немецкой литературы XX века”» в докладе «Немецкая литература XX века – опыт аксиологического прочтения», а также на последующих научных форумах. Социально-политические аспекты взаимодействия литератур были подняты в докладе «Под расколотым небом: литературы ГДР и ФРГ после 1945 года» (2012). В нем также поднимались проблемы влияния советской литературы на историю немецкой литературы. Тогда активно обсуждались вопросы своеобразия европейских культур и их видения мирового процесса.

Коллективная монография ИМЛИ «Россия – Германия: литературные встречи (1880–1945)» [13] открывалась двумя обзорными методологическими статьями. Первая из них «Несколько общих замечаний к проблематике изучения русско-немецких литературных взаимосвязей» [14], написанная А. Гугниным, являлась кратким историческим очерком русских и немецких литературных связей, а следующая за ней статья Т.В. Кудрявцевой и А.А. Гугнина «Особенности немецко-русского литературного диалога (1880–1945)» [15] продолжала тему первой уже в конкретный временной промежуток. Статьи представляли собой обзор исследовательской традиции.

В 2018 г. Гугнин напишет рецензию в «Вестнике Полоцкого государственного университета» на книгу И. Лемана «Русская литература в Германии. Рецепция немецкоязычных писателей и критиков от XVIII столетия до противостояния», где будет отмечать, что «... каждый историк литературы, рано или поздно, подходит к пониманию того, что многие явления национальной литературы, равно как и творчество отдельных писателей, не поддается адекватному описанию и объяснению только в рамках данной национальной литературы, но настоятельно требуют сопоставления с аналогичными процессами и явлениями, имевшими место в других национальных литературах» [16, с. 106], т.е. автор опять будет настаивать на тезисе о многогранности, многоаспектности литературных связей, изучение которых дает возможность выявлять оригинальность и своеобразие собственно национальных литературы.

К этому времени, в 2017 г., в сборнике научных работ Полоцкого университета «Романо-германская филология. Контексты культуры и литературные связи» будет опубликован еще один вариант очерка о немецко-русских и русско-немецких литературных связях [17], на его тезисах мы остановимся подробнее.

Профессор не нарушает установки исторического жанра, когда пишет очерк. Его исследование строится хронологически: от древней литературы до современности. Но ученый не претендует на раскрытие специфики немецко-русских литературных связей. Задача исследования, скорее, состоит в том, чтобы в рамках своего исторического обзора упомянуть и охарактеризовать соответствующие труды немецких и русских литераторов, филологов, критиков, как можно шире представить весь спектр взаимодействия в поле словесности. Начиная с мифологических и фольклорных общих мотивов двух литератур, Гугнин акцентирует внимание на типологических параллелях развития культуры разных стран (общих мифологических мотивах), на исторических путях заимствования, соответственно, латинской и греко-византийской литературы.

Перед нами обстоятельная, тщательно написанная научная работа, о чем свидетельствует и библиографический указатель, включающий в себя свыше 300 источников, демонстрирующий широкий диапазон исследования. Автор не ставит перед собой амбициозную задачу проследить всю историю литературных связей России и Германии «как в типологическом, так и в историко-литературном аспектах» [17, с. 3], однако берет на себя не менее сложную задачу ответить на вопросы: как эти взаимоотношения в самых общих чертах складывались на протяжении всего тысячелетнего периода развития обеих литератур, что способствовало знакомству немцев с произведениями русской литературы и какую роль в возрастании взаимного интереса играли те или иные исторические события и личные контакты писателей [17, с. 3]. Один из ответов на эти вопросы звучит как тезис о постоянстве и преемственности древнерусских и, позднее, российских контактов с Германией: «Эти контакты установились в период расцвета Киевской Руси, затормозились, не прерываясь окончательно, в период татаро-монгольского ига и поднялись на новый качественный уровень в XVI–XVII веках, всемерно способствуя внутренним процессам развития самой древнерусской литературы» [17, с. 7].

Придерживаясь утверждения о длительном европейском влиянии на русскую литературу и естественном переходе от средневековой народной литературы (корпоративной) к новому индивидуальному творчеству, Гугнин структурирует очерк по 12 разделам, первый из которых посвящен древнерусской литературе, второй –

переходному периоду XVII в., третий – XVIII в., четвертый – началу XIX в. и т.д., до состояния этих связей в современный период (десятый раздел) и еще двух разделов, посвященных итоговым тезисам. Исследователь констатирует, что «несмотря на все материальные трудности перестроечного и постперестроечного периодов российская германистика количественно весьма бурно развивается» [17, с. 25].

Историю связей А. Гугнин представляет в такой тематической проблематике: общие ментальные качества (отражающиеся в мифологии, фольклоре), явления «почвенные» (или то, что можно называть «россика» в немецкой литературе и «германистика» в русской литературе); переводы; литературная критика и литературоведение; влияние литературных произведений. Автор очерка обращает внимание на культурные коды времени – популярные немецкие книги в России. Все это дает ему возможность констатировать общие тенденции развития немецко-русских литературных связей. Например, выдвинуть тезис о первичности влияния в XVIII в. на становление русской литературы именно немецкоязычной книги: «Анализ общественной и литературной ситуации в России в середине XVIII века показывает, что наиболее тесные отношения сложились в данный период именно с немецкой литературой. Лишь со второй половины века постепенно усиливалось французское, а затем и английское влияние» [17, с. 9]; «Чем ближе мы подходим к концу XVIII века, тем обширнее становятся русско-немецкие литературные контакты, тем больше появляется переводов немецких авторов на русский язык» [17, с. 11]. Сложный «вопрос о месте и значении той или иной из крупнейших европейских литератур в общей сумме русско-европейских взаимосвязей рубежа XVIII–XIX веков» ученый пытается описать как «процесс взаимодействия европейских литератур, их постепенного сближения и взаимообогащения в ясной и целостной картине» [17, с. 11], апеллируя конкретно-историческим материалом.

Исследователь отмечает и духовную перекличку немецкой и русской литератур. Так А. Гугнин описывает факт «вымышленной» переписки в творчестве двух знаменитых писателей Фридриха Шиллера и Александра Радищева: в конце 1782 г. Радищев пишет «Письмо к другу, жителюствующему в Тобольске» – «свой гражданский привет» (как считает ученый) Шиллеру, издавшему в начале того же года «полемическую «Антологию на 1782 год» со специальным обозначением места издания в Тобольске [17, с. 13].

В очерке находится место и анализу литературной критики, её прозорливости, способности правильно расставлять каноны художественности. Так, уже в 1838 г. в Германии, в статье Фарнгагена фон Энзе о Пушкине была высказана мысль «о признании выдающегося места Пушкина в истории русской литературы» и «о том, что в лице Пушкина русская литература вышла уже и на всемирно-исторический уровень» [17, с. 17]. Конечно, широкой читательской аудитории тогда у русской литературы в Германии не было, и автор очерка описывает все деятельности тех, кто пропагандировал русское художественное слово: «Понадобилось несколько десятилетий, пока русская литература – прежде всего в лице И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова – завоевала себе широкую читательскую аудиторию на Западе. Эта читательская аудитория складывалась постепенно, не последнюю роль здесь играла и неутомимая пропаганда русской литературы, которую проводили и сами русские писатели, подолгу жившие за границей (особенно И.С. Тургенев и А.И. Герцен)» [17, с. 17].

В поле зрения исследователя попадают и стилистические влияния. Так, рассуждая о путях литературного реализма в Германии и России в середине XIX в., Александр Гугнин пишет об особенном, не социально-историческом, характере произведений Б. Ауэрбаха, Т. Шторма, Г. Фрейтага, Ф. Шпильгагена, Ф. Рейтера и др., развивавшемся «во многом от романтизма по линии углубления “местного колорита”, анализа духовного мира отдельной личности, психологической мотивировки действия» [17, с. 17]. В данном контексте ученый находит типологически общие стилистические характеристики «Записок охотника» И.С. Тургенева и «Шварцвальдских деревенских рассказов» Б. Ауэрбаха (последние активно обсуждались русской литературной общественностью в то время, поддерживались и Л.Н. Толстым).

Как видим, А. Гугнин не однолинеен. Он выстраивает дорогу магистральную, но с огромным количеством тропинок и перекрестков. Отсюда постановка новых вопросов, дискуссионность очерка.

При этом Александр Александрович особое внимание уделяет истории переводов или ответу на вопрос «каким образом богатство немецкой литературы отражено в имеющихся на сегодняшний день русских переводах?» [17, с. 3]. Так, он особо выделяет полный текст перевода 1584 г. на русский язык «Хроники всего света» польского писателя-гуманиста Марцина Бельского как имеющего «большое культурно-просветительское значение для русской читающей публики» и способствовавшего «созданию ряда оригинальных памятников русской литературы» [17, с. 7]. Ученый констатирует, как переводческая активность отражает существующий в стране интерес к культуре Германии, её книжности. С обратной стороны, интерес к русской книжности в Германии проявлялся постоянной переводческой практикой немецких авторов: «уже в первой половине XIX века в Германии были опубликованы переводы многих произведений русской литературы: от «Слова о полку Игореве» до произведений Пушкина, Лермонтова, Гоголя и отдельных статей Белинского» [17, с. 15]. Отмечая рост исследований художественных переводов, А.А. Гугнин делает, однако, вывод о том, что «все же целостной истории переводов русской литературы на немецкий язык или немецкой литературы на русский язык пока не существует» [17, с. 25]. Будучи сам переводчиком многих немецкоязычных произведений, Александр Александрович считал, что «переводная литература является своеобразным “притоком” национальной литературы, и настоящий переводчик может внести в национальную литературу не меньший вклад, чем писатель» [17, с. 25]. Он понимал, что перевод на другой язык не всегда диктуется художественным выбором, скорее актуальностью и новизной тематики, и мечтал о «целостной истории перевода» с выработанными критериями отношения к такой литературной деятельности, «взвешенными оценками качества» [17, с. 26].

Не написана и академическая полная история литератур (немецкой и русской) XX в. По мнению А. Гугнина, главная трудность концептуального построения таких изданий заключается в разделении литератур XX в. на несколько потоков, существующих в разных сферах политического и идеологического влияния. Исследователь отмечает, например, что «в течение всего советского периода русская литература как единая и неделимая часть единой русской культуры в литературоведении уже не рассматривалась» [17, с. 26]. Рассматривая советский период развития русской литературы, Гугнин отмечает колоссальное значение деятельности переводчика и писателя А.Н. Луначарского в усилении взаимодействия немецкой и русской литератур; существование в годы фашизма в СССР немецких издательств и творчества комитета «Свободная Германия»; специфический литературный опыт «русского Берлина» в годы первой русской эмиграции; творческие связи немецкого и русского литературного авангарда и т.д. Как видим, процессы взаимодействия национальных литератур становятся глубже и, в какой-то мере, «разрушительнее», если говорить о национальном своеобразии: художественное слово приобретает иной – мировой – контекст.

Заключение. Александр Гугнин около 35 лет изучал немецко-русские литературные связи. Итоги этой целенаправленной работы были представлены в статьях, монографических очерках. Все эти издания, имеющие самостоятельную ценность, послужили базой для написания других работ, в том числе диссертаций, и представляют собой, по сути, энциклопедический компендиум заявленной темы литературно-культурных связей между Германией и Россией. Работы А.А. Гугнина на многие годы останутся фундаментальным материалом для желающих получить научное представление о немецко-русских литературных связях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гугнин А.А. Проблемы изучения и издания Гейне (Критико-библиографические заметки) // Вопросы литературы. – 1985. – № 11. – С. 247–257.
2. Гугнин А.А. Великий Октябрь и пути развития немецкой марксистской критики в 1910–1930-х годах // Октябрьская революция и новая концепция литературы. К истории марксистской литературной критики европейских социалистических стран. – М., 1989. – С. 85–131.
3. Гугнин А.А. Предисловие и комментарии // Встреча на Эбро: Немецкие писатели в борьбе против фашизма (1933–1945) / Пер. с нем. [Сост., предисл., коммент. А.А. Гугнина]. – М.: Прогресс, 1989. – 541 с.
4. Гугнин А.А. Вуппертальский проект «Германия и немцы глазами русских» и его историко-культурное значение // Немцы в России: историко-культурные аспекты: сб. ст. / Рос. ин-т искусствознания; редкол.: Т.Г. Биткова (отв. ред.). – М.: ИНИОН, 1994. – С. 6–22.
5. Гугнин А.А. Вуппертальский проект «Германия и немцы глазами русских» и его историко-культурное значение // Россия и современный мир. – 1994. – № 1. – С. 132–142.
6. Гугнин А.А. Серболужицкая литература XX века в славянско-германском контексте. – М.: Индрик, 2001. – 179 с.
7. Гугнин А.А., Циммерлинг А.В. Несколько замечаний о проблематике славяно-германских исследований // Славяно-германские исследования. – Т. 1. – М.: Индрик, 2000. – С. 11–18.
8. Гугнин А.А. Основные этапы истории немецко-русских и русско-немецких литературных связей // Славяно-германские исследования / Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения. Науч. центр слав.-герм. исслед.; Междунар. ред. совет: В.К. Волков (Москва), Рольф-Дитер Клюге (Тюбинген) и др. – М., 2008. – С. 345–416.
9. Гугнин А.А. Основные этапы истории немецко-русских и русско-немецких литературных связей // Балтийский филологический курьер 1985–2003. – 2003. – № 3. – С. 258–311.
10. Довгарь О.В. Русско-немецкие культурные связи конца XVII – середины XVIII вв.: дисс. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Санкт-Петерб. гос. ин-т культуры. – СПб., 2022. – 231 л.
11. Стеглянникова С.Ю. Русская поэзия в немецкоязычных антологиях второй половины XX века: дисс. ... канд. филол. наук: 5.9.1. / Нац. исслед. Томск. гос. ун-т. – Томск, 2022. – 314 л.
12. Шарьпина Т.А., Кудрявцева Т.В. Единство в многообразии: литературное пространство Германии ушедшего столетия (о научно-исследовательском проекте «Литературный процесс в Германии XX и XXI веков» ИМЛИ РАН) // Научный диалог. – 2018. – № 8. – С. 317–334.
13. Россия – Германия: литературные встречи (1880–1945) / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН; отв. ред. Т.В. Кудрявцева. – М.: ИМЛИ РАН, 2017. – 763 с.
14. Гугнин А.А. Несколько общих замечаний к проблематике изучения русско-немецких литературных взаимосвязей // Россия – Германия: литературные встречи (1880–1945) / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН; отв. ред. Т.В. Кудрявцева. – М.: ИМЛИ РАН, 2017. – С. 14–23.
15. Кудрявцева Т.В., Гугнин, А.А. Особенности немецко-русского литературного диалога (1880–1945) // Россия – Германия: литературные встречи (1880–1945) / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН; отв. ред. Т.В. Кудрявцева. – М.: ИМЛИ РАН, 2017. – С. 24–48.
16. Гугнин А.А. Рецензия. Lehmann, J. Russische Literatur in Deutschland. Ihre Rezeption durch deutschsprachige Schriftsteller und Kritiker vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart / J. Lehmann. – Stuttgart: Verlag J.B. Metzler, 2015. – 417 S. // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуман. науки. – 2018. – № 2. – С. 106–109.
17. Гугнин А.А. Основные этапы истории немецко-русских и русско-немецких литературных связей (Краткий очерк) // Романо-германская филология. Контексты культуры и литературные связи: междунар. сб. науч. ст. / Полоц. гос. ун-т; редкол.: А.А. Гугнин (отв. ред.) [и др.] – Новополоцк: ПГУ, 2017. – С. 3–38.

Поступила 09.03.2024

HISTORICAL ESSAY BY ALEXANDER GUGNIN: BIBLIOGRAPHY AND PROBLEMS**N. LYSOVA****(Belarussian State University, Minsk)**

The article examines an essay by literary critic and translator A.A. Gugin on literary relations between Germany and Russia. The scientist has been working on this topic for over 35 years. The essay became a conceptual reflection of the application of the author's historical and contextual method to the study of literature. Gugin's thoroughly written Scientific work includes over 300 sources and is, in fact, an encyclopedic compendium of the stated topic. Russian Russian and German literary works, philologists, critics, artistic works of German and Russian literature from antiquity to the present day are mentioned and characterized by the author. He focuses on the typological parallels of the development of culture in different countries, presents the history of translations, the history of influences. All this gives him the opportunity to state the general trends in the development of German-Russian literary relations.

Keywords: *essay, literary connections, historical and contextual method, literary translation, myth, realism.*

УДК 821.111

DOI 10.52928/2070-1608-2024-72-4-7-13

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖЕФФРИ ЧОСЕРА

канд. филол. наук А.А. СМУЛЬКЕВИЧ

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

В настоящей статье изучается творчество английского поэта XIV в. Джеффри Чосера в соотносении с таким литературным явлением, как «спор о женщинах», которое утверждало совершенство женского пола. Поэт опровергает все традиционные обвинения против женщин в неверности, злословии, глупости, привлекая примеры легендарных литературных и исторических героинь, а также используя куртуазный канон для идеализирования образа возлюбленной, совмещающей роль мудрого советчика, друга, верной супруги. Д. Чосер стремится изучить природу Любви как вселенского чувства, вызывающего самопожертвование как мужчин, так и женщин. По мнению поэта, женское начало призвано уравновешивать мужское, призывая не давать волю гневу, предрассудкам и несправедливости. Такое наблюдение позволяет сделать вывод о том, что поэт видел функционирование женщины гораздо шире, чем только частная, семейная сфера. Основной своей задачей Д. Чосер считал предостеречь как мужчин (особенно старых, глупых, жадных мужей), так и женщин (доверчивые женщины не должны стать жертвой неверных, лживых мужчин, способных предать) о негативных моментах любви. В связи с этим он призывал к применению эмпирического подхода, основывающегося на накоплении опыта из имеющихся древних источников и критическом их осмыслении, пример которого он приводит в своем собственном анализе непоследовательности в деяниях и высказываниях мудреца Соломона.

Ключевые слова: «спор о женщинах», светская литература, куртуазный канон, фэблио, защита женщин, образ верной жены, предостережение влюбленным мужчинам и женщинам.

Введение. При многообразии работ, изучающих образ женщины в религиозной и куртуазной литературе Средних веков и Возрождения, недостаточное внимание исследователей уделено светской литературе. Ведь именно она предоставляет возможность изобразить женщину с разных сторон одновременно, выходя за рамки её роли священнослужительницы, мученицы, святой, либо капризной Розы, эфемерной, недостижимой Прекрасной дамы, и не ограничиваясь возвышенными, идеализированными целями, которые не преследовались в реальной жизни. Например, О.Г. Рыбакова обращает внимание на подобное явление во времена расцвета куртуазной литературы: «При этом большинство авторов убеждены, что куртуазная любовь в масштабе средневековой культуры была не социокультурной реальностью, а всего лишь вымыслом» [1, с. 80]. В светских произведениях, включая городскую литературу в форме новелл, фэблио, можно обнаружить более реалистические черты женских персонажей, зачастую уводящие читателя в обсуждение их отрицательных характеристик.

Говорить о положительном восприятии женщины следует в связи с таким позднесредневековым литературным явлением, как «спор о женщинах» (*Querelle des femmes*). Чаще этот «спор» относят к западноевропейской литературе XVI–XVIII вв., поскольку именно тогда, по мнению В.С. Трофимовой, намечается особая гендерная напряженность, связанная с тем, что достойные примеры деятельности известных в обществе женщин «поставили под вопрос традиционное разделение гендерных ролей, при котором в публичной сфере – в политике, литературе и науке (в широком смысле слова) – доминировали мужчины» [2, с. 338].

И связан «спор» не столько с наличием или отсутствием женщин-писательниц, сколько с серьезностью вопросов, поднимаемых авторами произведений о роли женщины в обществе. «Спор» представляет собой некое «общение» произведений на тему общественного положения женщин, превосходства одного пола над другим, нравственности женщины, её совершенства. Противники и даже женоненавистники опирались на мнение Аристотеля о несовершенной природе женщины. Известный своей антиженской позицией «Роман о Розе» (*Roman de la Rose*, XIII в.), часть пера Жана де Мена, высмеивающий рыцарские идеалы, в качестве центрального недостатка женщины определяет её неверность. Сторонники женщин аргументировали их превосходство тем, что женская красота совершеннее мужской, поскольку женщина была создана в раю (Корнелий Агриппа Неттесгеймский¹, XVI в.). Первая профессиональная женщина-писательница Кристина Пизанская² (1364 – ок. 1430) остро ставила вопрос о необходимости для женщин получать образование [3, с. 108].

По мнению В.С. Трофимовой, истоки «спора о женщинах» следует искать в XIV в. [2, с. 339]. Переходный характер рубежа XIV–XV вв. обусловил неподдельный интерес позднесредневековых авторов к данной теме. В английской литературе этого времени М. Никола обозначает истоки женской авторской прозаической литературы примером творчества Юлианы из Нориджа (1342–1404)³ и Марджери Кемп из Линна (1373–1438?)⁴ [4, с. 122]. Но эти две писательницы относятся к средневековой духовной литературе мистиков. Светскими писателями в Англии XIV в. были только мужчины. Самым видным из тех, кто отразил передовые для своего времени

¹ «О благородстве и преимуществе женского пола» (*De nobilitate et praecellentia foeminae sexus*, 1529).

² «О Граде женском» (*Le Livre de la cité des dames*, 1405).

³ «Откровения Божественной любви» (*Revelations of Divine Love*, 1373).

⁴ «Книга Марджери» (*The Book of Margery*, ?1436).

взгляды на роль женщины, попытавшись вырваться из литературных канонов средневековой литературы, является Джеффри Чосер. Т.Б. Рябова указывает на специфическую позицию поэта по отношению к женщине: «Соглашаясь, что женской природе присущи чувственность, импульсивность, непостоянство, Чосер относится к этому более чем снисходительно – он реабилитирует плоть и плотские желания» [5, с. 25].

Отдельный выпуск журнала «The Chaucer Review» посвящен творчеству Д. Чосера в контексте европейской традиции «спора о женщинах» (*The Woman Question*) [6]. Существуют отдельные исследования гендерного аспекта творчества поэта [7; 8], но в отечественном литературоведении системный анализ целостного восприятия образа женщины в творчестве Д. Чосера отсутствует.

Актуальность настоящей статьи обусловлена недостаточным вниманием к произведениям Д. Чосера, включая видение «Книга герцогини» (*The Book of the Duchess*, ?1369), поэму «Троил и Крессида» (*Troilus and Criseyde*, ?1385) и непереведенную на русский язык «Легенду о славных женщинах» (*The Legend of Good Women*, ?1386), представляющим английскую светскую литературу XIV в. и выражающим выделяющийся среди современников их автора гуманистический взгляд на природу и роль женщины, выходящий за рамки литературных канонов. Целью данного исследования является описание портрета «хороших женщин» в произведениях Д. Чосера, определение способов оправдания женщины в творчестве поэта и оценка его участия в «споре о женщинах».

Основная часть. Куртуазные авторы стремились изложить или даже навязать свои представления о том, как добиться расположения дамы, но не принимали во внимание её индивидуальность. Даже куртуазные каноны не смогли индивидуализировать и освободить женские образы от мужского доминирования: «Прекрасная Дама – женщина, которая “создавалась” мужчиной при полном игнорировании её природы или личностных качеств, создавалась по воле мужчины, на основании его представлений о женщине, изложенных в куртуазной литературе» [9, с. 103]. В куртуазных сюжетах образ дамы статичен, гиперболизирован и идеален с характерным отсутствием стремления изучить природу женщины и мотивы её поступков.

В куртуазном духе Д. Чосер описывает образ женщины в видении «Книга герцогини», в поэме «Троил и Крессида». «Книга герцогини» начинается с описания страданий повествователя от бессонницы и страданий супруги элладского царя Алкионы от неведения о судьбе мужа, отбывшего в море. Это древний миф о побеждающей смерть любви, в котором женщина показана преданной: узнав о гибели мужа, Алкиона сама отошла в мир иной через три дня. Серьезный тон античного сюжета нарушает шутивное сопоставление беды Алкионы и бессонницы повествователя: он молится тем же богам, что и она, чтобы они дали ему поспать, ведь даже Алкиона смогла уснуть, несмотря на свои переживания.

Далее в своем видении повествователь встречает опечаленного рыцаря в черных одеждах. И читатель уже сочувствует не Алкионе, но рыцарю, поскольку его состояние описывается достаточно детально и проникновенно. И пространная речь рыцаря нас в этом убеждает: «О, где мой пыл, и где мой смех? / Я все утратил – все, что мог! / И жизни подведу итог, / Коль скоро к ней потерял вкус...»⁵ [10, с. 49]. Такой поворот вызывает сомнения у исследователей, о ком же написано произведение: о женщинах или мужчинах⁶ (здесь и далее перевод наш, если не указано иное. – А.С). К тому же повествователь, узнав о любовной причине страданий рыцаря и его стремлении покончить с жизнью, отговаривает страдальца, используя образы мстительных женщин, пострадавших от своих возлюбленных (Медея, Дидона).

И основной композиционной частью является изображение образа возлюбленной Черного Рыцаря, выполненное высоким слогом утонченной куртуазной поэзии (*fin amor*) [13, p. 10]. Рыцарь описывает идеальный образ Белоснежки: «Юница кроткая сия / Не знала спеси – но, лия / Свет ослепительный округ, / Затмила напрочь всех подруг»⁷ [10, с. 55]. Основные качества, воспеваемые рыцарем: внешняя красота и скромность, забота о простых людях. Она дружелюбна, умна, всегда весела, приветлива, добра, стремится всем помочь, дает мудрые советы, её манеры изящны. Наделенная такой божественной красотой, женщина была ограждена от злого умысла. В описании Белоснежки преобладает прием гиперболизации: «Собрать бы вместе миллион / Учтивых дев и добрых жен – / Кольми бы сонм такой блистал! / Но даже там на пьедестал / Она взошла бы в небывалом / Собрании служить зеркалом»⁸ [10, с. 64]. Отдельно упоминается верность Белоснежки, сравнимая с таковой у Пенелопы и Лукреции. Рыцарь не мог провести без неё ни дня, желал служить ей. Ради неё он бы бросил бранные дела. Первое признание происходит по всем канонам куртуазной литературы: влюбленный бледнеет, краснеет, ни жив, ни мертв. Но она согласилась на его повторное предложение только через год, когда поняла его благие намерения. Обязательное условие – сделать предложение согласно этикету: «Обласкан девою и согрет – / Насколь дозволил этикет, – / Я перстень от неё приял»⁹ [10, с. 83].

Д.У. Робертсон усматривает нарушение рыцарского канона поведения влюбленного в эгоистичной, чувственной страсти Черного Рыцаря¹⁰ [14, с. 250]. Ведь до встречи с Белоснежкой он увлекался многими дамами,

⁵ «And how I have lost suffisance, / And therto I have no pleasance, / Than may I say I have ryght noght. / And whan al this falleth in my thought, / Allas, than am I overcome!» [11, p. 339].

⁶ «In short, is *BD* a book about the duchess or about the men who made it (through recollection and composition)?» [12, p. 61].

⁷ «For al the world so hadde she / Surmounted hem alle of beaute, / Of maner, and of comlynesse, / Of stature, and of wel set gladnesse, / Of goodlyhede so wel beseye...» [11, p. 340].

⁸ «For I dar swere wel, yif that she / Had among ten thousand be, / She wolde have be, at the leste, / A chef myrour of al the feste, / Though they had stonden in a rowe, / To mennes eyen that koude have knowe» [11, p. 342].

⁹ «And therwith she yaf me a ryng; / I trowe hyt was the firste thyng» [11, p. 345].

¹⁰ «... the Black Knight's behavior contrasts sharply with the current conception of chivalric love... His approach shows no virility,

но настоящую любовь познал только с ней. Однако для повествователя и его аудитории восприятие Белоснежки остается в традиционных рамках. Поэтому можно считать, что такой прием используется для отражения разницы между двумя персонажами, основанной также на отношении к смерти Белоснежки: для рыцаря это невосполнимая утрата, о которой он собирается горевать всю свою жизнь; простоватый и наивный повествователь желает утешить своего собеседника, призывая его жить памятью о своей королеве. И если данная поэма написана Д. Чосером в утешение Джону Гонту, потерявшему свою супругу Бланш, то можно считать поставленную цель достигнутой, поскольку её идеализированный образ возлюбленной, подруги, спутницы жизни сохранился в письменном виде, никогда не сотрется из памяти.

Задача повествователя поэмы «Троил и Крессида» – дать утешенье страдальцам любви на примере истории Троила. Однако и здесь мы сталкиваемся с мужской точкой зрения: Троил страдает от измены возлюбленной, судьба которой решается практически без её участия; Крессида лишена своей воли, её влюбляет в Троила дядя Пандар, подстраивая их встречи и напутствуя принца, как завоевать её сердце. При описании Крессиды Д. Чосер традиционно подчеркивает её невиданную, изрядно преувеличенную, красоту и высокое происхождение: «Сия вдова, по имени Крессида, – / В том не колеблясь я поруку дам – / Красой лица и благородством вида / превосходила всех троянских дам: / должно быть, лишь бессмертным существам, / Что населяют ангельские кущи, / Черты столь совершенные присущи»¹¹ [15, с. 9], «Она умна, учтива – просто клад, / Притом весьма высокого рожденья, / Да и собой, не правда ль, загляденье!»¹² [15, с. 38]. Гиперболизируя красоту дамы, автор останавливается на её робости, но вместе с тем и рассудительности, желании соблюдать все общественные нормы поведения. Автор много внимания уделяет сомнениям главной героини, когда дядя склоняет её к любви с царевичем, она же руководствуется только добропорядочностью и жалостью к Троилу. Кроме красоты внешней, её внутренние добродетели не уступают королевским: она кроткая, веселая, ее речи приятные, она здраво мыслит, щедра и благородна.

Традиционно описывается и поведение влюбленного: на расстоянии он оказывает знаки внимания возлюбленной, чтобы никто не заметил. От своих любовных мучений, по его мнению, его избавит только смерть. Троил клянется служить своей Даме вечно. В сцене объяснения Троил ведет себя, как все рыцари перед своей дамой: «Итак, дрожащим голосом, и сам / Дрожа как лист, краснея и бледнея, / Не веря в страхе собственным устам, / Воззвал он к милой, глаз поднять не смея. / И что ж сказал он ей? Или, вернее, / Что простонал, от робости дрожа?»¹³ [15, с. 114]. И это при том, что в начале истории Троил предстает перед читателем как юноша, не понимающий и насмехающийся над влюбленными и их муками.

В разгар взаимных пылких отношений Крессиду без её согласия решено обменять на плененного троянского воина. Одним из немногих проявлений её воли является желание поступить в этом случае хитро: и не ослушаться городского совета, и не обидеть Троила, а также не навлечь на них обоих позора и сплетен. В разлуке страдания обоих безграничны, что детально описывается автором. Крессида осознает, что Троил мучается по её вине, отчего она страдает вдвойне. Данная характеристика доказывает отсутствие корыстолюбия и эгоизма в Крессиде. Напротив, она чувствует свою ответственность за возлюбленного. Но в лагере у греков она боится остаться без защитника, если Троя падет. В ней говорит здравый смысл. Примечательно отношение повествователя к её поступку: «Я, впрочем, возмущаться слишком яро / Не склонен злополучною вдовой. / И без того её постигла кара: / На целый свет ославлена молвой, / Она сама же за поступок свой / Себя казнила; этого довольно, / Чтоб мы её простили сердобольно»¹⁴ [15, с. 279]. В этих словах проступает призыв прощать женщин, не осуждать их строго, ведь каждый может ошибиться.

Д. Чосер не может отступить от заимствованного им сюжета, о чем он неоднократно упоминает в тексте, а вместе с этим – и от основного посыла оригинала. И даже главная героиня осознает самое серьезное последствие своего поступка: «А строже всех / Осудят жены мой свершенный грех. / Своим паденьем, скажут, мол, Крессида / На всех на них бесчестье навлекла!»¹⁵ [15, с. 277–278]. При всей видимости того, что автор был вынужден писать с точки зрения мужчин, в конце мы видим его истинное намерение в обращении и к противоположному полу: «Еще хотел бы жен я остеречь / В любви от вероломства и обмана: / От ловких умников, чья льстива речь / И что предать готовы вас нежданно. / Ведь не одни мужчины, как ни странно, / Доверчивы бывают чересчур. / Молю, подальше от таких натур!»¹⁶ [15, с. 304]. В целом, кажется, что поэма посвящена исследованию поэтом путей любви, освещая разные её аспекты [16, с. 56]: так, пространно описания превращения Троила из числа мужчин, насмехающихся над влюбленными, в самого пылкого служителя своей Даме и описания преобразования Крессиды из вдовы, не помышляющей о мужчинах, в любящую женщину, предпочитающую смерть разлуке с любимым.

and, certainly, no chivalry. On the contrary, it reveals a merely selfish “sensible passion” without any virtue to commend it».

¹¹ «Criseyde was this lady al right. / As to my doom, in al Troies cite / Nas non so fair, forpassynge every wight, / So aungelik was hir natif beaute, / That lik a thing immortal semed she, / As doth an hevenyssh perfrit creature, / That down were sent in scornynge of nature» [11, p. 474].

¹² «For of good name and wisdom and manere / She hath ynough, and ek of gentilnesse» [11, p. 485].

¹³ «In changed vois, right for his verray drede, / Which vois ek quook, and therto his manere / Goodly abaist, and now his hewes rede, / Now pale, unto Criseyde, his lady dere, / With look down cast and humble iyolden chere...» [11, p. 515].

¹⁴ «Ne me ne list this sely woman chyde / Forther than the storye wol devyse. / Hire name, allas, is publysshed so wide / That for hire gilt it oughte ynough suffice. / And if I myghte excuse hire any wise, / For she so sory was for hire untrouthe, / Iwis, I wolde excuse hire yet for routhe» [11, p. 574].

¹⁵ «And women moost wol haten me of alle. / Allas, that swich a cas me sholde falle! / Thei wol seyn, in as mucche as in me is, / I have hem don deshonour, weylaway!» [11, p. 574].

¹⁶ «N`y sey nat this al oonly for thise men, / But moost for women that bitraised be / Thorough false folk – God yeve hem sorwe, amen! – / That with hire grete wit and subtilte / Bytraise yow. And this comveveth me / To speke, and in effect yow all I preye, / Beth war of men, and herkneth what I seye!» [11, p. 583–584].

М. Никола отмечает выход любовной истории героев за границы куртуазного канона, указывая на то, как серьезность и патетика истории о любовных страданиях снижается иронией Пандара и на измену главной героини, обусловленную внешними обстоятельствами [17, с. 276]. Этот прием послужил, скорее, попытке углубить психологизм при изображении не только влюбленной пары, но и Пандара, а также представить философское осмысление Любви: «Философское осмысление изображаемых событий как у Чосера, так и у Шекспира отмечено включением истории любви героев в структуру и систему мироздания. При этом организующей силой этой системы у Чосера выступает Любовь в её готической устремленности к Богу, и герой в финале поэмы проникается первостепенной значимостью Любви небесной» [17, с. 281].

Не может не заслуживать внимания баллада «Похвала женщине» (*Womanly Noblesse*, XIV в.), обращенная к возлюбленной не только с восхищением её внешней красотой и достоинствами, выражением желания преданно служить ей, но и признанием её значения и женственности как источника душевного спокойствия мужчины¹⁷.

Баллада «Розамунде» (*To Rosemounde*, ?1369) строится на переходе от серьезного, возвышенного тона прославления чувств к возлюбленной к юмористическому тону при гастрономическом сравнении всеобъемлющей любви: «Сильнее я любовью объят, / Чем окунь жареный объят сметаной; / И все о том приметы говорят, / Что я другая ипостась Тристана»¹⁸ [18, с. 565]. И такой контраст усиливается сопоставлением лирического героя с самым идеальным рыцарем Средневековья, чьи намерения к его Изольде были искренними, а трагический финал их любви и его страдания не допускают и тени насмешки. Такое ироническое обыгрывание условностей куртуазной любви также объясняется литературной традицией.

В сборнике благочестивых рассказов «Легенда о славных женщинах» в прологе-видении Д. Чосер обосновывает необходимость создания своей книги: повествователя, поэта и влюбленного, в его сне укоряет бог любви за недостаточно преданное служение ему, хотя автор много внимания уделяет описанию возвышенных любовных чувств повествователя к своей возлюбленной. Образ возлюбленной и желание ей служить, даже призыв не судить строго поэтическое мастерство влюбленного остаются в рамках куртуазных традиций. Бог любви говорит, что поэт не достоин служить богине любви, поскольку он стал их врагом, когда перевел «Роман о Розе» и написал о неверной Крессиде: «Ты не можешь отрицать, что простыми словами, близко к оригиналу ты перевел «Роман о Розе», который порочит мои законы и заставляет мудрых людей отворачиваться от меня. И об измене Крессиды ты рассказал так, что теперь мужчины меньше доверяют даже самым верным женщинам»¹⁹. Супруга Амура Алкеста вступает за поэта, она играет роль наставницы, хочет смягчить гнев Амура. Этот мотив развивается в назидательном тоне, как поучения, каким должен быть правитель: справедливым, уметь во всем разобраться, независимо от происхождения обвиняемого. Д. Чосер апробирует здесь прием, который он углубит в рассказе батской ткачихи: Алкеста (как и супруга короля Артура) смогла убедить мужа не наказывать поэта слишком строго, она показала себя как добродетельная и честная. К тому же автор намеренно вводит в качестве супруги Амура именно Алкесту, согласно легенде пожертвовавшую своей жизнью ради жизни Адмета: она добровольно сошла в ад вместо него, чтобы отсрочить его смерть.

Поэт, в свою очередь, оправдывается. Обращаясь к «Роману о Розе» и сюжету о Троице, он хотел только предупредить о лжи и пороке в любовных делах, но не выступать против верных влюбленных²⁰. И Алкеста назначает в наказание поэту писать о верных женщинах и о мужчинах, предавших своих возлюбленных: «Ты должен большую часть своего времени в течение своей жизни посвящать созданию легенд, прославляющих хороших женщин, девушек и жен, которые были верны своим возлюбленным всю свою жизнь; и рассказывать о неверных мужчинах, которые их предали, и все время только и считали, скольким женщинам они навредили. Ведь в вашем мире это стало игрой»²¹. Бог любви на примере такого добродушия своей королевы указывает на то, что только благородное сердце способно к состраданию и великодушию. Бог любви рассказывает легенду о верности Алкесты, хвалит её, она скромно краснеет. Она должна быть примером для всех влюбленных женщин. Поскольку она научила благородной и возвышенной любви и показала пример достойного поведения женщин²². Напоследок Амур подчеркивает, что добропорядочных и верных женщин больше, чем тех, которых поэт собирается перечислить в своей книге.

Героини легенд, кроме Клеопатры, – мифические и литературные персонажи. Судя по написанным девяти легендам основное внимание поэта привлекали такие качества женщины, как верность возлюбленному (Клеопатра), приводящая к её самоубийству, нежелание жить без его любви (Фисба, Дидона, Гипсипила), честность перед мужем и обществом (Лукреция), когда её верность была силой нарушена, что тоже приводит к её смерти.

¹⁷ «...whan that your gentilnesse / Of my grete wo liste do alleggeaunce, / And with your pite me som wise avaunce / In ful rebatung of myn hevynesse» [11, p. 650].

¹⁸ «Nas never pyk walwed in galauntyne / As I in love am walwed and ywounde, / For which ful ofte I myself devyne / That I am trewe Tristam the secounde» [11, p. 649].

¹⁹ «Thou maist yt nat denye, / For in pleyn text, withouten nede of glose, / Thou hast translated the Romaunce of the Rose, / That is an heresy ayeins my lawe, / And makest wise folk fro me withdrawe; / And of Creseyde thou hast seyde as the lyste, / That maketh men to women lasse triste, / That ben as trewe as ever was any steel» [11, p. 597].

²⁰ «... yt was myn entente / To forthren trouthe in love and yt cheryce, / And to ben war fro falsnesse and fro vice / By swich ensample; this was my menyng» [11, p. 601].

²¹ «Thow shalt, while that thou lyvest, yer by yere, / The moste partye of thy tyme spende / In making of a glorious legende / Of goode wymmen, maydenes and wyves, / That weren trewe in loving al hire lyves; / And telle of false men that hem bytraien, / That al hir lyf ne don nat but assayen / How many women they may doon a shame; / For in youre world that is now holde a game» [11, p. 601].

²² «For she taught al the craft of fyn lovyng, / Ans namely of wyfhod the lyvyng, / And al the boundes that she oghte kepe» [11, p. 603].

В рассказе об Ариадне выстроен контраст между способностью к жалости у мужчины и женщины. Царь Минос не ответил взаимностью на оказанную влюбленной в него женщиной помощь в завоевании города, а его дочь ждалась над его пленником Тезеем, который в итоге её обманул.

История о Филомеле представляет жестокого, сладострастного мужа её сестры, который, добившись Филомелу силой, отрезал ей язык и спрятал в замке как пленницу. Подчеркивается сила любви Филомелы к сестре, которая не побоялась оставить отчий дом, чтобы навестить сестру. В легенде о Филии в основе сюжета – обман мужчины, в которого она влюблена и который украл её сокровища. Подчеркивается мысль о том, что он поступил с ней так же, как и его отец – с Ариадной, упомянутой выше. Легенда о Филии завершается отеческим предупреждением от повествователя: «Остерегайтесь, о женщины, коварного врага, примеры действий которого мы можем видеть и сегодня; и в любовных делах доверяйте только мне»²³. Здесь автор возвращается к теме, поднятой в начале книги, о достоверности описываемых в уважаемых источниках сведениях и необходимости верить им, а не проверять все на собственном опыте.

Последняя легенда повествует о выборе дочери между смертью отца, предсказанной ему от рук его племянника, и смертью мужа, которого её отец просит собственноручно убить. Гипермнестра рассуждает о том, что женские руки не предназначены убивать, она не хочет быть неверной своему долгу жены и жить с этим грехом всю жизнь. Она решает спасти мужа и попадает за это в тюрьму. Оценивая «Легенду о славных женщинах», А.Н. Горбунов делает предположение, что, отстаивая традиционный идеал брака, «Чосер нанес удар по прочно укоренившимся в Средние века представлениям об иерархии мужского и женского начал», ведь в отношении нравственности все героини намного выше своих мужчин [16, с. 44].

По мнению И.Ю. Старостиной, в данном произведении Д. Чосер ограничивает пространство благородных женщин только жизнью в браке, обходя публичную сферу [7, с. 8]. Возможно, только в частной сфере женщина может проявить свои лучшие качества, что приближает её образ к реальному, отдаляя от куртуазных шаблонов. Высказывая сомнения о том, что в реальной английской жизни существует идеальный мужчина, соответствующий требованиям рыцарского кодекса, Д. Чосер, по словам И.Ю. Старостиной, отражает реальные социальные изменения в обществе, свидетельствующие о закате традиционной куртуазной культуры и увеличении роли среднего класса [7, с. 9]. Отношение поэта к этим изменениям можно заметить и в «Кентерберийских рассказах» в противопоставлении образов куртуазных дам из рассказов паломников и образов батской ткачихи и персонажей из рассказов в жанре фаблю. О проявлении нового сознания и ментальности в образе ткачихи говорит и К.Г. Тебенев [8, с. 115].

В «Кентерберийских рассказах» (*The Canterbury Tales*, 1390-е), самом значимом произведении поэта, важное значение занимают женские образы, поскольку они выступают в повествовательном соревновании наравне с мужчинами: все без исключения с уважением выслушивают историю второй монахини о святой Цецилии, благочестивую легенду аббатисы, задумавшись над сказанным ей, выслушивают и длинный пролог и рассказ батской ткачихи; когда её пролог прерывается перебранкой пристава и кармелита, трактирщик за неё уважительно вступается.

И неспроста второе место после рассказа рыцаря занимает история измены жены из уст пьяного мельника. Главная мысль: женский нрав слабый, верная жена – большая редкость. Как оправдание поступку молодой жены служат приведенные мельником слова Катона: «Простак не знал Катона, / Который написал во время оно: / “Жениться следует ровне с ровней, / И однолеткам в паре быть одной”»²⁴ [18, с. 86]. И не зря автор крайне положительно описывает красоту и живость Алисон. Хотя она и идет на оправданное уже автором бесчестие мужа, но не изменяет своему избраннику Николасу, когда Авессалом пытается добиться её внимания. Этим автор утверждает ее свободу выбора и верность сердца возлюбленному. В конце рассказ концентрируется на соперничестве Николаса и Авессалома, а не на измене Алисон. Еще один рассказ в духе фаблю затрагивает вопрос жадности мужа, жена скрывает свою измену, резонно укоряя мужа в его скупости. Из рассказа шкипера Гарри Бэйли выносит вывод о кознях монаха, а нечестный поступок жены здесь второстепенен и получает оправдание, поскольку сама героиня сумела выйти сухой из воды.

Подбирая сюжеты фаблю для «Кентерберийских рассказов», Д. Чосер подстраивает условность этого жанра под свои задачи: богиня Прозерпина помогает оправдаться перед мужем молодой Мае, которую он застал за изменой. В типичный сюжет фаблю об адюльтере автор влетает нешуточный спор Плутона и его жены о предательстве женщин. Аргумент Плутона – слова Соломона о развратном женском нраве. Возражения Прозерпины, защищающей весь женский род, основываются на известных литературных источниках о примерах добродетельных женщин («Римские деяния» (*Gesta Romanorum*, кон. XIII – нач. XIV в.), агиографии о мученицах), и на утверждении, что Соломону не встречались хорошие женщины, а другим встречались²⁵, на критическом подходе к словам царя: «Хотя бы даже прав был Соломон, / Что не видал хороших женщин, – он / Хотел сказать, что совершенен Бог, / А смертный без различья пола плох»²⁶ [18, с. 273].

²³ «Be war, ye wemen, of youre subtyl fo, / Syn yit this day men may ensauple se; / And trusteth, as in love, no man but me» [11, p. 628].

²⁴ «He knew nat Catoun, for his wit was rude, / That bad man sholde wedde his simylitude. / Men sholde wedden after hire estaat, / For youthe and elde is often at debaat» [11, p. 68].

²⁵ «I woot wel that this Jew, this Salomon, / Foond of us wommen fooles many oon. / But though that he ne foond no good womman, / Yet hath ther founde many another man / Wommen ful trewe, ful goode, and virtuous» [11, p. 166].

²⁶ «Though that he seyde he foond no good womman, / I prey yow take the sentence of the man; / He mente thus, that in sovereyn bontee / Nis noon but God, but neither he ne she» [11, p. 166].

Самое интересное в её линии защиты – это доказательство непоследовательности в поступках царя (он построил храм и Богу, и языческим богам, а в старости он погряз в распутстве и ереси), из которого вытекает, что на его мнение о женщинах нельзя опираться. После этих логичных доводов Плутон уступает жене и позволяет ей помочь изменщице оправдаться перед мужем. Но в обсуждении этого сюжета трактирщик-судья подытоживает, что женщины склонны обманывать, прибегая к различным уловкам. Он приводит в пример свой опыт из жизни со сварливой женой, которая не блещет умом, а только гораздо придираться. То есть трактирщик выражает типичное мнение противников «спора о женщинах» и излагает шаблонные характеристики женщин. Также Д. Чосер поднимает здесь устами Гарри Бэйли вопрос о том, стоит ли жениться: для Бэйли жена – обуза.

Темы брака Д. Чосер коснулся и в лирическом послании «Совет Бактону относительно женитьбы» (*Lenvoy de Chaucer a Buckton*, ?1396). Д. Чосер намекает на сравнение брачных уз с цепями, сковавшими сатану, но обвиняет в этом его самого. Поэт называет женитьбу ловушкой и призывает прочесть рассказ батской ткачихи. Финальные строки выражают пожелание прожить жизнь, свободную от уз: «Да позволит Бог прожить твою жизнь свободно, поскольку быть связанным узми тяжело»²⁷. Большинство исследователей сходятся во мнении, что такой совет не выражал истинного отношения поэта к теме брака. Скорее, здесь следует учитывать стремление Д. Чосера к освещению какой-либо тематики с разных сторон, иронической в том числе.

Ткачиха, судя по её рассказу о самой себе, очень похожа на Алисон из истории мельника: женщина со своими недостатками и чаяниями, ищущая свое земное счастье. Ее сказочно-рыцарская история затрагивает такие вопросы, как уважение мужа к жене, его скупость, мудрость женщины как самая главная добродетель жены. И снова Д. Чосер смещает центр повествования на те мысли ткачихи как персонажа книги, которые он сам в ней вывел на первое место в ее прологе. В то же время незаметно автор вводит достаточно важное свое наблюдение: женщина способна аргументированно защитить себя, свободно обращаясь с литературным и философским наследием Данте, Сенеки, Бозция, Ювенала. Старуха разубеждает молодого рыцаря в его же словах, когда он её укоряет в безродности, бедности, старости и уродстве. Рассказ батской ткачихи паломники оценили какпреважный, который был бы полезен всем, если бы нашелся ответ на вопрос: что для женщины важнее всего.

Заключение. Таким образом, Д. Чосер, написав целое оправдательное произведение «Легенда о славных женщинах» и указав на основной источник негативного литературного мнения, сложившегося в Средневековье о женщинах, – «Роман о Розе», демонстрирует свое осознание необходимости противопоставить ему его собственное положительное видение природы женщин. Традиционными обвинениями против женского пола в Средние века были упреки в неверности, злословии, несовершенстве ума и отсутствии добронравия.

Д. Чосер в целом положительно относится к женщине, о чем свидетельствуют частые обращения к женским образам. Малые поэтические пробы, как и более крупные, демонстрируют стремление поэта всесторонне осмыслить природу любовных чувств: в серьезном тоне («Похвала женщине», «Книга герцогини», любовная линия Троила и Крессида, «Легенда о славных женщинах») и с иронией («Розамунде», роль Пандара в развитии отношений Троила и Крессида, рассказы паломников в духе фаблю). Поэт призывает не судить строго об их ошибках и не распространять мнение о недостатках немногих женщин на всех представительниц прекрасного пола («Троил и Крессида»).

Образ женщины XIV в., по мнению Д. Чосера, прямо противоположный устоявшемуся в Средние века мнению: женщина – верная хранительница семейного очага (даже батская ткачиха хранила верность всем своим мужьям, которых она пережила). Но она имеет право бороться за свое счастье в некоторых случаях: вдовы могут выйти замуж вновь, жены старых, глупых или даже жадных мужей могут наказать их изменой («Кентерберийские рассказы»). Такие исключения совершенно не разрушают идеала брака, который Д. Чосер отстаивал в «Легенде о славных женщинах», напротив, его главной целью было предупредить и жен, и мужей о том, что может разрушить их брак, на что нужно ориентироваться перед выбором супруги. Немаловажна демонстрация того, как женское начало уравнивает мужское в их союзе: гнев мужа может обуздать только жена, она призывает к справедливости и благородству (Амур и Алкеста, король Артур и королева). Таким образом, поведение жены может оказывать влияние не только на семью, но и иметь общественно-социальное значение.

Использование куртуазной поэтической традиции позволяет Д. Чосеру показать, что женщины своей красотой зажигают жизнь в мужчине («Книга герцогини»), пробуждают в нем вселенское чувство Любви («Троил и Крессида»). Они способны проявлять высокие чувства, сострадание к простым людям, ответственность за жизнь возлюбленного, не меньше мужчин заботятся о соблюдении общественных приличий.

В произведениях Д. Чосера можно выделить следующие способы защиты женщин: опора на сюжеты и образы из авторитетных античных источников (Алкеста и героини «Легенды о славных женщинах»), осуждение авторитетов, порочащих женщин (Соломон в «Кентерберийских рассказах»), использование рационального подхода при анализе личности авторитета (Соломон). На примере взаимоотношений богов Прозерпины с Плутоном и Амура с Алкестой Д. Чосер показывает, что нужно уважать женщину, тогда она будет образцом благонравия, доброты. Желание предостеречь женщин и уберечь их от связи с недобросовестными мужчинами, способными на предательство и неуважительное к ним отношение, также представляет собой способ защиты прекрасного пола. Д. Чосер также подталкивает читателя к сопоставлению обоих полов, говоря о том, что чрезмерная чувствительность («Троил и Крессида»), стремление искать выгоду через обман (монах Джон из рассказа шкипера), злонравие (Авессалом из рассказа мельника) свойственны и мужчинам.

²⁷ «God graunte yow your lyf frely to lede / In fredam, for ful hard is to be bonde» [11, p. 656].

ЛИТЕРАТУРА

1. Рыбакова О.Г. Женщина в культуре западноевропейского средневековья (по материалам современной американской научной периодики). – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. – 118 с.
2. Трофимова В.С. «Спор о женщинах» в европейских культурах конца XVI – начала XVII века // Диалог со временем. – М: ИВИ, 2015. – Вып. 50. – С. 338–349.
3. Трофимова В.С. Проблема женщины в эпоху раннего Возрождения: Кристина Пизанская // Вестник МГПУ. Сер. «Филологические науки». – 2013. – № 2(8). – С. 103–112.
4. Никола М.И. Истоки женской повествовательной прозы в Англии («Откровения божественной любви» Юлианы из Нориджа и «Книга Маджери» М. Кемп из Линна) // Вестн. Вятского гос. гуман. ун-та. – 2012. – № 3(1). – С. 121–129.
5. Рябова Т.Б. Женщина в истории западноевропейского средневековья. – Иваново: Изд. центр «Юнона», 1999. – 212 с.
6. Matlock W.A., McCormick B. The Woman Question: Chaucer in His European Context // The Chaucer Review: A journal of medieval studies and literary criticism. – 2020. – Vol. 55, No. 4. – P. 345–356.
7. Старостина И.Ю. Дж. Чосер о гендерном поведении английского дворянства // Изв. Саратов. ун-та. Сер. История. Международные отношения. – 2012. – Т. 12. – Вып. 2. – С. 7–10.
8. Тебенев К.Г. Интегральность идентичности и специфика творчества Дж.Чосера // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2013. – № 374. – С. 114–116.
9. Букатова Д.М., Колесниченко Л.И. Культ Прекрасной Дамы как отражение средневековой концепции несовершенства женской природы // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». Проблемы культурологии. – 2017. – № 2. – С. 98–104. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kult-prekrasnoy-damy-kak-otrazhenie-srednevekovoy-kontseptsii-nesovershenstva-zhenskoy-prirody/viewer>. (Дата обращения: 03.05.2024).
10. Чосер, Джеффри. Книга о королеве. Птичий парламент / Пер. с англ., коммент. С.А. Александровского. – М.: Время, 2004. – 224 с. (Триумфы).
11. The Riverside Chaucer / Third edition. Benson, Larry D., ed. Based on *The Works of Geoffrey Chaucer* Edited by F.N. Robinson. – Boston, MA.: Houghton Mifflin, 1987. – 1327 p.
12. Fumo J.C. Making Chaucer's *Book of the Duchess*. Textuality and Reception. – Cardiff: University of Wales Press, 2015. – 244 p.
13. O'Connell, J. Emotional Boundaries in Chaucer's *Book of the Duchess* // Midlands Historical Review [Electronic source]. – Vol. 2. – 2018. – URL: <http://www.midlandshistoricalreview.com/emotional-boundaries-inchaucers-book-of-the-duchess/>. (Date of access: 02.05.2024).
14. Robertson D.W. Jr. The Historical Setting of Chaucer's *Book of the Duchess* // Essays in Medieval Culture. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1980. – P. 235–256.
15. Чосер Дж. Троиц и Крессида / пер. М. Бородинской // Чосер Дж., Хенрисон Р., Шекспир У. Троиц и Крессида. Завещание Крессида. Троиц и Крессида / изд. подгот. А. Н. Горбунов, М. В. Оверченко, Н. Т. Пахарьян ; отв. ред. А. Н. Горбунов. – М.: Наука. – С. 5–307.
16. Горбунов А.Н. Чосер средневековый. – М.: Лабиринт, 2010. – 335 с.
17. Никола М.И. «Троиц и Крессида» Дж. Чосера и «Троиц и Крессида» У. Шекспира: опыт сравнительного анализа // Информационный гуманитарный портал «Знание, понимание, умение». Проблемы филологии и искусствознания [Электронный ресурс]. – № 4. – 2015. – URL: <https://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/174>. (Дата обращения: 03.05.2024).
18. Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. – М.: Наука, 2012. – 951 с. (Литературные памятники).

Поступила 27.05.2024

POSITIVE FEMALE IMAGE IN GEOFFREY CHAUCER'S WRITINGS

A. SMULKEVICH

(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The present article studies the writings of the XIVth century English poet Geoffrey Chaucer as correlated with such literary phenomenon as «querelle des femmes», that stated female perfection. The poet disproves all traditional accusations against women in unfaithfulness and infidelity, slander, unreason by means of using examples from legends and history and using courtly canon to make ideal the image of the beloved, capable to simultaneously function as a wise adviser, a friend and a faithful spouse. G. Chaucer tends to explore the essence of Love as Universal law that can transform both men and women into such people who are ready to sacrifice their life for their beloved. According to the poet a woman is created to balance a man in such a way as to keep him from wrath, superstitions and injustice. This idea leads to the deduction that the poet expected women's influence spread beyond private, family sphere. G. Chaucer considered that his main task was to warn both men (especially old, silly, greedy husbands) and women (gullible women should not become victims for unfaithful, deceitful men who can betray) against negative love situations. In connection to this, he called to apply empiric approach basing on experience accumulation through reading ancient sources and their critical comprehension, the example of which he provides in his own analysis of inconsistency in the wise Solomon's actions and statements.

Keywords: «querelle des femmes», secular literature, courtly canon, fabliaux, defense of women, an image of faithful wife, warning for men and women in love.

УДК 821.111

DOI 10.52928/2070-1608-2024-72-4-14-18

ОБРАЗ ПОРТДЖЕННСКОЙ БАШНИ В РОМАНЕ У. КОЛЛИНЗА «МЁРТВАЯ КОМНАТА»

Ю.Д. ШАБУНЯ

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

e-mail: y.shabunya@psu.by

Рассматривается образ Портдженнской башни в романе английского писателя и драматурга У. Коллинза (William Wilkie Collins, 1824–1889) «Мёртвая комната» (*The Dead Secret*, 1856). Отмечается влияние готической традиции на творчество У. Коллинза и описание основного места действия. Подчёркивается важность вещного мира, природы, а также символы, придающих повествованию напряжение и драматизм. Выявляются особенности авторского подхода к созданию атмосферы таинственности и загадочности при описании башни. Анализируются художественные средства, приёмы, мотивы романа «Мёртвая комната», создающие образ башни.

Ключевые слова: готическая литература, мотив, образ, Портдженнская башня, Миртовая комната, художественное пространство.

Введение. Уильям Уилки Коллинз (William Wilkie Collins, 1824–1889) – классик английской литературы XIX в., родоначальник классического английского детектива. Творчество автора насчитывает 27 романов, 15 пьес и более чем полусотню рассказов. Один из самых знаменитых романов У. Коллинза – «Лунный камень» (*The Moonstone*, 1866) принято считать первым детективным романом на английском языке. Точная прорисовка деталей, романтические мотивы, глубокий психологизм персонажей, пристрастие к загадочным явлениям человеческой психики и интерес к парапсихологии характеризуют творчество У. Коллинза. Данные черты творчества писателя прослеживаются в романах «Мёртвая комната» (*The Dead Secret*, 1856), «Муж и жена» (*Man and Wife*, 1870), «Отель с привидениями» (*The Haunted Hotel: A Mystery of Modern Venice*, 1878), «Опавшие листья» (*The Fallen Leaves*, 1879) и т.д. Стоит упомянуть тесную дружбу У. Коллинза с английским писателем Чарльзом Диккенсом (Charles John Huffam Dickens, 1812–1870), оказавшим влияние на его творчество. Ч. Диккенс публиковал некоторые работы У. Коллинза в журналах «Круглый год» (*All The Year Round*, 1859–1870) и «Домашнее чтение» (*Household Words*, 1850–1859), а также был соавтором отдельных его пьес и романов, например, «Ленивое путешествие двух досужих подмастерьев» (*The Lazy Tour of Two Idle Apprentices*, 1857) и «В тупике» (*No Thoroughfare*, 1867).

Изучением творчества У. Коллинза занимались как отечественные, так и зарубежные исследователи. Так, Г.В. Аникин и Н.П. Михальская отмечают создание У. Коллинзом развлекательных, так называемых «сенсационных» романов, которые отвлекают читателя от действительности, обращаясь к описанию необычного и эффектного [1]. Жизни и творчеству У. Коллинза посвящены работы З.В. Антоновой [2; 3; 4]. Восприятием «сенсационных» романов и взаимодействием жанровых модификаций социально-криминального романа (на материале русского перевода «сенсационного» романа У. Коллинза «Женщина в белом») У. Коллинза занимался И.А. Матвеев [5; 6]. Структурному и функциональному анализу «сенсационных» романов У. Коллинза посвящена монография А.И. Хотинской [7]. Характерные черты творчества, – в частности, романов, – рассматривает В.А. Скороденко, выделяя обилие информационного, социологического и публицистического материала в произведениях У. Коллинза [8]. Н.А. Соловьёва отмечает связь «сенсационного» романа У. Коллинза с готической традицией на основании использования автором мелодраматических эффектов и трагического колорита [9, с. 385]. Также о влиянии готической традиции в творчестве У. Коллинза пишет О.Е. Осовский, отмечая, что готика распространяется не только на английскую прозу эпохи романтизма, но и отчётливо проецируется на постромантическую и неоромантическую «готику» второй половины XIX в., находя отражение в произведениях автора [10].

В зарубежном литературоведении к творческому наследию У. Коллинза обращались многие исследователи, среди которых можно выделить работу К. Робинсон, где отмечается влияние биографии писателя на его творчество [11]. Интерес к личности У. Коллинза, его произведениям обуславливают популярность творчества автора, «связывающего две эпохи: эпоху ушедшего и модного в течение долгого времени готического романа <...> и эпоху детективного романа, только начинавшегося в Англии и имевшего уже своих читателей» [9, с. 385].

Тем не менее, при многообразии разноплановых исследований, посвящённых как биографии писателя, так и анализу его творческого наследия, на данный момент не существует исследований отдельных аспектов поэтики романа «Мёртвая комната». Образ башни в романе заслуживает особого внимания, поскольку посредством его становится возможным отметить тяготение автора к готической традиции и изображению пугающего и потустороннего, несмотря на принадлежность романа к детективному жанру. Таким образом, цель настоящего исследования – рассмотрение образа башни в романе У. Коллинза «Мёртвая комната» и выявление в нём черт готической литературы. Объект исследования – роман У. Коллинза «Мёртвая комната». Предметом исследования является образ башни в вышеупомянутом произведении.

Стоит отметить, что «сенсационный роман» У. Коллинза, у истоков которого он стоял, тяготеет к синтезу разных жанров, в особенности – детектива и готики. Как отмечает А.И. Хотинская, с формальной точки зрения «сенсационный роман» представляет собой не отдельный жанр, а жанровый гибрид, в котором сочетается художественный опыт готического, психологического, социально-бытового и фантастического романов [7]. Так,

«сенсационный роман» У. Коллинза представляет собой сложное явление, требующее подробного рассмотрения. Таким образом, актуальностью данного исследования становится рассмотрение образа Портдженнской башни в романе У. Коллинза «Мёртвая комната» и выявление черт готического романа в данном произведении. Новизна определяется тем, что в данном исследовании впервые предпринимается попытка выделить черты готического романа в произведении У. Коллинза «Мёртвая комната».

Основная часть. У. Коллинз писал в викторианскую эпоху, которая знаменуется значительными изменениями в художественной литературе того времени. Автор является одним из основоположников английского детектива. В его произведениях прослеживается использование вышедшей из моды формы готического романа на основе изменённых элементов, усиливающих драматизм повествования. Однако, поместив в текст необычное, таинственное и интригующее, а также нераскрытые загадочные происшествия, У. Коллинз моделирует авторскую форму сенсации [9, с. 385]. Роман «Мёртвая комната», созданный в условиях равновесия между остросюжетным романом и романом характера, появляется в 1856 году. Завязка романа, выполненная в традициях готического романа, представляет собой рассказ о последнем дне госпожи Тревертон, которая перед смертью пишет письмо, рассказывая в нём страшную тайну. Женщина просит горничную передать письмо мужу, однако, она не выполняет последнюю волю умирающей и прячет письмо в заброшенной Миртовой комнате, после чего исчезает из дома навсегда. Далее автор описывает события, происходящие через 15 лет, где главной героиней становится единственная дочь хозяйки Портдженнской башни.

Дом является одной из смысловых и сюжетных доминант художественной литературы. Так, У. Коллинз пишет, что «у всех старых домов есть своя история, и это история нашего дома»¹, данная идея становится сюжеттообразующей в произведении. Писатель рассуждает о том, как важно время, проведённое в доме, подчёркивая значимость дома для каждой отдельной семьи, использует слово «дом» в значении «семья».

Впервые автор упоминает Портдженнскую башню при описании вечера, когда госпожа Тревертон ещё была жива. Она находилась в комнате, полной мрака и тьмы, которая сгущалась в отдалённых углах комнаты. Вещный мир, наполняющий комнату, дополнительно отражает тяжёлую атмосферу, наполняющую воздух внутри помещения: «Шкафы, платяной шкаф, зеркало в полный рост, кресло с высокой спинкой, бесформенная громада кровати – всё это можно было разглядеть в тусклом свете. Вся остальная обстановка была погружена во мрак. Через открытое окно, отворённое, чтобы впустить свежий воздух нового утра после знойной августовской ночи, монотонно долетал в комнату глухой, тихий и отдалённый шум прибоя на песчаном берегу»² (Здесь и далее перевод наш. – Ю.Ш.). Так, внутренний облик комнаты, в которой доживала свои дни госпожа Тревертон, отвечает готической традиции, поскольку автор описывает пугающий антураж и мебель, вид которой вызывает страх. Атмосфера внутри башни напряжена, а безмолвие и отсутствие шумов на контрасте создают накал и драматизм ситуации. Смерть женщины автор реализует через мотив болезни, свойственный для романа «тайны и ужасов».

Рядом с Портдженнской башней располагалась церковь, силуэт которой был скрыт за живой изгородью из мирта и фуксии, растущей вокруг небольшого кладбища. При этом автор сочетает несочетаемые на первый взгляд вещи: церковь и цветочный сад – символы веры и жизни, и кладбище – обитель мёртвых. Церковь и кладбище являются типичными локациями в готическом повествовании, поскольку отражают специфику жанра. Мрачная и холодная среда окружает стены башни, передавая настроение внутри строения. При этом автор точно определяет географическое положение башни, локализуя художественное пространство. У. Коллинз описывает старинный особняк на побережье Корнуолла, где разворачиваются все события романа. Также автор называет строение «башней», подчёркивая его высоту и размеры. Портдженнская башня представляет собой довольно старый большой дом со своей историей; северная его часть полуразрушена и находится в запущенном состоянии: «Дом, имущество, шахта и рыболовные угодья Портдженны были выставлены на продажу через несколько месяцев после смерти госпожи Тревертон, но никто не соглашался на сделку по покупке имения»³. Автор пишет о том, что башня частично разрушена. В этой детали чётко прослеживается тяготение писателя к готической традиции, поскольку мотив разрушения является одним из часто встречающихся элементов повествования романа «тайны и ужаса».

По мнению Л.В. Сидорченко «для творчества У. Коллинза свойственна реалистичность и достоверность происходящих событий» [12, с. 321]. Данный принцип объясняет авторский подход к изложению материала. Несмотря на то, что роман «Мёртвая комната» является детективной историей с элементами готики, автор не описывает появление призраков внутри башни и сверхъестественное начало, а лишь упоминает страх людей перед неким «живым существом», о котором они могут лишь догадываться. И.И. Бурова отмечает, что У. Коллинз, как романист, строго следовал принципу правдоподобия, из-за чего избегал в своих произведениях даже упоминаний о призраках [13]. В приоритете У. Коллинза – чёткая и точная передача информации, которая отражает психологизм и внутренние переживания. Так, напряжённость обстановки внутри Портдженнской башни выражается

¹ «All old houses have their romance – and that is the romance of our house» [17].

² «The cabinets, the wardrobe, the full-length looking-glass, the high-backed arm-chair, these, with the great shapeless bulk of the bed itself, towered up heavily and gloomily into view. Other objects were all merged together in the general obscurity. Through the open window, opened to admit the fresh air of the new morning after the sultriness of the August night, there poured monotonously into the room the dull, still, distant roaring of the surf on the sandy coast» [17].

³ «Well, the house, the estate, the mine, and the fisheries of Porthgenna were all publicly put up for sale a few months after Mrs. Treverton's death; but no offers were made for the property which it was possible to accept» [17].

в настроении героев, их эмоциях, действиях, а также реалистичности происходящих событий. Автор, используя большое количество художественных деталей, к которым относится подробное изображение интерьера, мебели и общего вида комнат, описывает состояние северной части башни: «Балки лестницы и пол на первом этаже полностью прогнили. Стены были разрушены из-за сырости и крыс. Четыре каминные полки отошли от стен. Потолки были покрыты пятнами и трещинами, а в некоторых местах они отслоились. Полы в целом сохранились немного лучше, чем это было ожидаемо, но ставни и оконные створки были настолько деформированы, что больше не годились для использования»⁴. У. Коллинз пишет о том, что жизнь в северной части башни словно остановилась и застыла, свидетельством тому является внутреннее убранство и антураж длинных и тёмных коридоров. Тёмные и ветхие лестницы, коридоры без света, грязный пол и паутина повсюду являются доказательством того, что туда много лет не ступала нога человека.

Описание вещного мира является одним из инструментов, вызывающих страх и неприятные эмоции. В литературе XVIII–XIX вв. данная тенденция прослеживается не только в творчестве У. Коллинза, но и Дж. Остен, которая пародировала готический роман. Так, впечатление Розамонды, (главная героиня романа У. Коллинза), возникшее от прочтения письма архитектора, а также охватившие её предчувствия, выражены внутренним монологом и указывают на готовность и, в то же время, страх перед возвращением в родной дом. Не зная секретов родителей, девушка понимала, что увидит там призраков и откроет таинственные северные комнаты: «Знаешь, я никогда не видела этих старых развалившихся северных комнат! Но я их так люблю! Мы вместе пойдем осматривать их, Ленни. Ты возьмешь меня за руку, посмотришь всё моими глазами и сделаешь столько же открытий для себя, сколько и я. Я тебе предсказываю, что мы увидим призраков, найдём там клад, услышим таинственный шум. О, Боже, через какие тучи пыли нам придется пройти. Я вся в предвкушении!»⁵. Автор описывает интерес девушки к своему роду и дому, несмотря на то что строение ветхое и старое – ей важно находиться там, где её корни. В этом выражается мнение автора – У. Коллинз обращает внимание на важность уважения к семье и роду.

Место, где расположена башня, У. Коллинз называет «диким и унылым краем»⁶. Несмотря на то, что северная часть башни пришла в полное запустение, западная её часть превосходно сохранилась. При помощи противопоставлений автор усиливает таинственность и мрачность строения, подчёркивая одиночество этого места. Л.И. Чернавина отмечает, что У. Коллинз активно использует различные тропы, которые делают текст более точным и красноречивым, что помогает передать все оттенки эмоций, которые выражает автор, а также обратиться к занимательности сюжета, драматичности действия [14, с. 51]. Так, используя эпитеты, У. Коллинз пишет о «мёртвом спокойствии Портдженнской башни»⁷, её «зловещей тишине»⁸ и «тоскливом одиночестве»⁹, и называет её «домом-темницей»¹⁰ и «мрачным дьявольским местом»¹¹, что характеризует башню как отдалённое и пустынное место. Кроме этого, автор использует большое количество сопоставлений, основанных на антитезе, оттеняющих противоположные понятия, при помощи которых создаётся внутреннее убранство Портдженнской башни: «Потолок, потемневший от пятен, и пол, побелевший от пыли»¹². Автор сравнивает северную часть башни с «могилой с пауками»¹³. Это говорит о необжитости старого здания, его запустении. Также в тексте фигурирует сравнение башни с «одиноким болотом в Корнуолле»¹⁴, которое не подпускает к себе людей. Повествование и описание Портдженнской башни композиционно напоминает готическую традицию: строение, в котором происходят все действия, таинственно, мрачно и пугающе. Данный факт объясняется тем, что автор стоял у истоков сенсационного романа, влияние на который оказала готическая литература [15, с. 18]. Так, А.П. Белая отмечает, что «У. Коллинз экспериментировал с различными лексическими приемами, которые придавали его произведениям дополнительный колорит» [15, с. 39].

Особое место в романе отводится описаниям природы. Стужение красок, шум прибоя, тёмные ночи, контрасты, созданные шумом сильного ветра и, наоборот, полной тишиной и безмолвием, яркие солнечные дни и, напротив, пасмурное и облачное небо характеризуют природу, которая погружает в себя всё, что окружает башню. Противопоставление богатой природы и мрачной башни создают атмосферу произведения, близкую к готической. Кроме

⁴ «The beams of the staircase and the flooring of the first story have got the dry rot. The damp in some rooms, and the rats in others, have almost destroyed the wainscotings. Four of the mantel-pieces have given out from the walls, and all the ceilings are either stained, cracked, or peeled away in large patches. The flooring is, in general, in a better condition than I had anticipated; but the shutters and window-sashes are so warped as to be useless» [17].

⁵ «Do you know, I never saw anything of that ruinous north side of the house? – and I do so dote on old rooms! We will go all through them, Lenny. You shall have hold of my hand, and look with my eyes, and make as many discoveries as I do. I prophesy that we shall see ghosts, and find treasures, and hear mysterious noises – and, oh heavens! what clouds of dust we shall have to go through. Pough! the very anticipation of them chokes me already» [17].

⁶ «wild, dreary country» [17].

⁷ «the dead tranquillity of Porthgenna» [17].

⁸ «the ominous stillness» [17].

⁹ «the forlorn solitude» [17].

¹⁰ «dungeon-house» [17].

¹¹ «dungeon-house of the devil» [17].

¹² «a ceiling darkened by stains, a floor whitened by dust» [17].

¹³ «smells of tombs and spiders» [17].

¹⁴ «The loneliest moor in Cornwall» [17].

всего, важным символом умиротворения и покоя в романе У. Коллинза становится изображение миртового дерева, произраставшего прямо под окнами одной из комнат башни, вследствие чего она получила название «Миртовая комната». Она долго была спрятана от глаз окружающих, поскольку внутри неё была скрыта тайна.

Тёмные и заброшенные комнаты с их ветхой мебелью, скрипящие полы и лестницы, выцветшие обои, старые картины, прогнившие шкафы, потрёпанные стулья, старинные сундуки и осколки разбитых фарфоровых ваз составляют вещный мир произведения. К другим характерным элементам произведения относятся ржавые ключи от заколоченных комнат и потрёпанные письма, которые хранились стопками много лет внутри башни. Важную роль в романе играет письмо, написанное главной героиней к своему мужу Шроулом, который скопировал из одной книги полное описание Портдженнской башни. В этом письме содержалась информация от начала её возведения до настоящего времени. Также большой находкой является гравюра с видом башни с западной стороны, план северного сада и план внутреннего устройства северной части дома, что проливало свет на расположение Миртовой комнаты, в которой хранился секрет матери Розамонды.

В этой связи стоит отметить место, откуда появились сведения для написания письма. У. Коллинз рассказывает про большую библиотеку внутри Портдженнской башни. В библиотеке содержалось множество различных произведений, сотни томов древних книг, тома редких изданий классиков и английских драматургов, книги о путешествиях, истории и спорте, главным достоинством которых был искусно украшенный переплёт. Так, библиотека является важным местом Портдженнской башни, поскольку она является хранителем истории и многовековых знаний. Однако библиотека не уцелела в первоначальном виде: спустя много лет всё внутри помещения покрылось слоем пыли, книги истрепались, а в воздухе ощущался запах плесени. Как письмо, так и библиотека, являются символами прошлого, характерными для готического художественного пространства.

Кроме письма с планом башни, автор рассказывает о письме, которое написала госпожа Тревертон перед смертью. В этом письме она рассказывает о том, что их с мужем дочь на самом деле не является им родной. Эта страшная тайна хранилась много лет в Миртовой комнате, ключ от которой был выброшен, как только письмо попало туда. Комната оказалась заброшенной, пока главная героиня не смогла попасть туда. Миртовая комната является важнейшей частью Портдженнской башни, т.к. автор наделяет её собственным колоритом, описывая мельчайшие детали. Это помещение долго простояло закрытым и спрятанным от посторонних глаз, и только письмо мистера Шроула пролило свет на её местонахождение. У. Коллинз описывает её серость, обветшалость мебели, стен и потолка: «Холсты старых семейных портретов, которые выпадали из рам в тот день, когда она прятала письмо, теперь по большей части сгнили и лежали на полу чёрными рваными полосами. Острова и континенты сырости раскинулись по высокому сводчатому потолку, напоминая карту какого-то странного региона. Паутина, тяжёлая от пыли, гирляндами свисала со сломанных карнизов»¹⁵. Атмосфера внутри комнаты полна загадок: пыль, тусклый свет, беспорядок – всё это те элементы быта, являющиеся художественными деталями, которые создают напряжённую атмосферу и относятся к готической традиции. Стоит отметить, что повествование о таинственной комнате в романе «Мёртвая комната» – не единственный пример в творчестве автора, когда определённое помещение становится одним из основных мест действия. Так, в романе «Отель с привидениями» (*The Haunted Hotel: A Mystery of Modern Venice, 1878*) ключевые элементы сюжетной линии повествования связаны с комнатой под номером «14» с целью создания устрашающей атмосферы. Однако, образ Портдженнской башни уникален в наследии У. Коллинза, поскольку автор обращается к чертам, свойственным готической литературе, что в меньшей степени представлено в романе «Отель с привидениями», где детективный жанр доминирует над готическим, а на первый план выходит расследование преступления.

Мотив тайны в данном случае является основополагающим. Девушка стремилась попасть в дом, не зная подробностей своего происхождения, словно незримая сила притягивала её к разгадке тайны. Ей всегда хотелось обследовать дом в надежде найти что-либо, связанное с её родителями. В результате, любопытство девушки приводит к неожиданным открытиям, которых она не хотела бы знать. Так, автор подчёркивает, что башня является хранителем семейных секретов, даже если они оказываются ужасными. Кроме того, в романе прослеживается мотив судьбы, когда неизбежность событий predetermined – девушка рано или поздно узнала бы секрет матери, несмотря на то, что он был спрятан в комнате, закрытой на ключ. Так, А.З. Хабибуллина отмечает, что «мотив жестокости судьбы, представление о том, что судьба способна проявлять коварство по отношению к человеку, является устойчивым мотивом во многих литературах» [16]. В романе У. Коллинза обнаруживается непреодолимость характера судьбы, что прослеживается в причинно-следственных связях событий в романе.

Заключение. У. Коллинз является родоначальником классического английского детектива, однако, несмотря на жанровую принадлежность его произведений, в творчестве писателя прослеживаются характерные черты готической литературы. Портдженнская башня является основным художественным пространством романа «Мёртвая комната». Её обстановка сходна с обстановкой готических замков, поскольку отличительные черты башни имеют готический колорит. Башня представляет собой старое и таинственное строение, атмосфера которого наполнена загадками и секретами. Используя различные художественные приёмы и средства, автор

¹⁵ «The canvases of the old family pictures, which she had seen bulging out of their frames in the past time when she hid the letter, had, for the most part, rotted away from them now, and lay in great black ragged strips on the floor of the hall. Islands and continents of damp spread like the map of some strange region over the lofty vaulted ceiling. Cobwebs, heavy with dust, hung down in festoons from broken cornices» [17].

усиливает мрачность образа строения: ветхий интерьер, длинная история, антураж, вещный мир и всё, что окружает и наполняет башню, создают её таинственный образ и являются элементами, которые использует автор при описании художественного пространства. У. Коллинз пользуется лексическими средствами выразительности, которые усиливают эмоциональную, экспрессивную и стилистическую окраску текста: в романе используются различные эпитеты, метафоры, сравнения и противопоставления (как правило, антитезы), создающие не только образ башни, но и пугающую, готическую атмосферу в произведении. Важным художественным пространством в романе является Миртовая комната, где хранится главный секрет. Тайна, описанная автором, дополнительно придаёт напряжению повествованию и добавляет драматизм действию, что является одной из характерных черт творчества У. Коллинза. Кроме того, в данном романе писатель не использует сверхъестественные элементы при описании башни, что также отражает специфику творчества писателя – достоверность описания. Писатель создаёт образ башни, преследуя определённую цель – указать на важность дома в жизни каждого отдельного человека, поскольку он хранит историю семьи. Комплекс мотивов, идея романа, художественные средства и приёмы создают художественный мир произведения, который сочетает в себе черты детектива и готического романа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин Г.В., Михальская Н.П. История английской литературы: учеб. пособие для студентов педагог. ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. школа, 1975. – 528 с.
2. Антонова З.В. Детективный пласт в третьем периоде творчества У. Коллинза // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та. – 2004. – № 2(36). – С. 39–44.
3. Антонова З.В. «Желтая маска» Уилки Коллинза // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та. – 2002. – № 3(29). – С. 41–57.
4. Антонова З.В. Жизнь и творчество Уилки Коллинза. – Череповец, 2006. – 178 с.
5. Матвеев И.А. Восприятие «сенсационных» романов У. Коллинза в России второй половины XIX века // Филология и человек. – 2013. – № 2. – С. 104–111.
6. Матвеев И.А. Русский перевод «сенсационного» романа У. Коллинза «Женщина в белом»: к вопросу о взаимодействии жанровых модификаций социально-криминального романа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 5–2. – С. 137–142.
7. Хотинская А.И. Сенсационный роман – популярный жанр литературы в Великобритании 1860-х гг. – М.: URSS, 2017. – 154 с.
8. Скороденко В.А. Незнакомый Уилки Коллинз // Муж и жена: роман / У. Коллинз; пер. с англ. М. Загота и М. Литвиновой. – М., 1990. – С. 3–16.
9. Зарубежные писатели. Биобиблиогр. слов. В 2 ч. – Ч. 1: А–Л. / Под ред. Н.П. Михальской. – М.: Просвещение: учеб. лит., 1997. – 446 с.
10. Осовский О.Е., Буркина Т.М. Готическая традиция в англоязычной прозе: история и современность. Обзор // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: реф. журн. – 1998. – № 2. – С. 48–66.
11. Robinson, K. Wilkie Collins, a biography. – New York: Macmillan, 1952. – 366 p.
12. История зарубежной литературы XVIII века: учеб. для филол. спец. вузов / Л.В. Сидорченко, Е.М. Апенко, А.В. Белобратов и др.; под ред. Л.В. Сидорченко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2001. – 335 с.
13. Бурова И.И. Сверхъестественное в творчестве У. Коллинза // Вестн. СПбГУ. Сер. 2. – 1994. – № 4. – С. 82–88.
14. Чернавина Л.И. Английский сенсационный роман XIX века // Очерки по зарубежной литературе. – Иркутск, 1972. – Вып 2. – С. 49–65.
15. Белая А.П. Жанровые и лексико-стилистические особенности творчества У. Коллинза. – Белгород, 2017. – 60 с.
16. Хабибуллина А.З. Концепт «судьба» в межлитературном контексте // Казанский федеральный университет. – 2014. – № 36. – С. 204–210.
17. Collins W. The Dead Secret. A Novel. – New York: Harper & Brothers, Publishers, Franklin Square, 1874.

Поступила 21.05.2024

THE IMAGE OF PORTHGENNA TOWER IN THE NOVEL OF W. COLLINS «THE DEAD SECRET»

J. SHABUNYA
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The article deals with the image of Porthgenna Tower in the novel “The Dead Secret” (1856) by the English writer and playwright W. Collins. It notes the influence of the Gothic tradition on the work of W. Collins and the description of the main setting. The article describes the importance of the material world, nature and symbolism, which give tension and dramatic effect to the narrative. It reveals the features of the author’s approach to creating an atmosphere of mystery when describing the tower. It analyzes the artistic devices, techniques, and motifs in the novel “The Dead Secret” that create the image of the tower.

Keywords: *Gothic literature, image, motif, Porthgenna Tower, The Myrtle Room, literary space.*

УДК 821.111(73)

DOI 10.52928/2070-1608-2024-72-4-19-23

**ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА В РОМАНЕ Э. ХЕМИНГУЭЯ
«И ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ (ФИЕСТА)»****В.Э. КОНТОРОВ***(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)**e-mail: v.kontorov@psu.by*

Рассматриваются черты поэтики романа Э. Хемингуэя «И восходит солнце», которые служат для художественного выражения аксиологического кризиса в произведении. Отмечается, что в романе присутствует система художественных приемов, эксплицитно и имплицитно выражающих чувство неудовлетворенности жизнью. Аксиологически релевантные мотивы «потерянности», «компенсации» и «ухода от размышлений о травматическом опыте» выполняют сюжетобразующую функцию, а значит, говорят о том, что ценностная проблематика является ключевой в произведении.

Ключевые слова: американская литература, Э. Хемингуэй, «И восходит солнце», аксиология, кризис, поэтика, мотив, проблематизация.

Введение. Эрнест Миллер Хемингуэй (*Ernest Miller Hemingway*, 1899–1961) – американский прозаик, лауреат Нобелевской премии по литературе 1954 г. за повесть «Старик и море» (*The Old Man and the Sea*, 1952). Большинство прижизненно опубликованных произведений автора приходятся на эпоху в истории литературы США, которую Б.А. Гиленсон обозначил как «золотой век» [1, с. 12]. Среди них выделяются романы «И восходит солнце (Фиеста)» (*The Sun Also Rises (Fiesta)*, 1926), «Прощай, оружие!» (*A Farewell to Arms*, 1929), «Иметь и не иметь» (*To Have and Have Not*, 1937), «По ком звонит колокол» (*For Whom the Bell Tolls*, 1940), а также сборники рассказов «В наше время» (*In Our Time*, 1925) и «Победитель не получает ничего» (*Winner Take Nothing*, 1933).

По выражению В.М. Толмачева, Хемингуэй изобразил «самую суть эпохи “модерна” – эпохи “гибели богов”, кровавых мировых войн, глубинного кризиса культуры» [2, с. 309]. Наследие писателя по своей природе тяготеет к реализму. Однако стилистика ранней прозы художника слова, в частности, романа «И восходит солнце», формируется под влиянием модернистского эксперимента с подачи Э. Паунда и Г. Стайн и находится в антагонизме с поэтикой значительной части прозы XIX в. Согласно З.И. Третьяк, «Хемингуэй не хотел жертвовать правдивой атмосферой эпохи ради сомнительной “романичности”. “Романичным”. (*picturesque*) прозаик считал изображение событий первой половины XX в. с помощью возвышенной риторики прошлой (устаревшей) литературной традиции, переосмыслить-опровергнуть которую – один из главных творческих замыслов писателя» [3, с. 170]. Вышеобозначенные наблюдения приводят к мысли о том, что этическое и эстетическое в романе «И восходит солнце» находятся в соподчиненном положении и оттого требуют совокупного и целостного анализа. Исследование «И восходит солнце», первого обращения Э. Хемингуэя к крупной форме, позволит наметить особенности ценностного аспекта творчества художника слова как на содержательном, так и на формальном уровнях.

Объектом исследования в настоящей работе послужил роман Э. Хемингуэя «И восходит солнце». Цель данного исследования заключается в выявлении форм выражения аксиологического кризиса в вышеупомянутом произведении.

Основная часть. Авторская установка на создание редуцированного и малособытийного сюжета произведения, который в обобщенном виде является описанием праздного пребывания молодых англоязычных экспатриантов во Франции и Испании, уже сама по себе позволяет говорить об этом романе, как об отражающем кризисность духовной картины послевоенной¹ действительности. В то же время особенности текста, прежде всего, на уровне поэтики, предполагающие дополнительную семантизацию происходящего («принцип айсберга»), т.е. достройку художественного мира романа читателем (шире – любым интерпретатором), могут свидетельствовать о наличии особой группы средств, приемов и мотивов, которые используются писателем для обрисовки ценностной проблематики «И восходит солнце», а их анализ, в свою очередь, расширит и углубит понимание её характера.

Идея о кризисности послевоенной эпохи, изображенной Э. Хемингуэем, начинает фигурировать уже на уровне двух эпиграфов произведения, которые задают вектор как читательского, так и литературоведческого прочтения романа. Первый эпиграф, «все вы – потерянное поколение»² [4, с. 6], продолжается выражающим идею о цикличности и бесперывности извечных процессов природы фрагментом из Экклезиаста. Особенно важна следующая часть библейской цитаты: «род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки»³ [4, с. 6]. Соседство двух эпиграфов порождает единство их смыслов, во-первых, гиперболизируя тему «потерянности» и приближая её к вечным бытийным вопросам, а во-вторых, указывая на её непреодолимость, по крайней мере, в рамках художественного мира романа.

¹ Здесь и далее под этим словом будет пониматься временной промежуток между двумя мировыми войнами.

² «You are all a lost generation» [5, p. 2]

³ «One generation passeth away, and another generation cometh; but the earth abideth forever» [5, p. 2].

Несмотря на лапидарный характер изложения истории экспатриантов наряду с их депсихологизацией⁴, американский прозаик использует ряд лексем, которые вербализуют душевные переживания персонажей и вместе с тем являются одной из форм выражения идеи о кризисности эпохи. Примером реализации этого приема являются реплики Брет Эшли: «Все *больны* [курсив здесь и далее мой – В.К]. Я тоже *больна*»⁵ [4, с. 19], «ох, милый, я *такая несчастная!*»⁶ [4, с. 29], «вы *мертвый* – и больше ничего»⁷ [4, с. 67]. Похожее настроение также свойственно Джейку Барнсу: «У меня было такое чувство, какое бывает во время *кошмара...*»⁸ [4, с. 71], «я всему поверю. Включая *кошмары*. <...> До черта *скверно*»⁹ [4, с. 235].

Размышляя над романом, В.Е. Толмачев придает особое значение следующей мысли Барнса: «Мне все равно, что такое мир. Все, что я хочу знать, – это как в нем жить»¹⁰ [4, с. 156]. По выражению исследователя, Э. Хемингуэй пишет о «решении сугубо экзистенциального вопроса, вопроса лично определяемого кодекса поведения» [2, с. 346]. Являясь одновременно вопрошающим и депсихологизированным субъектом, персонаж переформулирует вопрос о постижимости бытия и определении смысла жизни человека. Предметом интереса главного героя, и соответственно автора, становится отношение индивида и окружающей действительности. Джейк Барнс «наделается прозаиком “нравственной стерильностью сознания”» [7, с. 475] и пребывает в состоянии, близком к эпистемологической неуверенности. Принимая во внимание тезис В.Е. Толмачева о том, что художник слова помещает в идейный центр произведения человеческую личность, обратимся к выявлению разных стратегий поведения на уровне системы персонажей. Наиболее репрезентативна в этом плане пара действующих лиц Кон – Ромеро.

Отказ от психологизации персонажей не означает отсутствие обоснования их мотивации. Роберт Кон в этом отношении является героем с явственно очерченной причинностью поступков, ведь они, в свою очередь, обладают «материальным» эталоном в виде прочитанных им книг. Образ мужчины наиболее «привычен» по сравнению с другими героями произведения в том смысле, что персонаж отличается подробно прописанной предысторией. Особое место в ней отводится увлечениям и занятиям персонажа. Так, автор наделяет его рядом атрибутов, но вместе с тем указывает на их неаутентичность и несвойственность природной конституции героя: Кон боксер («не имел склонности к боксу, напротив – бокс претил ему»¹¹ [4, с. 7]), писатель («написал роман, и этот роман вовсе не был так плох, как утверждали критики, хотя это был очень слабый роман»¹² [4, с. 10]), любовник («ни разу в жизни не был влюблен»¹³ [4, с. 12]), желает путешествовать («его навязчивые идеи: единственное спасение в Южной Америке и он не любит Парижа. Первую идею он вычитал из книги и вторую, вероятно, тоже»¹⁴ [4, с. 16]).

В словах Кона Хемингуэй эксплицирует основное жизненное переживание героя: «Я не могу примириться с мыслью, что жизнь проходит так быстро, а я не живу по-настоящему»¹⁵ [4, с. 14]. Однако выбранная стратегия поведения приводит персонажа к неудаче, ведь его главное стремление – заполучить расположение Брет Эшли – оказывается нереализованным, и Кон терпит поражение. Герой оказывается неспособен преодолеть экзистенциальный кризис, что показано с помощью приема сюжетного закольцовывания, который является актуализацией второго эпиграфа романа. Роберт Кон плачет, т.е. обнажает свою истинную, природную чувствительность, вновь надевает элемент гардероба времен университета и возвращается к нелюбимой жене. Неслучайно Дж.Дж. Бенсон видит в романе «сатиру на жалость к себе» (*a satire of self-pity*) [8, p. 28].

Обрисовка образа Роберта Кона позволила автору акцентировать внимание на том, что ценностная картина старого (довоенного) мира и соответствующий ей способ нахождения в действительности, воспеваемые в (псевдо) романтической литературе, потеряли свою актуальность и привели к неспособности индивида успешно действовать в реалиях эпохи аксиологического кризиса. Более того, основываясь на содержании художественного мира романа, можно заключить, что ценностные установки довоенной эпохи и не могут быть подлинно реализованными.

Принимая во внимание критерий аутентичности «кодекса поведения», видится справедливым обозначить, что персонажи Роберта Кона и Педро Ромеро противоположны. Если первый вызывает неприятие либо жалость

⁴Последнее утверждение активно поддерживается исследователем романа А.А. Аствацатуровым: «...Хемингуэй стремится депсихологизировать человека. Напряженная работа мысли, движение эмоции, ограниченные пределами внутреннего мира субъекта, сменяются в «Фиесте» его открытостью и подчеркнутой ориентированностью на явления внешнего мира» [6, с. 188].

⁵ «Everybody's sick. I'm sick too» [5, p. 15].

⁶ «Oh, darling, I've been so miserable» [5, p. 24].

⁷ «You're dead, that's all» [5, p. 63].

⁸ «I had the feeling as in a nightmare...» [5, p. 67].

⁹ «I'd believe anything. Including nightmares. <...> Low as hell» [5, p. 232].

¹⁰ «I did not care what it was all about. All I wanted to know was how to live in it. Maybe if you found out how to live in it you learned from that what it was all about» [5, p. 153].

¹¹ «He cared nothing for boxing, in fact he disliked it...» [5, p. 3].

¹² «...wrote a novel, and it was not really such a bad novel as the critics later called it, although it was a very poor novel» [5, p. 5].

¹³ «...had never been in love in his life» [5, p. 8].

¹⁴ «...you ran up against the two stubbornnesses: South America could fix it and he did not like Paris. He got the first idea out of a book, and I suppose the second came out of a book too» [5, p. 14].

¹⁵ «I can't stand it to think my life is going so fast and I'm not really living it» [5, p. 10].

у других людей, то в случае обрисовки образа матадора, Хемингуэй прибегает к приему эстетизации героя: «Я обратил внимание на кожу его лица. Она была чистая, гладкая и очень смуглая. На скуле виднелся треугольный шрам. <...> Рука у него была очень красивая, с сухим запястьем»¹⁶ [4, с. 195–196].

Сражение молодого испанца с быком, центральное событие для посетителей фиесты, становится ответом на вопрос Джейка Барнса о стратегии взаимодействия с действительностью, и тем самым праздник святого Фермина превращается в метафору жизни как таковой. Главный герой, наблюдая за сражающимся Педро Ромеро, видит следующее: «Он проделал все маневры, один за другим, законченно, медленно, плавно и четко. *Не было ни трюков, ни фальши*. Не было резких движений. И каждый раз, как маневр достигал кульминационной точки, внезапно и больно сжималось сердце»¹⁷ [4, с. 232]. Хемингуэй показывает, что поведение героя корриды наделено смыслом, аутентично и, более того, ещё до поездки в Испанию Барнс отмечает, матадоры – единственные люди, чьё бытие обладает полнотой. Ромеро оказывается в ситуации внеаходимости относительно аксиологического кризиса, изображенного в романе. Естественность поведения матадора подчеркивается тем, что он является представителем старой школы боя с быками. Б.А. Гиленсон делает похожий вывод касательно сюжета и структуры внешней композиции произведения: «Парижская “сладкая жизнь” персонажей романа призрачна и эфемерна. Испанская фиеста – реальна, естественна, гармонична» [1, с. 414].

Произведение отличается авторской рефлексией над состоянием некоторых областей духовной жизни человека, столкнувшегося с ценностным кризисом первой трети XX в. Здесь Хемингуэй не изменяет своему творческому принципу и уходит от комментирования в пользу визуализации, поэтому говорить об авторском критическом отношении к изображаемому в романе следует предельно осторожно.

М. Спилка, вынося в заглавие статьи «Смерть любви в “И восходит солнце”» (*The Death of Love in The Sun Also Rises*), а значит, придавая особое значение осмыслению соответствующей темы в романе, констатирует что «романтическая любовь мертва, что один из великих руководящих принципов прошлого больше не действует»¹⁸ [5, p. 192]. Конечно, это утверждение касается Роберта Кона, но ни физически не способный любить Джейк Барнс, ни Педро Ромеро с его любовью без «потери себя» (*without self-loss*) [9, p. 40], ни Брет Эшли, чьё поведение нельзя назвать высокоморальным, не могут реализовать свою потребность в романтическом и (или) чувственном единении с другим человеком.

Вопрос религии не имеет однозначного решения в романе раннего Э. Хемингуэя, что находит свое выражение в обрисовке мировоззрения Джейка Барнса. Обращение автора к этой теме заметно в нескольких беседах, участником которых становится главный герой: «– Послушай, Джейк, – сказал он, – ты правда католик?

– Формально.

– А что это значит?

– Не знаю»¹⁹ [4, с.130–131].

В другом диалоге Барнс также уходит от конкретизации своих представлений о вероисповедании:

«– Это нам отчасти заменяет бога.

– У некоторых людей есть бог, – сказал я. – Таких даже много»²⁰ [4, с. 258].

Обозначенная неуверенность персонажа соседствует с его желанием пережить некое подобие религиозного опыта. Однако Хемингуэй, подробно описывая исповедь мужчины в испанском соборе, наделяет героя следующей мыслью, отсылающей к теме духовной неопределенности в романе: «...я такой никудышный католик»²¹ [4, с. 102].

Значимостью в произведении обладает тема устаревания представлений о воинской доблести в мире, пережившем крушение идеалов на полях сражений Первой мировой войны. Строго говоря, это можно проследить в образах каждого персонажа-участника театра военных действий, т.е. практически всех основных действующих лиц романа. Полемика Хемингуэя с эстетизацией битв на поле брани наиболее явно, с заметным обнажением художественного приема антитезы, прослеживается в предыстории ветерана Майкла Кэмпбелла, который предстает перед читателем пьяницей, забывшим получить собственные награды и раздаривающим чужие медали в питейном заведении. Эффект дегероизации достигается автором путем надления образа героя войны отрицательным и противоположным на эмоциональном уровне качеством (беспечный гуляка).

¹⁶ «I noticed his skin. It was clear and smooth and very brown. There was a triangular scar on his cheek-bone. <...> His hand was very fine and the wrist was small» [5, p. 192].

¹⁷ «All the passes he linked up, all completed, all slow, tempered and smooth. There were no tricks and no mystifications. There was no brusqueness. And each pass as it reached the summit gave you a sudden ache inside. The crowd did not want it ever to be finished» [5, p. 229].

¹⁸ «...romantic love is dead, that one of the great guiding codes of the past no longer operates contemporaries...» [9, p. 35].

¹⁹ «“Listen, Jake,” he said, “are you really a Catholic?”

“Technically.”

“What does that mean?”

“I don’t know.”» [5, p. 127–128].

²⁰ «It’s sort of what we have instead of God.”

“Some people have God,” I said. “Quite a lot”» [5, p. 257].

²¹ «...I was such a rotten Catholic...» [5, p. 100].

Все обозначенные в настоящей статье особенности поэтики произведения складываются в мотив «потерянности», между тем он не является единственным. Родственны ему мотивы «компенсации» и «избегания размышлений о травматическом опыте», имеющие структурообразующую функцию, прежде всего, в области сюжетного развертывания.

Мотив «компенсации» реализуется через множественное повторение эпизодов неустанного употребления алкоголя, бесцельных поездок по городу, ловли рыбы, наблюдения за празднованием фиесты и участие в ней, а также романтических приключений. Вышеперечисленное временно и с различной интенсивностью подавляют чувство потерянности, испытываемое всеми основными действующими лицами произведения. Характеризуя творчество Э. Хемингуэя, З.И. Третьяк отмечает, что «брошенные в жестокую вселенную, персонажи искали спасения в творчестве, единении с природой, дружбе, любви, поскольку постоянные мысли об уходе в небытие все же отрицательно сказывались на их психическом состоянии, требуя хотя бы кратковременного терапевтического забвения» [3, с. 169]. Именно пронизывающая всю структуру текста повторяемость семантически близких образов и функционально схожих элементов «коллажа», из которых состоит сюжет, позволяет заключить о наличии в исследуемом романе мотива «компенсации».

Художественное выражение кризисности также принимает форму мотива «избегания размышлений о травматическом опыте». Так, согласно У. Эдгару, «подавленные воспоминания о предшествующем рассказу прошлом, кажется, присутствуют почти на каждой странице романа»²². Отличием от «компенсации» является то, что в данном случае мотив реализуется в рамках обрисовки особенностей хода мыслей персонажей произведения (преимущественно Джейка Барнса), а не писательского обоснования причинно-следственных связей в активных действиях героев. Примером реализации названного мотива являются ситуации, когда, например, рассказчик замечает ветерана-инвалида войны, однако никак не комментирует увиденное и быстро переключает внимание на другие объекты. Если же беседа Джейка Барнса с другими персонажами приобретает антивоенный пафос или начинает затрагивать его увечье, то мужчина стремится уйти от разговора, делая ремарки следующего вида: «Я никогда об этом не думаю»²³ [4, с. 30] и «Ну довольно об этом»²⁴ [4, с. 30]. Отметим, что этот подход к организации текста также используется автором с целью нарушения читательских ожиданий: Э. Хемингуэй создает антивоенный роман без прямой критики войны (лишь спорадические её упоминания), взамен помещая соответствующую тему глубоко в подтекст «И восходит солнце».

Заключение. Таким образом, роман «И восходит солнце (Фиеста)» характеризуется разнообразием форм выражения аксиологического кризиса первой трети XX в. Среди них выделяются вербализация чувства неудовлетворенности жизнью и использование эпиграфов, которые задают вектор интерпретации произведения и говорят об авторском стремлении к художественному осмыслению вопросов бытия. Писатель проблематизирует и находит противоречия в характерных для прошлой эпохи концепциях любви, веры и идее о допустимости эстетизации войны. Предметом интереса Э. Хемингуэя являются разные виды восприятия кризисной действительности и способы нахождения в ней, а также вопрос об аутентичности убеждений и ценности человека. Мотивы «потерянности», «компенсации» и «избегания переживаний о травматическом опыте», обозначенные в исследовании, характеризуют как формальную сторону стратегии порождения текста, избранную художником слова, так и проблематику произведения, имеющую ценностную природу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиленсон Б.А. История литературы США: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Изд. ц-р «Академия», 2003. – 704 с.
2. Толмачёв В.М. Эрнест Хемингуэй // История литературы США. Литература между двумя мировыми войнами / редкол.: Я. Засурский (гл. ред.). – М.: ИМЛИ РАН, 2013. – Т. VI, кн. 1. – С. 309–365.
3. Трацяк З.І. Беларуска і амерыканская проза пра Першую сусветную вайну: узроўні параўнальнага вывучэння. – Нава-полацк: Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт, 2021. – 320 с.
4. Хемингуэй Э. Фиеста. Вешние воды / пер. с англ. В. Топер, И. Дорониной. – М.: Изд-во АСТ, 2022. – 352 с.
5. Hemingway E. The Sun Also Rises / Introduction by H.S. Canby. – New York: The Modern Library, 1930. – ix, 250 p.
6. Аствацатуров А. Автор и герой в лабиринте идей: статьи. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2023. – 480 с.
7. Луков Вл.А. История литературы. Зарубежная литература от истоков до наших дней: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 5-е изд., стер. – М.: Изд. ц-р «Академия», 2008. – 512 с.
8. Benson J.J. Hemingway: The Writer's Art of Self-Defence. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1969. – 202 p.
9. Spilka M. The Death of Love in The Sun Also Rises // Ernest Hemingway's The Sun Also Rises: A Casebook / ed. by L. Wagner-Martin. – New York: Oxford University Press, 2002. – P. 33–45.
10. Adair W. The Sun Also Rises: A Memory of War // Twentieth Century Literature. – Vol. 47, No. 1 (Spring, 2001). – P. 72–91.

Поступила 08.06.2024

²² «...suppressed memories of the prestory past seem implied on almost every page of the novel» [10, p. 85].

²³ «I never think about it» [5, p. 27].

²⁴ «Well, let's shut up about it» [5, 27].

**FORMS OF EXPRESSION OF THE AXIOLOGICAL CRISIS IN E. HEMINGWAY'S NOVEL
«THE SUN ALSO RISES (FIESTA)»****V. KONTARAU****(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)**

The article examines the features of the poetics of the novel “The Sun Also Rises”, whose purpose is the artistic expression of the axiological crisis in E. Hemingway’s work. It is pointed out that the novel contains a system of literary devices that explicitly and implicitly express a feeling of life dissatisfaction. The axiologically relevant motifs of “loss”, “compensation,” and “avoidance of thinking about traumatic experiences” perform a plot-forming function, which means that they indicate that value issues are key in the work.

Keywords: American literature, E. Hemingway, «The Sun Also Rises», axiology, crisis, poetics, motif, problematization.

УДК 82-311.6

DOI 10.52928/2070-1608-2024-72-4-24-27

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РОМАНА

канд. филол. наук, доц. И.С. КРИШТОП
(Барановичский государственный университет)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0756-1826>
e-mail: inessa_top@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы межжанрового взаимодействия, характерного для литературного процесса рубежа XX–XXI веков и обусловленного изменяющейся исторической действительностью, а также фиксирующего формирование нового типа художественного сознания. Установлено, что в результате актуализации экологической проблематики претерпевает изменения и романский жанр. Под экологическим романом понимается художественное произведение, идейно-содержательную основу которого образуют авторские представления о существующих и/или возможных связях человека с окружающей средой и происходящих в ней процессах, т.е. представлена эстетическая рефлексия писателя над проблемой сохранения окружающей среды, на первый план выдвигаются этические установки автора, его ценностные и поведенческие ориентации в отношении к природе. Важной характеристикой экологического романа является совмещение свойств нескольких жанровых разновидностей для достижения коммуникативной цели.

Ключевые слова: жанровый канон, экокритика, экологический роман, экологическая тема, природный хронотоп, жанровые конвенции.

Введение. На протяжении всего XX века происходит интенсивное «усложнение» художественной литературы, обусловленное общей тенденцией писателей зафиксировать многоаспектные культурно и социально значимые процессы эпохи и отразить их онтологический статус. При этом, как отмечает М. Эпштейн, устоявшиеся жанровые каноны «оказываются чересчур тесными для творческого сознания XX века, которое ищет реализации в сочинительстве как таковом, во внежанровом или сверхжанровом мыслительстве-писательстве» [1, с. 16]. Соответственно, для литературного процесса рубежа XX–XXI веков особенно характерно расширение межжанрового взаимодействия, которое обеспечивает возникновение новых художественных целостностей. Поэтому в центре внимания как писателей, так и исследователей литературы оказываются «неканонические», «пороговые», «синтетические» жанровые формы.

Особые трудности, возникающие при изучении романа как жанра, отмечают практически все теоретики. М.М. Бахтин объясняет это тем, что роман – «единственный становящийся жанр среди давно готовых и частично уже мертвых жанров» [2, с. 448]. В процессе развития литературы «пантеон» его жанровых разновидностей постоянно изменяется: одни появляются, другие – сужают сферу своего существования или исчезают навсегда, а третьи – меняют свою сущность. Очень точно данный процесс описал С.С. Аверинцев: жанры «постепенно приобретают и накапливают свои признаки – необходимые и достаточные условия своей идентичности, затем “живут”, разделяя участь всего живого, то есть терпя изменения; иногда “умирают”, уходят из живого литературного процесса, иногда возвращаются к жизни, обычно в преобразованном виде» [3, с. 101]. В целом существует две полярные точки зрения. В.Д. Сквозников, М. Эпштейн, И. Смирнов, В. Григорьев утверждают, что многообразие жанровых тенденций в современной литературе свидетельствует об атрофии жанра. А по мнению Н.Д. Тамарченко, О.В. Зырянова и В.М. Головки, имеет место модификация жанровой системы, обусловленная не только изменяющейся исторической действительностью, но и фиксирующая становление нового типа художественного сознания, которое, в свою очередь, ищет выражения в новых формах. Соответственно, особенно актуальной становится задача тщательного изучения конкретно-исторических проявлений литературного жанра, в частности – романа.

Цель данной работы – определение характеристик экологического романа, предпосылок его становления, а также статуса в современном литературоведении.

Материалом для исследования выступили работы в области экокритики Дж. Двайера, М. Вейси, Л. Бьюэлла, Р. Карсон, Т. Кларка и других, художественные произведения преимущественно англоязычных авторов рубежа XX–XXI веков.

Основная часть. Как отметил М. М. Бахтин, «реально произведение лишь в форме определенного жанра <...> За поверхностной пестротой и шумихой литературного процесса не видят больших и существенных судеб литературы и языка, ведущими героями которых являются прежде всего жанры, а направления и школы – героями только второго и третьего порядка» [4, с. 396]. В качестве ведущих признаков романного жанра признаются тип проблематики, сюжет, конфликт, тип характера и пространственно-временная организация произведения. При этом ряд ученых (например, А.Я. Эсалнек, Л.В. Чернец) полагают, что первостепенным критерием является проблемно-содержательный, так как он объективирует определенную этико-эстетическую концепцию художника слова [5, с. 9; 6, с. 55]. Эту же позицию разделяет Д. Сувин, который для классификации произведений научной фантастики использует сюжетно-тематические комплексы (“thematic field” [7, с. 5]).

Тема «Природа и человек» издревле присутствует в художественной литературе, приобретая статус «вечной». Однако в пределах каждой эпохи она реализовывалась по-разному как с точки зрения жанрового своеобразия художественных текстов, так и отражения в них концепции человека. Р.Э. Кипкеева выделяет следующие этапы в историческом и культурном отношении человека к окружающему природному миру: «мифологический, античный, религиозный, ренессансный, классицистический, просветительский, романтический, реалистический, переходный (натуралистско-символический и др.), техноцентрический и неомифологический, современный – техноцентрический и неоантропоцентрический» [8, с. 3].

В художественной литературе экологическая тема особенно актуализируется в конце 60-х гг. XX в., когда, по мнению В. Гакова, «писатели-фантасты начали осознавать важность экологической тематики, увидев множество научных и научно-популярных публикаций по экологическим проблемам» [9, с. 86]. При этом становится очевидным то, что экологически ориентированная литература может принимать различные формы – от возвращения к имеющим многовековую историю сказкам о природе до создания романов. В качестве примеров следует упомянуть экологическую сказку П. Васюченко «Цветная Заводь», рассказы Б. Гиберсон «Жизнь в тайге», поэму-антиутопию А. Кулешова «Цунами», пьесы А. Макаёнка «Дышите экономно» и А. Петрошкевича «Соль», повести В. Козько «Прохожий» и А. Адамовича «Последняя пастораль», романы Ч.Т. Айтматов «Плаха», Д. Митчелла «Облачный атлас», Р. Пауэрса «Верхний ярус», Э. Калленбаха «Экотопия», К. С. Робинсона «Нью-Йорк 2140», Дж. Вандермеера «Борн», трилогию М. Этвуд «Безумный Адам» и многие другие произведения.

Более того, в XX в. «экологизация» затронула не только естественные науки, но и гуманитарные, в том числе и литературоведение. Это стало основанием для формирования нового направления в теории литературы – экокритики (англ. *ecocriticism*), рассматривающей художественную литературу о природе как обширное понятие, которое включает в себя любое произведение, в той или иной степени касающееся темы природы, окружающей среды и взаимоотношений человека с ними (“the study of nature writing” [10, с.106]).

Как и любой другой науке, появление новых терминов в литературоведении закономерно: развитие литературной теории и её методов осуществляется через постоянное совершенствование либо уточнение понятийного аппарата. Е.А. Городничкий указывает, что «существует действительная необходимость в расширении исследовательского поля, в использовании новых ракурсов проблемного видения <...> вполне закономерно, что во времена, когда актуальность междисциплинарных исследований подтверждается практикой, происходит активный терминологический “взаимообмен”» [11, с. 3]. Под влиянием экологических проблем современности в научном обиходе теории литературы стали широко употребляться «экопоэтика», «литература о природе», «натурфилософская литература (проза)», «литература об окружающей среде», «экософская литература», «эколитература», «экопроза», «экологический роман», «климатический роман», «литература Антропоцена», а также многочисленные англоязычные варианты: “environmental literature”, “green novel”, “nature writing”, “ecofiction”, “ecological literature”, “place-based literature”, “nature-oriented literature”, “cli-fi”, “ecotopia” и другие. Однако анализ представленного терминологического ряда и контекстов употребления понятий указывает на то, что экокритики выбирают абсолютно разные объекты и процессы при попытке «упорядочения» литературного процесса, порой подменяя их значения либо вовсе пренебрегая установленными теоретическим и историческим литературоведением рамками.

В качестве предпосылок становления экокритики можно назвать:

– техногенные (промышленные революции и технологические уклады двух предшествующих столетий, интенсифицировавшие эксплуатацию природных ресурсов и сформировавшие технократический тип мышления и соответствующую ему систему ценностей, которые, как следствие, обусловили экологические проблемы);

– философско-этические (формирование аксиологической и нравственной парадигмы на основе диалогической философии М. Бубера, Ф. Розенцвейга, М.М. Бахтина и др., теории экзистенциального анализа, акцентирующего идею «бытия-в-мире» как принципиального феномена человеческого существования Л. Бинсвангера, метафизики всеединства В.С. Соловьева, экологической этики К. Стоуна, Б. Латура, П. Шепарда, А. Швейцера, Т. Колуэлл, Р. Дюбо, О. Леопольда, Р. Атфильда и др., концепции единства биосферы и человечества В.И. Вернадского, концепции «публичной рациональности» Ю. Хабермаса, концепции трансцендентальной прагматики К.-О. Апеля, биоэтики В. Р. Поттера, Дж. Р. Мейера, Р. Витча и др.);

– собственно литературные (наиболее значимы идеи естественного человека и возврата к природе Ж.-Ж. Руссо, поспособствовавшие формированию экологической культуры человека и нашедшие своё преломление в его литературных произведениях; пантеизм романтиков, отрицавших границу между Богом и природой, субъектом и объектом, личностью и миром, рассматривавших природу как вечность, а также пытавшихся объяснить человека через природу; утверждение трансценденталистами законов всеобщей гармонии, а также пафоса нравственного совершенствования человека; преимущественно рационалистическая эстетика реализма; антропологический миф модернизма, основанный на оппозиции природы и культуры; перевоссоздание мира постмодернистами и т.д.).

Также проблемы взаимовлияния цивилизации и науки, технического прогресса и возникшего экологического кризиса рассматривались известными учеными-культурологами, антропологами, историками, филологами Т. Адорно, У. Эко, Ж. Бодрийяром, Л. Уайт, Р. Нэшем, С.В. Гречишкиной, Е.А. Стеценко и др. Статьи и разделы в монографиях отечественных учёных В.П. Васюченко, О.А. Судленковой, Л.В. Первушиной, О.В. Борисенко, М.С. Рогачевской, М.А. Тычины также указывают на необходимость теоретического осмысления экологической проблематики в произведениях художественной литературы.

Работы Л. Бьюэлла, Р. Карсон, Т. Кларка, Ш. Глотфелти, Д. Гладвина, Дж. Пархама, В. Уиллер, П. Марланд и др. позволяют сформулировать основные положения экокритики:

- 1) не-человеческая среда выступает не просто местом действия в художественном произведении, а пространством, обусловленным человеческой историей;
- 2) основное внимание уделяется не внутренним переживаниям героя, а его внешним (природным) проявлениям;
- 3) отражение экоцентрического типа мышления, которое в работах П.В. Васюченко соотносится с понятием экологического императива – «разумного соотношения человечеством своих потребностей с необходимостью оздоровления ноосферы, биосферы, природного окружения» [12, с. 318];
- 4) природная среда как компонент художественного мира не константа, а динамична, т.е. она изменяется под влиянием антропогенных факторов [13, с. 7–8].

Так как со второй половины XX в. философско-этическое осмысление экологических проблем формирует новое проблемно-тематическое поле в романе, то все чаще и в литературно-критических, и научных работах используется термин «экологический роман». Опираясь на мнения Дж. Двайера (J. Dwyer) и М. Вейси (M. Vasey), которые в издании “Where the Wild Books Are: A Field Guide to Ecofiction” (2010) представили не только трактовку «экологического романа», но и предприняли попытку установить его генезис, мы определяем экологический роман в широком смысле как художественное произведение, идейно-содержательную основу которого образуют авторские представления о существующих и/или возможных связях человека с окружающей средой и происходящих в ней процессах, т.е. представлена эстетическая рефлексия писателя над проблемой сохранения окружающей среды, на первый план выдвигаются этические установки автора, его ценностные и поведенческие ориентации в отношении к природе [14, с. 24–37].

Важнейшей характеристикой экологического романа является совмещение свойств нескольких жанровых разновидностей для достижения коммуникативной цели – эмоционального переживания читателем существенных экологических смыслов, которые становятся основой для формирования конструктивного восприятия и понимания природы, отрицательного отношения к загрязнению окружающей среды, осознания необходимости поддержания гармонии человека и природы. При этом жанровая контаминация в экологическом романе «предполагает отступление от жанровой нормы, выступающей как определенная рама для произведения, создающая и внешние границы его формальной организации, и внутренние границы – границы его содержания, формирующие также перспективу, способ его восприятия читателем. В результате контаминации происходит либо «соприкосновение различных жанровых рамок, так что двойственность заметна, либо преобладание одной над другой, когда одна жанровая форма оказывается в раме другой» [15, с. 15]. Поэтому ряд ученых считает экологический роман собирательным, зонтичным, «условным термином», сближающим «произведения по содержанию и отчасти по способу изложения. Взаимопроникновение элементов нескольких разновидностей романного жанра очевидно в произведениях М. Этвуд «Год потопа» (экологическая антиутопия), Э. Эбби «Банда гаечного ключа» (экологический триллер), И. Макьюэна «Солнечная» (производственный роман об экологическом кризисе), Дж. Оффилл «Погода» (экологический психологический роман), О. Батлер «Причта о сеятеле» (экологическая антиутопия-притча), К. С. Робинсона «Марсианская трилогия» (экологическая научная фантастика) и т.д.

Тем не менее в качестве конвенций экологического романа можно обозначить следующие составляющие его художественного мира:

- наличие развитого природного хронотопа;
- концепция человека основана на триединстве: он одновременно и субъект, и средство, и объект уничтожения окружающей среды;
- обнажение пороков человечества в целом, а не конкретного индивида, т.е. актуализация взаимоотношений в системе «культура – природа», утверждение необходимости целенаправленного преобразования общества с учетом экологических знаний, выработки нового отношения к природе, сформированного на принципе единства, взаимозависимости и равенства всего сущего – экоцентричность становится смысловой доминантой;
- коллизия в экологическом романе выстраивается в рамках системы «человечество против природы», при этом индивид рассматривается как часть природы, т.е. имеет место трансформация в систему «природа против природы»;
- экологическая тематика является сюжетообразующей;
- апокалиптическое /трагическое мироощущение;
- нравственно-дидактический пафос;
- описание конкретных географических пространств;
- широкое использование ретроспекции и персонификация природных явлений;
- энциклопедизм (художественный мир приобретает свойства фактографичности и достоверности: в сюжетной ткани романа имеет место воплощение его способности быть источником достоверных и полезных знаний о человеке, природе и мире в целом).

Построение экологического романа, как правило, осуществляется на идее испытания главного героя, допущенной отступлением от типичного хода жизни. Это позволяет автору сочетать и организовывать авантюристичность, глубокую проблемность и психологизм. При этом изображаемый мир является не просто декорацией, а проецирует результаты действий героев. Более того, он имеет соотнесенность с определенными историческими событиями и условиями.

Заключение. Особая популярность эколого-этической проблематики в современных художественных произведениях является откликом на возникшую и зафиксированную в сознании человека опасность уничтожения планеты и самоуничтожения. В целом современные писатели, осознавая негативные последствия научно-технической революции и безответственной эксплуатации окружающей среды, всё чаще обращают внимание на внутренний раскол личности и/или чувство вины человека, обусловленные уничтожением естественной среды обитания, поэтому экологический роман становится неотъемлемой составляющей литературного процесса, свидетельствующей о трансформации художественного мышления, затрагивающей, в том числе, и жанровый канон.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эпштейн М. Постмодерн в России. Литература и теория. – М.: Изд-е Р. Элинина, 2000. – 366 с.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – 504 с.
3. Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 448 с.
4. Бахтин М.М. Эпос и роман (о методологии исследования романа) // Литературно-критические статьи. – М., 1986. – С. 392–427.
5. Эсалнек А.Я. Типология романа: теоретические и историко-литературные аспекты. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. – 158 с.
6. Чернец Л.В. Литературные жанры: проблемы типологии и поэтики. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 192 с.
7. Suvin D. *Metamorphoses of Science Fiction*. – New Haven & London: Yale University Press, 1979. – 336 p.
8. Кипкеева Р.Э. Проблема природы и человека в северокавказской литературе: влияние литературных традиций и национальное своеобразие: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева». – 2022. – 206 л.
9. Гаков Вл. Четыре путешествия на машине времени (научная фантастика и ее предвидения). – М.: Знание, 1983. – 192 с.
10. Glotfelty Ch., Fromm H. *The Ecocriticism Reader. Landmarks in Literary Ecology*. – Georgia: University of Georgia Press, 1996. – 456 p.
11. Городницкий Е.А. Мировоззренческие актуальности и стилевые доминанты современного литературного процесса // Русская и белорусская литературы на рубеже XX–XXI вв.: сб. науч. ст. В 2 ч. – Ч. 2 / под ред. С.Я. Гончаровой-Грабовской. – Минск: РИВШ, 2010. – С. 3–7.
12. Васючэнка П.В. Беларуская экалітаратура на фоне еўрапейскага літаратурнага працэсу // Паэтыка літаратурных сувязей / У.В. Гніламёдаў і інш.; навук. рэд.: У.В. Гніламёдаў, М. К. Мікуліч. – Мінск: Беларуская навука, 2017. – С. 317–363.
13. Buell L. *The Environmental Imagination: Thoreau, Nature Writing, and the Formation of American Culture*. – Harvard: Harvard University Press, 1996. – 600 p.
14. Dwyer J. *Where the wild books are: A field guide to ecofiction*. – Reno NV: University of Nevada Press, 2010. – 264 p.
15. Андреевская Т.Н. Немецкий сонет: эволюция жанра: автореф. дисс. ... д-ра филол. н.: 10.01.03. – М., 2008. – 32 с.

Поступила 02.05.2024

THE GENRE FEATURES OF AN ECOLOGICAL NOVEL

I. KRYSHTOP

(Baranavichy State University)

The article deals with issues of genre interaction which is typical for the literary process at the turn of XX–XXI centuries and is caused by changing historical reality, as well reflects the formation of a new type of artistic consciousness. It is established that as a result of the actualization of environmental issues the novel genre is also undergoing changes. An ecological novel is a work the ideas and content of which are formed by the author's perception of the existing and/or possible relations of man with the environment and the processes taking place in it, i. e. the writer's aesthetic reflection on the problem of environmental preservation is presented. ethical attitudes of the author, his value and behavioral orientations in relation to nature are focused on. The important characteristic of an ecological novel is the combination of properties of several genre varieties to achieve the communicative goal.

Keywords: genre canon, ecocriticism, ecological novel, ecological theme, natural chronotope, genre conventions.

УДК 821.111(73)

DOI 10.52928/2070-1608-2024-72-4-28-32

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В РОМАНЕ Г. ТЕРТЛДАВА «ПОКОРЕННАЯ БРИТАНИЯ»

Я.А. АЛЕКСЕЕНКО

(Белорусский государственный университет, Минск)

email: Alexeenko_1999@mail.ru

В статье¹ рассматривается специфика интертекстуальности в романе Г. Тертлдава «Покоренная Британия», принадлежащем к жанру альтернативной истории, разновидности историографической прозы. Определены художественные произведения (трагедии, комедии, исторические хроники, поэма) У. Шекспира и К. Марло, выступающие в качестве прецедентных текстов. Ограниченное количество пьес, используемых автором, обусловлено временем действия (1597–1598 гг.), допускаются некоторые анахронизмы. Выявлено, что основная форма рецепции для американского писателя – косвенное цитирование (аллюзии / реминисценции). Установлено, что маркирование прецедентных текстов осуществляется с помощью упоминания авторов, названий пьес и имен действующих лиц, вкрапления суггестивных деталей оригинальных сюжетов. Иными интертекстуальными элементами являются пословицы, отсылки к библейским и мифологическим источникам (имена, предметы, детали фабулы). В основу фикциональных фрагментов пьес «Боудика» и «Король Филипп II», написанных героём-драматургом, ложатся произведения У. Шекспира и его современников (Т. Хьюза, Дж. Флетчера).

Ключевые слова: альтернативная история, аллюзии, античные сюжеты, интертекст, косвенное цитирование, современники У. Шекспира, текст в тексте.

Введение. Г. Тертлдав (Harry Turtledove, род. 1949) – современный американский писатель, автор историко-фэнтезийных и альтернативно-исторических рассказов и романов, входящих в ряд серий и циклов, например, «Видесский цикл» (Videssos, 1986–2005), «Мировая война» (World War, 1990–1996), «Великая война» (Great War, 1997–2007). Роман «Покоренная Британия» (Ruled Britannia, 2002), удостоенный премии «The Sidewise Awards» в категории больших форм, принадлежит к жанру альтернативной истории, для которого характерны существование значительных различий между традиционным взглядом на ход истории и авторской версией событий; раскрытие последствий поворотных моментов; наличие в системе персонажей реальных лиц наряду с фикциональными; отражение политических, социально-экономических и культурных особенностей избранного периода; наличие временной дистанции между созданием художественного текста и описываемыми событиями; присутствие вооруженного столкновения в качестве залога изменения существующего порядка; акцент на роли одной или нескольких выдающихся фигур; жанровый синкретизм (приемы триллера, шпионского романа, детектива). Кроме того, к чертам историографической прозы относятся интертекстуальная игра; возможность множественных интерпретаций исторических фактов; смешение временных пластов; частный характер рассказываемой истории; наличие противопоставления факта и вымысла. Действие романа разворачивается в конце 1597 – начале 1598 гг. в Лондоне. При этом речь не идет об эпохе правления (1558–1603) королевы Елизаветы I (Elizabeth I, 1533–1603), поскольку повествование начинается с описания двух испанских солдат, иноземных захватчиков, которых встречает на Тауэр-стрит молодой У. Шекспир (William Shakespeare, 1564–1616), главный герой. Г. Тертлдав использует разгром испанской Армады в 1588 г., один из ключевых моментов в истории Англии, как точку бифуркации (развилки), в корне меняя известный ход событий. Представитель новейшей литературы США обращается к британской истории, избирая в качестве ключевой фигуры английского классика, пьесы и сонеты которого американцы, несмотря на стремление к максимальному дистанцированию от колониального прошлого, считают частью собственного культурного достояния. Этому способствует универсальный характер творчества барда и его канонический статус, особенно в пределах западноевропейского пространства.

Феномен рецепции наследия английского драматурга в рамках мировой культуры рассматривается многими современными исследователями (Х. Блум [1], Е. Демичева², С. Зверькова³, К. Стерджесс [2], Дж. Шапиро [3] и др.). В русскоязычных и англоязычных работах, посвященных шекспировскому интертексту в творчестве того или иного автора или в отдельных художественных произведениях, беллетристика нового тысячелетия практически не представлена. К данной проблеме в белорусском литературоведении обращается, прежде всего, Т. Комаровская [4; 5]. Однако сложно говорить об изучении пьес и сонетов драматурга в качестве прецедентных текстов в англофонных литературах рубежа XX–XXI вв. как о систематическом явлении, что обуславливает актуальность предмета исследования. Кроме того, альтернативная история как самостоятельный жанр оформляется только в 90-х гг. прошлого века, поэтому существует необходимость в систематизации имеющихся (Л. Долежел [6], О. Осьмухина [7], М. Шнайдер-Майерсон [8] и др.) и разработке новых положений жанровой теории. Основу

¹ Подготовлена в рамках написания магистерской диссертации «Рецепция образа У. Шекспира в англофонных литературах рубежа XX – XXI вв.» (2023); URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/300965>.

² URL: <https://www.dissercat.com/content/shekspirovskii-tekst-v-russkoi-literature-vtoroi-poloviny-xx-nachala-xxi-v>.

³ URL: <https://www.dissercat.com/content/intertekstualnye-svyazi-i-ikh-spetsifika-v-proizvedeniyakh-andzhely-karter>.

методологии настоящего исследования составляют культурно-исторический, сравнительно-исторический и структурно-семиотический подходы (базой выступают труды Р. Барта [9], М. Бахтина [10], Ю. Кристевой [11], М. Лотмана [12] и др.) с применением контекстуального анализа, что позволяет выявить специфику интертекстуальной игры в романе Г. Тертлдава с учетом синхронического и диахронического аспектов.

Основная часть. Главная сюжетная линия связана с тем, что У. Шекспир получает от испанского командования и одновременно от У. Сесила (*William Cecil, 1st Baron Burghley, 1520 / 1521 – 1598*), сторонника заточенной в Тауэре королевы Елизаветы, официальное и секретное задания. Первое предполагает написание пьесы, прославляющей короля Филиппа II (*Felipe II, 1527–1598*) на смертном одре. В соответствии со вторым от драматурга требуется создание постановки, способной вдохновить народные массы на восстание против власти узурпаторов. Сторону завоевателей представляет современник английского классика Лопе де Вега (*Lope de Vega, 1562–1635*), который занимает близкую каноническую позицию в испанской драматургии и который, согласно документальным свидетельствам, в 1588 г. принимает участие в военном предприятии «Непобедимой армады» и после поражения благополучно возвращается на родину, в то время как в альтернативной истории герой остается в Англии и несет службу по поддержанию порядка на оккупированной территории. В обязанности Лопе входит, в числе прочего, слежка за британским коллегой и его труппой с целью выявления малейших признаков беспорядков и предательства. Кроме того, одно из наиболее значимых действующих лиц «Покоренной Британии» – это К. Марло (*Christopher Marlowe, 1564–1593*), который в версии Г. Тертлдава избегает смерти в результате заговора, чтобы впоследствии принять непосредственное участие в освобождении королевы, выдвинув кандидатуру друга Уилла на роль автора тайной пьесы. Примечательно, что последний признает влияние именитого предшественника на собственное раннее творчество. Наличие У. Шекспира и других драматургов в качестве персонажей романа обуславливает интертекстуальный характер «Покоренной Британии».

Центральной сценой, на которой разворачивается действие романа, закономерно становится театр «Глобус» (*The Globe, 1599*). У. Шекспир, молодой актер, режиссёр и начинающий, но уже широко известный драматург большую часть времени проводит на репетициях собственных спектаклей вместе с остальной труппой (вероятно, носящей иное название, чем Слуги лорда-камергера (*Lord Chamberlain’s Men*), которое Г. Тертлдав, однако, не указывает), включая наиболее известных трагика Р. Бербежда (*Richard Burbage, 1567–1619*) и комика У. Кемпа (*William Kempe, ум. 1603*). В связи с этим в тексте присутствуют аллюзии на шекспировские прецедентные тексты (таблица 1) в виде имен и регалий действующих лиц, которых играют актеры (например, призрак отца Гамлета и сам Принц Датский, Фальстафф), узнаваемых деталей сюжета, костюмов, особенностей грима и собственно названий пьес. Необходимо заметить, что время действия романа существенно ограничивает корпус прецедентных текстов, к которым писатель может обратиться. Так, автором (прямо или косвенно) упоминаются комедии «Виндзорские насмешницы» (*The Merry Wives of Windsor, 1597*), «Бесплодные усилия любви» (*Love Labour’s Lost, 1598*) и «Как вам это понравится» (*As You Like It, 1599–1600*), трагедии «Ричард III» (*Richard III, 1592–1594*) и «Ромео и Джульетта» (*Romeo and Juliet, 1594–1595*), историческая хроника «Генрих IV, часть 1» (*The History of Henrie the Fourth, 1598*).

Таблица 1. – Шекспировские аллюзии / реминисценции в романе Г. Тертлдава «Покоренная Британия»

Название прецедентного текста	Цитата из романа Г. Тертлдава «Покоренная Британия»
1	2
«Как вам это понравится»	«So did a big, colorful signboard above the entrance, advertising the day’s show: IF YOU LIKE IT, A NEW COMEDY BY WILLIAM SHAKESPEARE» [13, p. 15]
	«And Shakespeare, as was his habit, had cooked up a more complicated plot than any Spanish playwright would have thought of using: squabbling noble brothers, the younger having usurped the elder’s place as duke; the quarreling sons of a knight loyal to the exiled rightful duke, and the daughters of the rightful duke and his brother» [13, p. 16]
	«Those “daughters”, Rosalind and Celia, almost took Lope out of the play for a moment» [13, p. 16]
«Вознагражденные усилия любви»	«He dug in with the spoon, eating quickly. When he was through, he spread out his papers and got to work. <i>Love’s Labour’s Won</i> wasn’t going so well as he wished it would» [13, p. 21]
	«It was not a night when he had to worry about forgetting curfew. That he got anything at all done on <i>Love’s Labour’s Won</i> struck him as a minor miracle» [13, p. 32]
«Гамлет»	«He had to talk to Burbage, but not before so many people. All he could do now was sigh and say, “When troubles come, they come not single spies, but in battalions”» [13, p. 26]
«Ричард III»	«He coughed wetly a couple of times as they perched--Shakespeare nervously – then went on, “Now is the winter of our discontent”. Shakespeare stirred» [13, p. 36]
«Гамлет»	«What seems best is this: to sound the players one by one, in such wise that I give not the game away should a man prefer the Spaniards – or even simple quiet – to daring the slings and arrows of outrageous fortune» [13, p. 39]
	« When he thought about the Prince’s so-called soliloquy: To be, or not to be. Aye there’s the point. / To die, to sleep, is that all? Aye all: / No, to sleep, to dream, aye marry there it goes» [13, p. 48]

Окончание таблицы 1.

1	2
«Макбет»	«Not out, brief candle, he thought. Light this fool the way through dusty gloom» [13, p. 65]
«Гамлет»	«“He is but mad north-northwest”, Shakespeare answered. “When the wind is southerly he knows a hawk from a handsaw”» [13, p. 68]
«Генрих IV, часть 1»	«How had Shakespeare put it in Alcibiades? The better part of valor is discretion – that was the line that had stuck in Lope’s memory» [13, p. 71]
«Гамлет»	«Questions, questions. When questions come, they come not single spies, but in battalions» [13, p. 78]
	«“Words, words, words”, Shakespeare answered, twisting free. “Good words are better than bad strokes, and the strokes Will and I gave each other were poor as any ever given”» [13, p. 93]
«Макбет»	«Burbage, now, boomed out the Scottish King’s lines: “Canst thou not minister to a mind diseased, Pluck from the memory a rooted sorrow, Raze out the written troubles of the brain...”» [13, p. 106]
«Гамлет»	«In Spanish, Captain Guzman said to Lope, “You see? Fear of death makes cowards of them all”» [13, p. 113]
«Ромео и Джульетта»	«“I believe it”, Shakespeare said. “What’s in a name?” he wondered. The English Inquisition could, no doubt, give him a detailed answer» [13, p. 119]
«Много шума из ничего»	«I thank you for passing the time of day with me, Master Shakespeare, I do. Haply ‘twill prove in your regard much ado about nothing. I hope it may so. Give you good den» [13, p. 127]
«Виндзорские насмешницы»	«Burbage set his hands on his hips and raised his voice till it filled the Theatre: “Now that Will’s back amongst us, and back with good news, let’s think on what we do this afternoon, eh? The wives of Windsor shall not be merry unless we make them so”» [13, p. 140]
	«And the pleasure was his; through the way The Merry Wives of Windsor enchanted her, he enjoyed it as he couldn’t have if he’d come alone» [13, p. 141]
«Гамлет»	«“I have just learned Anthony Bacon has taken refuge at the court of King Christian IV”, he said. Sure enough, that explained his sour expression. “Something is rotten in the state of Denmark, then”» [13, p. 147]
	«What had Shakespeare said in Prince of Denmark? The play’s the thing – that was the line» [13, p. 165]
«Ромео и Джульетта»	«The clown pitched his voice high, as Shakespeare had: “If thou thinkest I am too quickly won, I’ll frown and be perverse and say thee nay. So thou wilt woo”» [13, p. 16]
«Бесплодные усилия любви»	«On a day, alack the day! / Love, whose month is ever May, / Spied a blossom passing fair / Playing in the wanton air...» [13, p. 204 – 205]
«Ромео и Джульетта»	«“Why, how beautiful thou art”, he answered at once. “Thou dost teach the torches to burn bright – beauty too rich for use, for earth too dear”» [13, p. 224]
«Гамлет»	«“What’s old England to me or I to old England, that I should weep for her?” Marlowe seemed genuinely curious» [13, p. 231]
	«Use every man after his desert, and who should ‘scape whipping?» [13, p. 231]
	«Where be your gibes now? your gambols? your songs? your flashes of merriment, that were wont to set the table on a roar? Not one now, to mock your own grinning? quite chapfallen? Unbidden, the words from Shakespeare’s Prince of Denmark rose in Lope’s mind» [13, p. 278]
	«After a while, the corpses lost their power to shock. Custom hath made it in me a property of easiness: Shakespeare’s own words sounded inside his head» [13, p. 280]

Как можно заметить, наиболее частотны аллюзии на трагедию «Гамлет» (*The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark*, 1603), хотя написание пьесы традиционно относят к 1599–1601 гг. Есть два возможных объяснения данного феномена: либо Г. Тертлдав сознательно допускает некоторые анахронизмы, либо предполагает, что У. Шекспир уже тогда начинает работу над одной из великих трагедий, создание которой связано со смертью его единственного сына Гамнета (*Hamnet Shakespeare*, 1585–1596) за год до описываемых событий. Кроме того, в тексте можно обнаружить намеки на будущую комедию «Много шума из ничего» (*Much Ado About Nothing*, 1600) и трагедию «Макбет» (*The Tragedy of Macbeth*, 1606) (последнее – явный анахронизм). Во время описываемых событий выходец из Стратфорда-на-Эйвоне работает над впоследствии утерянной частью канона – комедией «Вознагражденные усилия любви» (*Love’s Labour’s Won*, 1598). Отдельные интертекстуальные отсылки появляются в рассуждениях Лопе де Вега об английском театре в целом и о пьесах коллеги в частности: о делении пьес на пять актов в отличие от трех в испанской традиции и исполнении женских ролей мужчинами, что автор комедии «Дурочка» (*La dama boba*, 1613), которую он ставит в Англии, а не в Испании, считает наиболее странной и необъяснимой особенностью зарубежного сценического искусства. Ряд интертекстуальных элементов в «Покоренной Британии» связан с творчеством К. Марло (таблица 2). Показательно, что цитаты из его пьес некоторые второстепенные персонажи ошибочно приписывают У. Шекспиру, что, на мой взгляд, характерно и для современных читателей в силу большей известности последнего в рамках сегодняшнего культурного пространства, чему способствует экономическая значимость (брендирование) и мифологизированность его фигуры.

Таблица 2. – Марловианские аллюзии / реминисценции в романе Г. Тертлдава «Покоренная Британия»

Название precedentного текста	Цитата из романа Г. Тертлдава «Покоренная Британия»
«Тамерлан Великий» (<i>Tamburlaine the Great</i> , 1587 – 1588)	«He'd had charge of costumes and props for decades before Marlowe's <i>Tamberlane</i> made blank verse the standard for plays, and he had all the shrewdness of his years» [13, p. 47] «Nature that framed us of our elements, warring within our breasts for regiment, did shape me so» [13, p. 151]
«Трагическая история жизни и смерти доктора Фауста» (<i>The Tragical History of the Life and Death of Doctor Faustus</i> , 1588 – 1589)	«“ <i>O lente, lente currite noctis equi: / The stars move still, time runs, the clock will strike, / The devil will come, and Faustus must be damned. O, I'll leap up to my God! Who pulls me down?</i> ” This is very fine poetry, I think”. “And I”, de Vega agreed, “even if he borrowed the slowly running horses of the night from Ovid”» [13, p. 82]
Поэма «Геро и Леандр» (<i>Hero and Leander</i> , 1598)	«“Who ever loved that loved not at first sight?” or –” Shakespeare laughed. “Your pardon, I pray you, but that is not mine, and Kit Marlowe would wax wroth did I claim it”» [13, p. 119]
«Дидона, царица Карфагена» (<i>Dido, Queen of Carthage</i> , 1594) (Написана предположительно в соавторстве с Т. Нэшем (<i>Thomas Nashe</i> ; 1567 – ок. 1601))	«“Come, gentle Ganymede and play with me; I love thee well, say Juno what she will”. <...> With pleasure more than a little malicious, Shakespeare used a high, thin, piping voice to give back Ganymede's reply from <i>Dido, Queen of Carthage</i> : “I would have a jewel for mine ear, And a fine brooch to put in my hat, And then I'll hug with you an hundred times”» [13, p. 152]
«Трагическая история жизни и смерти доктора Фауста»	«Hell hath no limits, nor is circumscribed in one self place; for where we are is hell, and where hell is there must we ever be» [13, p. 157]

В качестве precedentной основы для пьесы по заказу Уильяма Сесила и его сына Роберта (по прозвищу *Crookback*) У. Шекспир выбирает историю жены вождя кельтского племени иценов (*Iceni*), подчиняющегося Римской империи (двойной смысл названия романа), которую изложил в «Анналах» (*Ab excessu divi Augusti*) древнеримский историк Тацит (*Publius Cornelius Tacitus*, середина 50-х – ок. 120). После смерти мужа и вторжения захватчиков вдова, широко известная как Боадия (Боуди(к)ка – в более корректном варианте, который использует Г. Тертлдав, что значит *победоносная*), провозглашается королевой и возглавляет антиримское восстание 61 г. н. э. Неудивительно, что герой романа останавливает выбор на данном сюжете, т. к. история женщины-предводительницы была популярна в XVI–XVII вв. в связи с правлением королевы Елизаветы, а затем актуализировалась в викторианскую эпоху (1837–1901), когда на британском престоле находилась королева Виктория (*Alexandrina Victoria*, 1819–1901). Американский писатель в послесловии к роману отмечает, что большая часть пьесы «Боудика» заимствована из трагикомедии Дж. Флетчера (*John Fletcher*, 1579–1625) «Бондука» (*Bonduca*, с. 1613), поставленной шекспировской труппой, на тот момент известной как «Слуги короля» (*King's Men*). Кроме того, сюжетная линия, связанная с революционной постановкой, основана на реальных событиях, (едва не) произошедших после показа исторической хроники У. Шекспира «Ричард II» (*The Life and Death of King Richard the Second*, 1595) накануне восстания графа Эссекса. Что касается второго заказанного спектакля, «Король Филипп II», то в его основу ложатся текст и фабула ранней трагедии барда «Тит Андроник» (*Titus Andronicus*, 1588–1593), исторических хроник «Король Иоанн», или «Король Джон» (*The Life and Death of King John*, 1595 / 1596) и «Генрих VIII» (*The Famous History of the Life of King Henry Eight*, 1613), написанной в соавторстве с упомянутым выше Дж. Флетчером, проблемной пьесы «Венецианский купец» (*The Merchant of Venice*, 1596), а также пьес «Тамерлан Великий» (*Tamburlaine the Great*, 1587 – 1588) К. Марло и «Трагедия Артура» (*The Misfortunes of Arthur, Uther Pendragon's son reduced into tragical notes*, 1587) Т. Хьюза (*Thomas Hughes*, 1571–1623).

Для создания культурно-исторического контекста Г. Тертлдав насыщает «Покоренную Британию» пословицами, например: 1) «When in Rome, do as the Romans do», которую приписывают святому Амвросию: «“After all, when in Rome... and we are all Romans now, is't not so?” He chuckled once more» [4, p. 5]; 2) «“The pen's mightier than the sword, 'tis said”, Shakespeare answered, “but I know not whether that be true for the arrow as well. Certes, the pen hath lasted longer”» [4, p. 35]. В речи героев встречаются аллюзии на античную мифологию (Тесей и Минотавр, нить Ариадны; титаны Атлас и Прометей; Дедал и Икар) и библейский сюжет о грехопадении. Более того, в романе присутствуют интертекстуальные отсылки (цитаты, названия художественных произведений) к творчеству основоположника английской национальной литературы Дж. Чосера (*Geoffrey Chaucer*, ок. 1340 / 1345 – 1400), придворного поэта Дж. Харрингтона (*John Harrington*, 1560–1612), драматурга Т. Деккера (*Thomas Dekker*, ок. 1572 – ок. 1632) и др. В одном из эпизодов главным героем вспоминается, как Р. Грин (*Robert Greene*, 1558–1592) окрестил его *upstart crow*. Это отсылка к памфлету «На грош ума, купленного за миллион раскаяний» (*Groatsworth of Witte, Bought with a Million of Repentance*, 1592), в котором автор критикует молодого коллегу.

Заключение. Таким образом, в романе Г. Тертлдава «Покоренная Британия» в качестве precedentных текстов выступают шекспировские трагедии («Гамлет», «Макбет», «Ромео и Джульетта», «Трагическая история жизни и смерти доктора Фауста», «Дидона, царица Карфагена»), комедии («Как вам это понравится», «Виндзорские насмешницы», «Вознагражденные усилия любви», «Бесплодные усилия любви» и др.), исторические хроники («Ричард III», «Генрих IV, часть 1»), поэма «Геро и Леандр» К. Марло. Ограниченное количество используемых пьес обусловлено временем действия (1597–1598 гг.), что не позволяет обратиться к трагикомедии

«Буря» и другим примерам поздней драматургии. Основная форма авторской рецепции Г. Терлдава – косвенное цитирование (аллюзии / реминисценции). Маркирование прецедентных текстов осуществляется с помощью упоминания авторов, названий пьес и имен действующих лиц, вкрапления суггестивных деталей оригинальных сюжетов. Интертекстуальными элементами становятся пословицы, отсылки к библейским и мифологическим сюжетам (имена, предметы, детали фабулы). В основе фрагментов в тексте «Боддикка» и «Король Филипп II», написанных героем-драматургом по заказу испанского правительства и сторонников королевы Елизаветы I, лежат пьесы как У. Шекспира (ранняя трагедия «Гит Андроник», проблемная пьеса «Венецианский купец», исторические хроники «Король Иоанн» и «Генрих VIII» – в соавторстве с Дж. Флетчером), так и его современников «Таммерлан Великий» К. Марло, «Трагедия Артура» Т. Хьюза, «Бондука» Дж. Флетчера).

ЛИТЕРАТУРА

1. Блум Х. Шекспир как центр канона [Электронный ресурс] / пер. с англ. Т. Казавчинской // Иностранная литература. – № 12. – 1998. – С. 194–213. – URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/1998/12/shekspir-kak-czentr-kanona.html>. (Дата обращения: 25.03.2024).
2. Sturgess K. C. Shakespeare and the American Nation. – NY: Cambridge University Press, 2004. – 246 p.
3. Shapiro J. Shakespeare in a divided America: what his plays tell us about our past and future. – NY: Penguin Press, 2020. – 236 p.
4. Комаровская Т.Е. Реалистическая деконструкция Шекспира в романе Д. Смайли «Тысяча акров» // Методология изучения литературы и основы анализа художественного текста: уч.-метод. пособие. – Минск, 1998. – С. 93–96.
5. Комаровская Т.Е. Трагедия короля Лира в современной литературе США: роман Д. Смайли «Тысяча акров» // Культура и литература США: проблемы поэтики и эстетики: тез. докл. конф., 1–7 дек. 1997 г. / отв. ред. Л.Г. Михайлова. – М.: МГУ, 1997. – С. 61–64.
6. Dolezel L. Possible Worlds of Fiction and History: The Postmodern Stage. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2010. – 172 p.
7. Осьмухина О.Ю., Махрова Г.А. Специфика жанра романа альтернативной истории (на материале отечественной прозы 1990-х – 2000-х гг.) // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2013. – Т. 1, № 4. – С. 50–58.
8. Schneider-Mayerson M. What Almost Was: The Politics of the Contemporary Alternate History Novel // American Studies. – 2009. – Vol. 50. – № 3 / 4. – P. 63–83.
9. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
10. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – 502 с.
11. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Вестн. МГУ. Сер. Филология. – 1995. – № 1. – С. 97–123.
12. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Избранные статьи. – Т. 1. – Таллин: Александра, 1992. – С. 129–132.
13. Turtledove H. Ruled Britannia. – NY.: New American Library, 2002. – 309 p.

Поступила 29.03.2024

INTERTEXTUALITY IN H. TURTLEDOVE'S «RULED BRITANNIA»

Y. ALIAKSEYENKA

(Belarusian State University, Minsk)

The article deals with the specifics of intertextuality in H. Turtledove's «Ruled Britannia», which belongs to alternative history genre, a kind of historiographical prose. W. Shakespeare's and K. Marlowe's works (tragedies, comedies, historical chronicles, a poem) are identified as precedent texts. The limited number of plays used by the author is due to the time of action (1597 – 1598), while some anachronisms are still allowed. It is revealed that the main form of reception for an American writer is the use of indirect quotations (allusions / reminiscences). It is established that the marking of precedent texts is carried out by mentioning the authorship., the names of plays and actors, interspersed with suggestive details of original plots. Other intertextual elements include proverbs, references to biblical and mythological sources (names, objects, details of the plot). The fictional fragments of the «Boudicca» and «King Philip II», written by the hero-playwright, are based on the plays by W. Shakespeare, as well as his contemporaries (T. Hughes, J. Fletcher).

Keywords: *alternative history, allusions, ancient plots, W. Shakespeare's contemporaries, indirect citation, intertext, text-within-a-text.*

ДВОЙНОЕ КОДИРОВАНИЕ В РОМАНЕ П. АКРОЙДА «ПРОЦЕСС ЭЛИЗАБЕТ КРИ»

Е.Д. МОЖЕЙКО

(Белорусский государственный университет, Минск)

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-8205-3088>

К актуальным научным проблемам можно отнести общие вопросы постмодернизма, в том числе и вопрос о двойном кодировании в литературе данного направления. В статье рассматривается ряд черт, присущих произведениям постмодернизма, дается определение двойного кодирования. Объектом для анализа выступает произведение П. Акройда «Процесс Элизабет Кри». Результатом исследования послужило наличие в романе ряда постмодернистских черт (интертекстуальность, фрагментарность, авторская маска, игра, ирония), включая двойное кодирование.

Ключевые слова: постмодернизм, двойной код прочтения, интертекстуальность, фрагментарность, авторская маска, игра, ирония.

Введение. В связи со сменой тенденций в развитии мировой культуры второй половины XX в. становится возможным говорить о возникновении постмодернизма. Постмодернизм как социокультурный феномен имеет свои мировоззренческие основания, связанные с децентрированной картиной мира. Историческими предпосылками возникновения постмодернизма являются кризис колониальной системы, холодная война, феминистское и иные протестные движения, сексуальная революция, компьютеризация окружающего мира.

Рассматривая постмодернизм как философскую единицу, мы обращались к работам различных исследователей. Источником ряда понятий служат работы И. Хассана, в которых исследователь сравнивает модернизм и постмодернизм, противопоставляя понятия цель – игра, метафизика – ирония, жанровые границы – интертекст и т.д. [1]. Ю. Кристева вводит понятие интертекстуальности, которая подразумевает наличие в тексте отсылок к другим текстам [2, с. 9]. Р. Барт продолжает развивать теорию интертекстуальности и вводит понятие «смерти автора», которая ставит читателя в доминирующую позицию, где конечный смысл текста отсутствует, а существует бесконечная множественность этих смыслов [3, с. 387]. Понятие деконструкции рассматривает Ж. Деррида, утверждая, что текст состоит из неопределенного количества смысловых фрагментов, которые интерпретирует читатель, основываясь на своем культурном коде, подготовленности, начитанности и т.д. [4, с. 10]. Ж. Бодрийяр говорит о симулякре, как о копии без оригинала (текст претерпевает так много копирований, что в результате теряет связь с первоисточником). Принимая во внимание симулякры, можно говорить об отсутствии четких границ жанров, стилей и форм в литературе постмодернизма [5, с. 170].

Исходя из данных подходов к пониманию постмодернизма, выделяются черты, характеризующие данное направление: интертекстуальность, фрагментарность (коллаж), авторская маска, игра, ирония, двойное кодирование.

Интертекстуальность подразумевает, что ни один текст не существует отдельно от других; напротив, каждый текст связан со множеством других текстов. Под интертекстуальностью понимается такое свойство текста, как возможность ссылаться на другие тексты. Таким образом, текст представляет из себя интертекст, состоящий из других текстов (это могут быть цитаты, аллюзии, различные контексты) [6, с. 65].

Фрагментарность (коллаж) в постмодернизме подразумевает под собой, что мир предстает в виде неупорядоченных, разрозненных элементов. Фрагментарность – это свойство текста, разные элементы которого перекликаются и частично накладываются друг на друга, не образуя единого целого. Коллаж прослеживается на разных уровнях художественного текста: композиционном, сюжетном, идейно-образном, жанровом, хронологическом [7]. В повествовании появляется прерывистость, создается эффект перегруженности информацией. В тексте уничтожаются границы между реальностью и вымыслом, оригиналом и симулякром.

Авторская маска – термин постмодернизма, введенный американским критиком К. Мамгреном в 1985 г. Подразумевается, что писатель прибегает к некому образу, пародии на автора представленного текста, тем самым запутывая читателя, который уже не сможет определить «истинного» автора ввиду его отсутствия в тексте как такового [8]. Автор стремится скрыть свое отношение к написанному, т.е. замаскировать свою авторскую субъективность. Как правило, меняется атмосфера и тональность повествования. В этом случае автор часто прибегает к повествованию от нескольких лиц.

В постмодернистской эстетике игра может интерпретироваться по-разному. Под игрой понимается игра со смыслами, которые имеют отличную друг от друга интерпретацию у читателей. На композиционном уровне произведение может иметь несколько концовок, побуждая читателя додумывать верный финал самому. Автор может играть с авторской маской, например, менять повествователя, атмосферу и тональность в тексте, запутывая тем самым читателя и при этом создавая ризомический лабиринт смыслов.

Ирония в контексте постмодернизма выходит за рамки стилистического приема и становится важным элементом эстетической и литературно-художественной системы произведения. В словаре иностранных слов Н.Г. Комлева ирония определяется как «тонкая насмешка, выраженная в скрытой форме; употребление слова или целого выражения в противоположном смысле с целью высмеивания» [9]. Постмодернистская ирония направлена против серьезности здравого смысла. Вместо поиска истины на первый план выходит ироническая игра, где

автор иронизирует над чем угодно: над классической традицией, над массовой культурой, над читателем. Ирония выступает инструментом, с помощью которого происходит интерпретация действительности, где отсутствует конечный смысл и истина [10, с. 153]. Иначе говоря, в постмодернизме весь мир лишен стабильных смыслов. Он иронически переосмысливается, деконструируется.

Итак, к основным чертам постмодернизма можно отнести интертекстуальность, коллаж, авторскую маску, игру, иронию и др. Данные черты соответствуют постмодернистской парадигме.

В данной работе особое внимание уделяется произведению британского писателя П. Акройда «Процесс Элизабет Кри». Ряд исследователей рассматривает его творчество в постмодернистской парадигме. Так, В.В. Струков в своей работе «Художественное своеобразие романов Питера Акройда (к проблеме британского постмодернизма)» связывает принадлежность П. Акройда к постмодернистскому течению с его обучением в йельском университете, где американский деконструктивизм является основной школой. В.В. Струков предполагает, что учение различных философов данной школы, в том числе Ж. Деррида, оказало влияние на творчество П. Акройда. Он также обращает внимание на то, что тексты П. Акройда опираются на предшествующие тексты, ссылаясь на интертекстуальную природу его работ, что соответствует постмодернистской эстетике [11, с. 48]. В своей диссертации «Жанровая стратегия детектива в творчестве Питера Акройда» О.Ю. Ахманов обращается к понятию «жанровой стратегии», которое предполагает «обращение автора к жанровой традиции с целью актуализации тех или иных её аспектов, включаемых автором в сферу своих интересов в контексте его постмодернистских исканий» [12]. Исследователь уточняет, что в произведении «Процесс Элизабет Кри» происходит жанровая трансформация детективного романа, а также отмечает ряд признаков постмодернистского направления: интертекстуальность, фрагментарность, двойное кодирование.

Что касается зарубежных исследователей творчества П. Акройда, то одним из представителей является финский ученый У. Ханнинен и его работа «Переписывание истории литературы: Питер Акройд и интертекстуальность» (*Rewriting Literary History: Peter Ackroyd and Intertextuality*, 1997). Он утверждает, что П. Акройд в своих произведениях «переписывает» историю, прибегая к интертекстуальности и отсылкам к предшествующим текстам [13, с. 4]. С. Онега в своей монографии «Метатекст и миф в творчестве Питера Акройда» (*Metafiction and Myth in the novels of Peter Ackroyd*, 1999) анализирует произведения П. Акройда в контексте «исторического метатекста». Он утверждает, что в своих романах П. Акройд переосмысляет историческое прошлое, ссылаясь на актуальные проблемы современности, тем самым пародируя названное прошлое [14, с. 181].

Как отмечалось ранее, творчество П. Акройда неоднократно анализировалось в контексте постмодернистской парадигмы, в частности, его интертекстуальной природы. Мы же уделяем особое внимание феномену двойного кодирования в романе П. Акройда «Процесс Элизабет Кри», ранее изучавшегося в меньшей степени.

Основная часть. Для понимания особенностей восприятия постмодернистского текста читателем сперва следует обратиться к понятию кода. Так, код – это «совокупность правил или ограничений, обеспечивающих функционирование речевой деятельности естественного языка или какой-либо знаковой системы: иными словами, код обеспечивает коммуникацию. Для этого он должен быть понятным для всех участников коммуникативного процесса» [15, с. 178]. Под двойным кодированием понимается присущее постмодернизму «постоянное пародическое сопоставление двух (или более) “текстуальных миров”, т.е. различных способов семиотического кодирования художественных стилей» [15, с. 46]. Таким образом, опираясь на предшествующие тексты, автор, как правило, переосмысляет прошлое, различные жанровые составляющие или канонические понятия формы и стиля, образуя новые смыслы.

В основу идей двойного кодирования положена известная статья американского исследователя Л. Фидлера «Пересекайте границы, засыпайте рвы». В данной работе ученый, анализируя тенденции современной литературы, приходит к выводу, что она направлена на то, чтобы стереть грань между элитарной и массовой культурой: «...he managed to straddle the border, if not quite close the gap between high culture and low, belles-lettres and Pop Art» [16, с. 331]. С.И. Чупринин отмечает, что такое разнообразие внутритекстовой структуры в постмодернистском произведении позволяет разному читателю получить отличный опыт от прочтения в зависимости от его подготовленности (будь то культурный, читательский или социальный аспект). Ввиду такого подхода, стираются границы между элитарной и массовой культурой, таким образом удовлетворяя потребности любого читателя [17].

Хаотичность, деконструкция и фрагментарность – все эти признаки присущи постмодернистскому тексту, что мы уже упоминали выше. Наличие перечисленных признаков делает невозможным существование одного смысла, а способствует образованию множества внутритекстовых кодов, что видно на двух уровнях: формальном и содержательном. Обыватель сможет понять текст, благодаря наличию в нём кодов массовой литературы (различных жанров). Однако это не значит, что для подготовленного читателя текст будет казаться банальным – этого позволяет избежать наличие интертекстуальных отсылок, иронии. Заметим, что, несмотря на традиционное понимание жанра как конструкции (устоявшиеся содержание и форма), в постмодернистском дискурсе жанр децентрирован. Важно отметить, что Л. Фидлер в вышеупомянутой статье не говорит о принципиальном разграничении определенных жанров на элитарные и массовые. Одной из целей постмодернизма он, напротив, отмечал возможность сблизить читателей с разным уровнем подготовленности и читательским опытом («close the gap between high culture and low»), а это подразумевает лишь условное разграничение между текстами для массового и элитарного читателя.

Таким образом, можно отметить, что одной из особенностей постмодернистского текста является отсутствие четкого разграничения целевой аудитории по принципу элитарности/массовости.

Постмодернистские произведения нередко обращаются к историческим данным (событиям, известным личностям, эпохам прошлого). Благодаря взаимосвязи литературы и истории появляется такое понятие, как «неовикторианский роман». «Социокультурная парадигма XIX в. подвергается иронической деконструкции в соответствии с эстетикой постмодернистского письма. Основными темами неовикторианской литературы являются империализм, колониализм, война, гендер и сексуальность, класс, наука и технология, социальные противоречия и др.» [18, с. 80]. Стоит отметить, что некоторые из этих тем были табу в литературе XIX в., например, гендер и сексуальность. Викторианцы сознательно избегали подобной «запретной» тематики. А неовикторианцы, наоборот, акцентируют гендерную и сексуальную проблематику, как бы насмехаясь над лживым пуританством предшественников. Неовикторианский роман является разновидностью постмодернистского текста, в котором много отсылок к культуре Викторианства. Он (неовикторианский роман) является по сути симулякром, пародирующим литературу XIX в.

П. Акройд (*Peter Ackroyd*, род. в 1949 г.) – британский поэт, писатель и литературный критик. В своих работах автор уделяет особое внимание английской культуре и истории. Ему принадлежат сборники стихов «Лондонский скряга» (*London Lickpenny*, 1973 г.), «Сельская жизнь» (*Country Life*, 1978 г.), «Развлечения Перли и другие стихи» (*The Diversions of Purley and Other Poems*, 1987 г.). Он является автором романов «Большой лондонский пожар» (*The Great Fire of London*, 1982 г.), «Хоксмур» (*Hawksmoor*, 1985 г.), «Чаттертон» (*Chatterton*, 1987 г.), «Первый свет» (*First Light*, 1989 г.), «Английская музыка» (*English Music*, 1992 г.), «Дом доктора Ди» (*The House of Doctor Dee*, 1993 г.), «Процесс Элизабет Кри» (*The Trial of Elizabeth Cree*, 1994 г.), «Лондонские сочинители» (*The Lambs of London*, 2004 г.) и др.

Роман «Процесс Элизабет Кри» принес Акройду огромный успех. Частично он основывается на реальных событиях: действие происходит в Лондоне второй половины XIX в., где происходит серия убийств. Несколько девушек были убиты, что создало панику среди местных жителей, которые прозвали загадочного маньяка «Големом». В качестве прототипа маньяка из романа выступает Джек Потрошитель. Автор использует отсылки и достоверные описания совершенных преступлений и Лондона эпохи Викторианства. Несмотря на большое количество отсылок к эпохе и данным событиям, роман, являясь постмодернистским, выдвигает свое видение маньяка и сопутствующих ему происшествий.

В основе сюжета произведения лежит серия ужасающих убийств в Лондоне 1880 г., совершенных неким маньяком, которому дают прозвище «Голем из Лаймхауса». История начинается с судебного процесса над бывшей актрисой мюзик-холла Элизабет Кри, обвиняемой в убийстве своего мужа Джона Кри. На суде предстают дневники Джона, где точно описываются совершенные преступления, что не оставляет сомнений в виновности мужа главной героини. Однако в финале выясняется обратное: все это время за личиной маньяка скрывалась сама Элизабет, которая подделывает записи в дневнике, тем самым подставляя собственного мужа.

Детство главной героини романа Элизабет проходит в неблагополучном районе Лондона. Её религиозная мать плохо с ней обращается, поэтому Элизабет никогда не знала материнской любви, получая лишь унижения от своей матери, которая постоянно избивала её, щипала или колола иголкой её гениталии. После смерти матери Элизабет попадает в мюзик-холл, где знакомится с комедиантом Дэном Лино, который предлагает ей поработать на сцене, где со временем она встречает своего будущего мужа – Джона Кри. Спустя 16 лет замужества и работы в театре начинают происходить убийства в районе Лаймхаус. Убийца ведет дневник, принадлежащий Джону Кри, где он в подробностях описывает свои преступления. На последних же страницах читатель оказывается обманут: Элизабет Кри исповедуется перед казнью, раскрывая всю правду о преступлениях. Именно она являлась загадочным Големом, маньяком, убивавшим на улицах Лондона и позже обвинившим во всем своего мужа.

Интертекстуальность в романе проявляется сразу в нескольких элементах. Помимо узнаваемых и точных описаний улиц Лондона конца XIX в., П. Акройд воссоздает точную картину преступлений, совершенных Джеком Потрошителем, тем самым отсылая не только к эпохе, но и к конкретным событиям и личности: «*The first killing occurred on the 10th September, 1880, along Limehouse Reach: this, as its name implies, was an ancient lane which led from a small thoroughfare of mean houses to a flight of stone steps just above the bank of the Thames... The Jewish quarter of Limehouse comprised three streets beyond the Highway; it was known as "Old Jerusalem" both by those who inhabited it and those who lived beside it*» [19, с. 9].

Также автор использует в качестве окружения главных героев исторических личностей, живших в Викторианскую эпоху. Важно отметить, что сюжет романа вращается вокруг театральной жизни Лондона XIX в., поскольку главная героиня мечтает стать актрисой и попадает на одно из представлений, где встречает Дэна Лино – ведущего актера и комика мюзик-холлов времен Позднего Викторианства. Что касается других персонажей, то Акройд не обходит стороной интеллигентную, живущую в то время на улицах Лондона. Так, в местной библиотеке можно встретить Карла Маркса, а его дочь появляется в одном из эпизодов вместе с Оскаром Уайльдом, который приходит на театральную постановку: «*Oscar Wilde had been asked by the editor of the Chronicle to furnish an essay on the character of first-night audiences, and he had decided to begin with the theatrical sensation of the hour*» [19, с. 175].

Говоря об интертекстуальности, важно отметить отсылки на различные тексты, которые можно обнаружить в данном произведении. Например, вышеупомянутый К. Маркс частично цитируется Акройдом: «*Truly the playhouse was the opium of the people!*» [19, с. 176]. Один из героев романа, посещая лондонскую библиотеку, зачитывается трактатом Томаса де Куинси, позже цитируя его в своем сочинении: «*These are the words with which Thomas*

De Quincey ended his study of that ferocious killer: "... in obedience to the law as it then stood, he was buried in the center of a quadrivium, or conflux of four roads (in this case four streets), with a stake driven through his heart» [19, с. 173].

Фрагментарность также является одной из особенностей романа. В произведении можно проследить наличие разных жанров, которые иногда сменяются в зависимости от главы, что создает хаотичность в повествовании.

«Процесс Элизабет Кри» является неовикторианским романом, для которого характерны черты исторического романа. Акройд воссоздает реалии Лондона XIX в., наполняя текст реальными локациями и историческими личностями, жившими в тот период. Автор также прибегает к цитированию реальных текстов философов и писателей того времени. Неовикторианским делает этот роман то, что Акройд, во-первых, критикует, деконструирует викторианские ценности, во-вторых, затрагивает проблему неправильного сексуального воспитания, которое привело главную героиню к гендерному расстройству и маниакальному поведению.

В романе прослеживаются черты детективного жанра. На протяжении истории перед читателем разворачивается цепочка преступлений, где сам читатель становится «сыщиком» и для него далеко не сразу оказывается очевидна фигура «Голема из Лаймхауса», совершающая все убийства. Убийцей оказывается один из повествователей – Элизабет Кри, начинающая актриса мюзик-холла. В романе читатель, вовлеченный в повествование от лица убийцы, становится обманутым и сбитым с толку. Такая нетривиальная форма детектива может вызвать интерес у любителей остросюжетных жанров.

Одним из элементов жанрового коллажа в произведении выступает философский роман. Весь жизненный путь Элизабет Кри состоит из постоянных попыток осознания себя и своего места в этом мире. Маниакальное поведение героини связано с её детством, неадекватным поведением матери и жестоким обращением с ней. Элизабет, всю жизнь играя различные роли в театре, продолжает играть и в реальной жизни. Она меняет свою личность, переодевается в мужчину и убивает окружающих с особой циничной жестокостью: *«I was standing in the shadows just beside them and, when she came down into the shop, I took the mallet from my pocket and struck her down. She did not cry out—she did not even sigh—but, cradling her wounded body, I took my razor and cut her from ear to ear. It was hot business indeed, with the blood welling over the sleeves of my coat»* [19, с. 104].

В романе используется жанр дневника, поскольку некоторые из глав приведены в виде записей преступника, совершающего убийства в Лаймхаусе: *«SEPTEMBER 6, 1880: It was a fine bright morning, and I could feel a murder coming on. I had to put out that fire, so I took a cab to Aldgate and then walked down Whitechapel way. I may say that I was eager to begin, because I had in mind a novelty for the first time: to suck out the breath of a dying child, and see if all its youthful spirit mingled with mine. Oh, in that case, I might go on forever! But why do I say child, when I mean any life? Look, I am trembling again»* [19, с. 20]. Каждая такая запись начинается с даты написания, а также ведется от первого лица, описывая различные рассуждения «автора» дневника или же бытовые вещи, например, поход в библиотеку. Некоторые главы представлены в виде судебных протоколов с допросами Элизабет Кри, представляя элемент жанра документалистики:

«MR. GREATOREX: Did you purchase arsenic powder from Hanway's in Great Titchfield Street on the morning of October the 23rd of last year?

ELIZABETH CREE: Yes, sir. I did.

MR. GREATOREX: Why did you do so, Mrs. Cree?

ELIZABETH CREE: There was a rat in the basement.

MR. GREATOREX: There was a rat in the basement?

ELIZABETH CREE: Yes, sir. A rat» [19, с. 12].

В романе сменяются повествователи: читатель встречает повествование как от первого, так и от третьего лица. Акройд прибегает к авторской маске, никак не выражая своего отношения к представленным героям и событиям. Так, в одной из глав читатель может видеть сцену убийства глазами маньяка, в связи с чем меняется и вся атмосфера, оставляя впечатление ужаса и страха: *«I opened the bag and then, with a quick movement, took my knife and cut her across the throat from left to right. It was a powerful start, although I say so myself, and she leaned back against the wall with an astonished look upon her face; she sighed and seemed eager for more, so I obliged her with a few deep cuts»* [19, с. 44]. В главах от лица Элизабет Кри читатель сталкивается с внутренними переживаниями героини, где она рассуждает о своей жизни и мечтах. В данных отрывках Акройд погружает читателя в атмосферу печали и сопереживания главной героине: *«I had only one wish in my life, and that was to see the music hall. Curry's Variety was by the obelisk, close to our lodgings, but Mother told me it was the abode of the devil which I was never to enter. I had seen the bills announcing the comedians and duettists, but I knew no more of them than I did of the cherubim and seraphim to whom my mother cried aloud»* [19, с. 15]. В главах от третьего лица тональность более нейтральная. Автор повествует о событиях, происходящих вокруг героев, или же их повседневных занятиях (посещение библиотеки, домашний быт).

В финале романа Элизабет Кри признается в том, что именно она стояла за всеми убийствами «Голема из Лаймхауса», перечисляя список своих жертв: *«First there was my dear mother. Then came Doris, who saw me. There was Uncle, who soiled me. Oh, I have forgotten Little Victor, who touched me. The Jew was a Christ killer, you see, as my mother used to say. You see, father, my late husband was a dramatic writer. But he was never a success, I'm afraid. That is why he tried to steal my plot. He wanted to change the denouement, and expose my little adventures to the world. So then I managed the funniest bit of business. I made up a diary and laid the guilt upon him. I kept a diary in his name, which will*

one day damn him before the world» [19, с. 172]. По мнению В.В. Струкова, именно это признание Элизабет «разрушает читательские ожидания, основанные на логически выстроенном сюжете романа, заставляет сомневаться в подлинности сказанного, в подлинности документов (дневник Кри, протоколы судебных допросов Элизабет)» [11, с. 139]. Как видим, П. Акройд обманывает читателя, убеждая в том, что убийцей является муж Элизабет Кри. Именно поэтому читатель не сразу понимает, кто является истинным «Голомом из Лаймхауса», и оказывается обманутым, поскольку автор намеренно наводит читателя на ложный след.

Как отмечалось ранее, «Процесс Элизабет Кри» является неовикторианским романом. Акройд деконструирует образ Викторианской эпохи, иронизируя над разными социальными особенностями того времени. Писатель высмеивает напускную религиозность эпохи и сакральность отношений между матерью и ребенком на примере взаимоотношений главной героини со своей матерью. Мать была очень набожной, пытаясь постоянно замолить свои грехи, однако это контрастировало с её поведением. Она родила Элизабет вне брака, впоследствии постоянно издевалась над ней морально и физически: «*There is a place between my legs which my mother loathed and cursed—when I was very little she would pinch it fiercely, or prick it with her needle, in order to teach me that it was the home of pain and punishment. But later, at the sight of my first menstrual issue, she truly became a demon. She tried to stuff some old rags within me, and I pushed her away*» [19, с. 14].

Заключение. Помимо таких черт постмодернистской эстетики, как интертекстуальность, фрагментарность, авторская маска, игра, ирония, в романе П. Акройда «Процесс Элизабет Кри» явно прослеживается двойной код прочтения.

Неискушенный читатель будет увлечен детективной линией произведения, которая держит в напряжении на протяжении всего повествования, подбрасывая различные зацепки: дневник убийцы, судебные протоколы и т.д. Читатель ведет собственное расследование, оказываясь в конце обескураженным.

Отсылки к реальным историческим фактам, личностям и текстам эпохи Викторианства заинтересуют подготовленного читателя. Элементы таких жанров, как исторический и философский роман также останутся не без внимания интеллектуально развитой публики. Поскольку ирония писателя над устоями викторианского общества не так очевидна для читателя, незнакомого с историческим фоном Англии конца XIX в., – она вызовет интерес лишь в узком читательском кругу.

Таким образом, роман П. Акройда является постмодернистским, поскольку там присутствуют такие черты постмодернизма, как интертекстуальность, фрагментарность, авторская маска, игра, ирония и связанный с ними двойной код прочтения. Массовый читатель предпочтет данное произведение ввиду его детективной жанровой направленности, представитель же читателя подготовленного будет увлечен, во-первых, такими жанрами, как исторический и философский роман, во-вторых, расшифровкой интертекстуальных отсылок к эпохе Викторианства, в-третьих, ироническим изображением семейных и духовных банальностей представленной эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хассан И. К концепции постмодернизма [Электронный ресурс]. – URL: http://culturolog.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2765&Itemid=35. (Дата обращения: 06.12.2023).
2. Кристева Ю. Разрушение поэтики // Избранные труды: Разрушение поэтики. – М.: Рос. полит. энцикл., 2004. – С. 5–21.
3. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1994. – С. 384–391.
4. Гурко Е.К. Тексты деконструкции // Нечто, относящееся (относимое) к грамматологии. – Томск: Водолей, 1999. – С. 5–35.
5. Грицанов А.А. Философ, создавший «матрицу». «Симулякры и симуляция» // Жан Бодрийяр (Мыслители XX столетия). – Минск : Книжный Дом, 2008. – С. 154–192.
6. Хализов В.Е. Теория литературы. – учеб. 2-е изд. – Минск: Вышш. шк., 2000. – 398 с.
7. Лушникова Г.И. Фрагментарность современного художественного нарратива (на материале англоязычной прозы) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/2803>. (дата обращения: 06.01.2024).
8. Ильин И.П. Постмодернизм: Словарь терминов [Электронный ресурс]. – URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/postmodernism-literature/index.htm>. (Дата обращения: 15.12.2023).
9. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов [Электронный ресурс]. – URL: https://www.lesjeunesrussisants.fr/dictionnaires/documents/DICTIONNAIRE_RUSSE_DES_MOTS_DORIGINE_ETRANGER_E-KOMLEV. (Дата обращения: 18.01.2024).
10. Коновалова О.А. Ироническая стратегия постмодерна в отношении дискурса [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ironicheskaya-strategiya-postmoderna-v-otnoshenii-diskursa/viewer>. (Дата обращения: 17.01.2024).
11. Струков В.В. Художественное своеобразие романов Питера Акройда (к проблеме британского постмодернизма). – Воронеж: Полиграф, 2000. – 182 с.
12. Ахманов О.Ю. Жанровая стратегия детектива в творчестве Питера Акройда: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Казань, 2011. – С. 1–5.
13. Hänninen U. Rewriting Literary History: Peter Ackroyd and Intertextuality [Electronic resource]. – URL: <https://helda.helsinki.fi/server/api/core/bitstreams/66a6fbb5-e856-4220-bfdb-dee3b8d418a2/content>. (Date of access: 31.07.2024).
14. Onega S. Metafiction and Myth in the Novels of Peter Ackroyd. – Columbia: Camden House, 1999. – 214 p.
15. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996. – 256 с.
16. Fiedler L.A. Cross the Border – Close That Gap: Post-Modernism // American Literature Since 1990 / Ed. by M. Cunliffe. – London: Penguin Books Ltd, 1993. – Vol. 9: Penguin History of Literature. – P. 329–351.
17. Чупринин С.И. Двойная кодировка, двойная адресация в литературе [Электронный ресурс]. – URL: <https://lit.wikireading.ru/11520>. (Дата обращения: 06.01.2024).

18. Резвова О.О. Роман Д. Лоджа «Хорошая работа» как неовикторианский роман // Теоретические и практические предпосылки подготовки полилингвальных специалистов в вузе: материалы III Междунар. науч.-практ. онлайн-семинара (вебинара), 31 марта 2017 г. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2017. – С. 79–81.
19. Ackroyd P. The Limehouse Golem. – NY: Doubleday, 1995. – 179 p.

Поступила 08.04.2024

DOUBLE CODE OF READING IN P. ACKROYD'S NOVEL «THE TRIAL OF ELIZABETH CREE»

K. MAZHEIKA
(Belarusian State University, Minsk)

General issues of postmodernism, including the issue of double code of reading in the literature of this direction, can be referred to the current scientific problems. The article deals with a number of features typical for the works of postmodernism and defines double code of reading. The analysis of P. Ackroyd's novel «The Trial of Elizabeth Cree» is given, as a result intertextuality, fragmentation, author's mask, game, irony, including a double code of reading, which is given special attention, were revealed.

Keywords: *postmodernism, double code of reading, intertextuality, fragmentation, author's mask, game, irony.*

УДК 821.112.2

DOI 10.52928/2070-1608-2024-72-4-39-42

КНИГА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЗНАНИЯ В «КАТАЛОГЕ УТРАЧЕННЫХ ВЕЩЕЙ» Ю. ШАЛАНСКИ

Л.И. СЕМЧЁНОК

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

В статье приводится краткая характеристика творчества современной немецкой писательницы Юдит Шалански, анализируется композиционная специфика и проблематика её повествовательного сборника «Каталог утраченных вещей». Отмечаются дизайнерские находки автора в оформлении книги, способствующие всестороннему раскрытию заявленной темы – утраты, как неотъемлемой части жизни. Делается вывод о том, что представленные в сборнике рассказы при всем своем жанровом разнообразии объединены как общей темой, так и тонкими нитями ассоциативных связей посредством сквозных образов и мотивов.

Ключевые слова: современная немецкая литература, Ю. Шалански, дизайн, композиция, мотив утраты, сквозной образ, сквозной мотив.

Введение. В последнее десятилетие имя Юдит Шалански (*Judith Schalansky*, род. 1980) часто появляется в числе номинантов и лауреатов престижных литературных премий. В 2013 г. в Саксонии ей была присуждена поощрительная премия Лессинга, в 2014 г. она стала писательницей года города Майнца (Рейнланд-Пфальц) и удостоилась премии литературных домов Австрии, Германии и Швейцарии на Лейпцигской книжной ярмарке. В 2015 г. в Меерсбурге (Баден-Вюртемберг) ей была вручена премия имени А. фон Дросте-Хульсхофф. В 2018 г. Ю. Шалански становится лауреатом престижной литературной премии имени В. Раабе (Нижняя Саксония), в 2019 г. – премии Сары Самуэль (Австрия), в 2020 – премии Кристины Лавани (Австрия) и премии имени Николаса Борна (Нижняя Саксония), в 2022 г. – премии имени Карла Амери (Бавария). В 2023 г. за эссе «Качающаяся канарейка» Ю. Шалански была удостоена литературной премии Wortmeldungen¹ фонда Ульрике Креспо (Гессен). На сегодняшний день книги Ю. Шалански переведены более чем на два десятка языков. А в 2021 г. сборник Ю. Шалански «Каталог утраченных вещей» вошел в лонг-лист Международной букеровской премии.

Интерес к работам писательницы во многом обусловлен её особым отношением к искусству печатного слова. Творчество Ю. Шалански разнообразно и выходит за рамки художественной литературы. Её первая книга, например, называлась «Фрактура – любовь моя» (*Fraktur mon Amour*, 2006). Основная часть книги напоминала, скорее, справочник, в котором были собраны 333 варианта различного исполнения готического шрифта. Вышедший вслед за ней роман «Голубой тебе не к лицу» (*Blau steht dir nicht*, 2008) предоставлял читателю возможность заглянуть за кулисы творческой лаборатории писательницы и «делал процесс создания книги прозрачным»² [1, S. 171]. Дело в том, что первые главы романа были написаны Ю. Шалански в рамках её дипломной работы, которую она защищала в Потсдаме в 2007 г. Эти главы писательница разместила в интернете вместе с различного рода пометками, исправлениями и дополнениями, которые она вносила, работая над текстом романа. Читатель, таким образом, получал возможность проследить путь рождения художественного текста: от черновых набросков до вышедшего в печать текста.

В 2009 г. появляется ещё одна работа Ю. Шалански, нарушающая традиционные представления о художественном тексте и размывающая границы между научным фактом и художественным вымыслом. «Атлас затерянных островов» (*Atlas der abgelegenen Inseln*, 2009) – постмодернистская «игра с образом острова, закрепившимся в массовом сознании, литературной традиции и изобразительном искусстве». Эта игра балансирует на грани между научно-популярной и художественной литературой [2, S. 181]. Каждый разворот «Атласа» посвящён одному из 50 малоизвестных островов, удалённых от центров цивилизационного развития и морских торговых путей. Многие из островов необитаемы. На странице слева помещено очертание реально существующего острова с изображением его рельефа. На странице справа представлена краткая информация о его местоположении, временная шкала с указанием нескольких наиболее значимых событий в истории острова и связанная с ним художественная миниатюра. Именно эти небольшие рассказы об островах, стремящиеся к воссозданию естественно текущего хода мысли, отталкивающиеся от исторической действительности и беллетризирующие её, превращающая научные факты в источник вдохновения и полета фантазии, составляют основу книги. Прозаические миниатюры «Атласа», близкие к жанру арабески, порождают ощущение «мимолётности, изменчивости» [3, с. 96], с одной стороны, и чувство сопричастности истинному знанию о мире, – с другой.

В своём следующем романе под названием «Шея жирафа. Роман воспитания» (*Der Hals der Giraffe. Bildungsroman*, 2011) Ю. Шалански не просто излагает читателю основные положения эволюционной теории, но и превращает её в своего рода «метафору функционирования современного общества» [4, S. 297]. Устами героини романа – учительницы биологии Инге Ломарк – автор разъясняет основные темы и понятия из учебника биологии за 9 класс. Роман превращается у Ю. Шалански в подобие учебника, развенчивающего ламарковскую

¹ «Wortmeldungen»: в дословном переводе с немецкого – «выразить желание высказаться по определённому вопросу».

² Здесь и далее при ссылке на немецкие источники перевод мой – Л.С.

философию г-жи Ломарк. Вместе с учениками главной героини читатель «открывает книгу на странице семь» [5, S. 7] и начинает изучать «экосистемы, природные комплексы, взаимосвязи пространства и сообщества» [6, с. 7], пытаясь уяснить для себя основной закон жизни.

В 2019 г. в одном из интервью немецкому еженедельнику Tagesspiegel Ю. Шалански заметила: «Я воспринимаю свои книги, как исследовательские проекты, только без сносок» [7]. Именно такую книгу-исследование она представила на суд читателей, когда опубликовала повествовательный сборник под названием «Каталог утраченных вещей» (*Verzeichnis einiger Verluste*, 2018).

Основная часть. Работа над книгой длилась пять лет. На немецком языке «Каталог утраченных вещей» вышел в 2018 г. в авторитетном издательстве Suhrkamp, а в 2023 г. книга была переведена на русский язык. «Каталог утраченных вещей» – не первая работа Ю. Шалански, представленная в русскоязычном культурном пространстве. В 2013 г. в издательстве «Текст» вышел перевод её «воспитательного» романа «Шея жирафа», получивший в Германии премию Фонда книжного искусства³ в номинации «Самая красивая немецкая книга 2012 года». Безупречное, продуманное до мельчайших деталей оформление – отличительная особенность произведений Ю. Шалански, выступающей не только в роли автора, но являющейся и художественным редактором собственных книг. Будучи по профессии искусствоведом и коммуникативным дизайнером, она сама занимается визуальным оформлением книг, настаивая на «неотделимости содержания от формы, в которую оно облачено» [8, с. 29]. В одном из интервью на вопрос корреспондента о том, считает ли она себя профессиональной писательницей, Ю. Шалански ответила «Я создаю книги» [9]. В эпоху цифровых технологий и всевозможных гаджетов Ю. Шалански делает ставку на искусство печатного слова, объединяющего дух и материю, обогащающего и выводящего на новые уровни диалог читателя и писателя.

Своего рода произведением книжного искусства является и «Каталог утраченных вещей», каждая глава которого состоит ровно из 16 страниц. Одна глава отделена от другой черной страницей-разделителем, на которой черной краской напечатано изображение объекта, о котором пойдет речь в следующей главе. Распознать напечатанный на черном фоне рисунок не так-то просто: чтобы рассмотреть картинку, нужно повернуть книгу под определенным углом. Таким образом, читатель уже в процессе физического взаимодействия с книгой превращается в своего рода археолога, делающего свои маленькие открытия ещё до того, как прочтёт текст.

С точки зрения композиции «Каталог утраченных вещей» представляет собой повествовательный сборник, состоящий из 12 историй. Каждая история знакомит с тем или иным творением, навсегда исчезнувшим с лица земли. Сама писательница именуется свои истории рассказами, о чём свидетельствует прилагаемый к сборнику «Список иллюстраций и источников» [8, с. 294]. Вероятно, под рассказом Ю. Шалански понимает «малую прозаическую форму вообще»⁴ [10, с. 317], так как представленные в сборнике тексты весьма разнообразны по жанровой природе. Здесь есть рассказы описательные (Грайфсвальдская гавань), новеллистические (Дворец Республики, Единорог Герике), фантастические (Селенография Кинау). Часть историй приближена к жанрам очерка (Любовные песни Сапфо), эссе (Туанаки), фрагмента (Мальчик в голубом). Одни истории написаны в технике монтажа (Энциклопедия в лесу), другие – в технике потока сознания (Мальчик в голубом), а третьи напоминают изложенные в прозе баллады немецких романтиков (Каспийский тигр). На страницах рассказов «Каталога утраченных вещей» вымышленные сюжеты (Каспийский тигр, Мальчик в голубом) соседствуют с выдержками из оригинальных произведений (любовные песни Сапфо, священные книги Мани), а результаты естественнонаучных и исторических изысканий (Вилла Сакетти) сменяются автобиографическими деталями (Дворец фон Беро) и философскими рассуждениями (Туанаки).

В 2018 г. жюри литературной премии имени В. Раабе, обосновывая своё решение в пользу «Каталога утраченных вещей» отметило, что эта книга «не только не имеет жанрового обозначения, но представляет собой совершенно новый жанр – поэтическое архивирование исчезнувших вещей, вновь воскресших к жизни через художественное повествование <...> Юдит Шалански удалось сделать нечто необычное. Она нашла подходящий язык, чтобы вступить в диалог с мертвым и потерянным» [12]. Джеки Смит, переводчица «Каталога утраченных вещей» на английский язык, в одном из интервью, объясняя своё решение взяться за эту «неподдающуюся классификации книгу», заметила, что в процессе работы у неё «возникло ощущение, что она переводит двенадцать отдельных произведений», настолько непохожими одна на другую представлялись ей истории, которые Ю. Шалански включила в свой сборник [12].

Целью данного исследования стал ответ на вопрос, действительно ли в «Каталоге утраченных вещей» Ю. Шалански речь идёт о 12 абсолютно самостоятельных произведениях, объединённых лишь общей темой, или в основе книги лежит некий принцип, объединяющий все истории в единое целое.

Для начала обратимся к названию сборника. Заявленный в заглавии принцип каталогизации⁵ предполагает наличие некоторой системы, изложение информации в определенном порядке (хронологическом, алфавитном и т.д.).

³ Stiftung Buchkunst

⁴ Отождествление рассказа с малой прозой встречаем в работах А. Н. Андреева, А. Б. Есина, В. П. Скобелева, Б. В. Томашевского, В. Б. Шкловского.

⁵ В большом словаре немецкого языка Дудена для лексемы «Ver|zeich|nis» даётся следующее пояснение: «nach einem bestimmten System geordnete schriftliche Aufstellung mehrerer unter einem bestimmten Gesichtspunkt zusammengehörender Dinge o. Ä.; listenmäßige Zusammenstellung von etw.» / «письменный перечень однородных вещей, составленный и упорядоченный согласно определенной системе; список чего-л.» (<https://www.duden.de/rechtschreibung/Verzeichnis>).

Тем большее недоумение вызывает у читателя предваряющее сборник «Содержание», знакомящее его с вещами, которые Ю. Шалански включает в свой «Каталог». На первый взгляд кажется, что представленный здесь список утраченного лишен всякой системы. Последовательность изложения рассказов об исчезнувших творения человека и природы нарушает алфавитный порядок. Не укладывается она и в привычную для западной культуры историческую хронологию, представляющуюся автору лишь самым *«тривиальным принципом организации порядка, который лишь имитирует его»* [8, с. 23]. В «Предисловии» к «Каталогу» Ю. Шалански заявляет, что таксономия – есть ни что иное, как *«учение постфактум, попытка упорядочить биологическое многообразие и якобы придать объективную структуру почти беспредельному хаосу»* [8, с. 23]. Мир для Шалански *«сродни необозримому архиву»* [8, с. 23], в котором невидимые нити связывают настоящее и прошлое, заставляют *«в любом моменте будущего распознавать черты прошлого»* [8, с. 23]. Устранение временных и пространственных границ объединяет 12 историй в единое целое и знакомит читателя с отчаянными попытками человека преодолеть свою ничтожность, воспротивиться бренности и быстротечности жизни. Но как бы ни старался человек противостоять конечности своей материальной оболочки, он всегда проигрывает, ведь *«быть живым означает пить горькую чашу потерь»* [8, с. 15].

Отказываясь от типичных для каталога моделей систематизации материала, Ю. Шалански связывает представленные в сборнике истории тонкими нитями ассоциативных связей через возникающие на страницах рассказов сквозные образы и мотивы. Первый рассказ сборника под названием «Туанаки» знакомит читателя с историей двух атоллов, расположенных в районе южных островов Кука, один из которых затонул в середине XIX в. в результате подводного землетрясения. Его жителями была неведомая ранее порода людей, отличавшаяся от соседей, вечно воюющих за власть, необыкновенно дружелюбным и миролюбивым нравом. Насилие, нужда и смерть находились здесь в забвении, так как обитателям острова были чужды любые формы борьбы. Жители Туанаки не употребляли слова «война», не предавались воспоминаниям и жили только настоящим. Но это не убергло их от яростной бури подводного землетрясения, однажды увлекшего на дно крошечный остров вместе с его обитателями. В это же время рядом с затонувшим Туанаки прощались со своими богами воинственные жители другого атолла, острова Мангаиа, что *«испокон веку мёрлились силами в погоне за властью»* [8, с. 47]. Их миновала участь быть погребенными водами Тихого океана, но они тоже умирали, умирали под ударами топоров прибывших на остров миссионеров.

Тема власти и насилия как одна из форм противоборства страху смерти, персонифицированная в образе жителей Мангаиа, получает продолжение в следующей истории под названием «Каспийский тигр». *«Апофеозом дикости»* именуется рассказчик спектакль, устроенный в Риме императором в честь безвременно почившего наследника. На арене римского амфитеатра сходятся два хищника, доставленные с окраин империи для развлечения публики. Схватка льва и тигрицы разворачивается под пристальным взглядом *«грубой массы с чуткими нервами, привыкшей к непомерностям»* [8, с. 66]. Потакая инстинктам, публика с жадностью следит, как на полукруге арены *«сходятся те, кому на воле не сойтись никогда»*, кого *«натравили друг на друга, принудили к вражде, лишили среды обитания, запугали, довели до бешенства»* [8, с. 64]. Они сидят в ожидании жуткого спектакля, который не только обнажит их собственные страхи, но также *«поможет их побороть»* [8, с. 66]. Имени и славы они удостоят лишь того, кто – *«смерти назло»* – останется на арене последним [8, с. 64]. Но, вопреки ожиданиям толпы, борьба хищников неожиданно прекращается, животные начинают совокупляться. Неестественное соитие хищников на глазах у ошеломленной публики – отчаянная попытка сохранения собственного рода, ведь *«только тот, кто думает о продолжении рода, не погибнет»*, – констатирует рассказчик, но тут же разрушает возникшую иллюзию возможности вечного превращения. Мгновения спустя тигрица снова атакует, звери сцепляются в смертельной схватке и лев остается лежать, недвижим. А затем на арену выступает воин. Смертельный приговор ещё не родившемуся льву-тигру, химере, лигру, выносит такой же бастард, оказавшийся у власти волей случая. Император Клавдий, последний из рода Юлиев-Клавдиев, получивший от матери *«омерзительное прозвище “урод”»* [8, с. 71], молча падает в кресло, и вот уже воин вонзает копьё в грудь тигрицы. Потомкам льва и тигрицы не родиться, в мир не вернется существо, унаследовавшее отвагу отца и раздрозительность матери. Смерть снова оказалась сильнее, победив заложенную природой потребность всего живого к продолжению собственного рода как одной из форм противостояния тлену. Образ императора Клавдия, возникающий на последних страницах рассказа о каспийском тигре и сливающийся в единый ассоциативный ряд с образом лигра, перекидывает невидимый мостик к следующему экземпляру в «Каталоге утраченных вещей». Ю. Шалански – единорогу Герике, давшему название третьему рассказу сборника.

Единорог Герике – искусственно созданный в XVII в. скелет животного, составленный из останков нескольких млекопитающих, обитавших в ледниковый период, и *«вызывавший немало вопросов»* относительно своего происхождения [8, с. 75]. Кости скелета с течением времени из замка в Кведлинбурге исчезли, но осталась память о первой попытке человека смоделировать скелет животного из единичных фрагментов. Образ псевдо-единорога, созданный силой человеческой фантазии, превращается у Ю. Шалански в отражение вековой потребности человека в создании монстров и чудовищ, призванных *«заполнить, заслонить собой слепое пятно страха»* [8, с. 90]. В предисловии к рассказу (такие энциклопедические предуведомления сопровождают каждую из 12 историй) Ю. Шалански не только констатирует факт утраты человечеством первой модели единорога, но и сообщает о существовании в современном музее города Магдебурга её трёхметровой копии, ведь остатки мифологического сознания, то и дело обнаруживающие себя в каждом из нас, *«сильнее статистики и опытных данных»* [8, с. 85].

Двигаясь от истории к истории, Ю. Шалански словно нанизывает на бисерную нить всё разнообразие бесконечных и тщетных попыток человека противостоять смерти. Зловещие видения героини рассказа «Единогор Герики», возникшие вследствие галлюциногенного действия на организм волчьей летарии, найденной рассказчицей во время прогулки в Альпах, превращаются в рассказе «Вилла Саккетти» в пророческие откровения о собственной кончине Юбера Робера, дающие ему силы пережить и смерть своих четырёх детей, и кровавый террор Французской революции. Учитель Робера – гравёр Пиранези – противопоставляет тлену своё искусство навсегда запечатлеть на меди то, «что не хочет, не может забыть» [8, с. 102]. Столетия спустя Грета Гарбо, героиня рассказа «Мальчик в голубом», с такой же беззаветной преданностью делу и таким же самопожертвованием, как и Пиранези, служит другому виду искусства – кино, лишившему её семьи и детей, но подарившему славу и признание. Противоречивый образ актрисы связывает рассказ «Мальчик в голубом» с историей о лирике Сапфо, ведь «ни об одной женщине античности не велось столько разговоров» [8, с. 145], как об этой полумифической уроженке Лесбоса, вещавшей о небесной силе, способной преодолеть страх смерти.

Заключение. «Ничто нельзя вернуть, вода пером по бумаге, но всё можно познать», – уверяет Ю. Шалански в предисловии к своему сборнику и разворачивает перед читателем внушительный каталог отчаянных, но тщетных попыток человека избежать тлена, чтобы научить его воспринимать утрату как неотъемлемую часть жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Braun M. Judith Schalansky // Schriftstellerinnen II: Nora Gomringer, Judith Herrmann, Brigitte Kronauer, Dea Loher, Terezia Mora, Herta Müller, Emine Sevgi Özdamar, Judith Schalansky, Marlene Streeruwitz / Hrsg. C. Hilmes. – München: edition text + kritik im Richard Boorberg Verlag GmbH & Co KG, 2019. – S. 168–178. (KLG Extrakt).
2. Breuer I. «Kammerspiele im Niergendwo». Geschichte(n) in Judith Schalanskys Atlas der abgelegenen Inseln // Zagreber Germanistische Beiträge / Universität Zagreb. Abteilung für Germanistik der Philosophischen Fakultät – Zagreb, 2012. – № 21. Inszenierungen der Historie in der deutschsprachigen Literatur. – S. 181–199.
3. Ossipova N. Арабески: роль жанрово-стилевой традиции // Modernités Russes. – 2010. – № 11. – P. 93–111.
4. Wahrung B. Judith Schalanskys «Hals der Giraffe»: Wissenschaftsreflexion im Medium der Literatur // Hippokratische Grenzgänge – Ausflüge in kultur- und medizingeschichtliche Wissensfelder. Festschrift für Hans-Uwe Lammertz zum 65. Geburtstag / Hrsg.: M. Busch, St. Kroll u. M. A. Maksymiak. – Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2017. – S. 297–312.
5. Schalansky J. Der Hals der Giraffe Bildungsroman. – Berlin: Suhrkamp, 2011. – 222 S.
6. Шалански Ю. Шея жирафа. Роман воспитания. – М.: Текст, 2013. – 222 с.
7. Proisinger J., Kippenberg S. Schriftstellerin Judith Schalansky: «Mein Herz schlägt für die Zukurzgekommenen» [Электронный ресурс] // Tagesspiegel. – 2019. – 24. März. – URL: <https://www.tagesspiegel.de/gesellschaft/mein-herz-schlagt-fur-die-zukurzgekommenen-4049248.html>. (Дата обращения: 05.07.2024).
8. Шалански Ю. Каталог утраченных вещей / пер. с нем. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. – 296 с.
9. Schuster J. Gewalt der Unbehausten [Электронный ресурс] // Welt. – 2012. – 1. Januar. – URL: https://www.welt.de/print/die_welt/vermischtes/article13802827/Gewalt-der-Unbehausten.html. (Дата обращения: 05.07.2024).
10. Поспелов Г.Н. Рассказ // Литературный энциклопедический словарь (ЛЭС) / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева; редкол.: Л.Г. Андреев [и др.]. – М.: Сов. энцикл., 1987. – С. 317–318.
11. Judith Schalansky, Preisträgerin 2018 [Электронный ресурс] // Raabe-Haus: Literaturzentrum. – URL: <https://www.braunschweig.de/literaturzentrum/literaturpreis/literaturpreis/judith-schalansky.php>. (Дата обращения: 05.07.2024).
12. Der Kaspische Tiger, die Verse der Sappho [Электронный ресурс] // Goethe aktuell. – 2021. – 21. Juni. – URL: <https://www.goethe.de/de/uun/pub/akt/22266685.html>. (Дата обращения: 05.07.2024).

Поступила 07.05.2024

THE BOOK AS A COGNITIVE TOOL IN "AN INVENTORY OF LOSSES" BY J. SHALANSKY

L. SIAMCHONAK
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article gives a brief characteristic of the work of modern German author Judith Schalansky, analyses the composition and problematics of her narrative book "An Inventory of Losses". The author's graphic design finds in the decoration of the book, helping to comprehensively expose the declared theme of loss as an integral part of life, are noted. It is concluded that the stories presented in the book with all their genre diversity are united both by a common theme and associative threads by means of cross-cutting images and motives.

Keywords: modern German literature, J. Schalansky, design, composition, motive of loss, cross-cutting image, cross-cutting motive.

УДК 821.161.3

DOI 10.52928/2070-1608-2024-72-4-43-47

**КУЛЬТУРНЫЯ КОДЫ Ё ПАКАЗЕ НАЦЫЯНАЛЬнай ІДЭНТЫЧНАСЦІ
Ё ЭПАСЕ БЕЛАРУСІ МЯЖЫ ХХ–ХХІ СТАГОДДЗЯЎ.***канд. філал. навук, дац. Л.Г. ДУКТАВА**(Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі,
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск)**ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5401-7932>*

Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца выяўленне асаблівасцей нацыянальнай светапогляднай пазіцыі, занатаванай у эпічных творах беларускай літаратуры мяжы ХХ–ХХІ стагоддзяў, у дачыненні да пытання нацыянальнай ідэнтычнасці, пры паказе якой мастакі слова звяртаюцца да культурных кодаў. Аналізуючы погляды даследчыкаў на пытанне нацыянальнай ідэнтычнасці, разглядаючы, як дапасуюцца пэўныя меркаванні да паказу светапогляднай пазіцыі ў творах мастацкай літаратуры, мэтазгодна адзначыць, што выкрышталізоўваюцца тры аспекты: вызначэнне асаблівасцей рыс нацыянальнага характару (адказ на пытанні «хто мы?», «якія мы?»); прасторава-часавы кантынент мастацкай карціны свету (адказ на пытанні «дзе мы?», «адкуль мы?», «куды мы ідзем?»); выяўленне сэнсавай аб'ёмнасці дыяда «мы – яны», «свой – чужыя» (адказ на пытанне «з кім мы?»). Вызначаны асаблівасці рэпрэзентацыі культурных кодаў у эпічных творах сучаснай беларускай літаратуры пры паказе нацыянальнай ідэнтычнасці.

Ключавыя словы: *культурны код, нацыянальная ідэнтычнасць, беларуская літаратура, эпас, сучасная проза, нацыянальная карціна свету, вобраз, раман, апавяданне, аповесць.*

Уводзіны. Мяжа ХХ–ХХІ стагоддзяў – гэта адметны перыяд у развіцці беларускай літаратуры. Эксперыменты з жанравымі формамі, якія датычацца ўсіх родаў літаратуры – лірыкі, эпасу, драмы, – з'яўляюцца характэрнымі для сучаснага сусветнага літаратурнага працэсу ў цэлым. Жанравая палітра эпічных твораў беларускай літаратуры перыяду існавання незалежнай дзяржавы даволі разнастайная. У літаратуры Беларусі найноўшага перыяду назіраецца сінтэз жанравых форм: раман-эсэ («Мяжа» А. Федарэнкі), раман-штрыхамі («Юргон» А. Казлова), раман-жыццё («Пакліканія» В. Коўтун). Аповесці ў беларускай літаратуры 1991 – 2020-х гг. характарызуюцца значным тэматычным і стыльвым развіццём, прадстаўлены ў творчасці А. Асіпенкі, А. Жука, А. Казлова, В. Казько, В. Карамазава, А. Кудраўца, І. Навуменкі, Ю. Станкевіча, А. Федарэнкі і інш. Вялікі корпус мастацкіх твораў сучаснай беларускай літаратуры складаюць малыя эпічныя творы, якія прысутнічаюць у творчай біяграфіі В. Адамчыка, А. Кудраўца, Я. Сіпакова, Б. Сачанкі, М. Стральцова і іншых пісьменнікаў; у гэты перыяд сталі даволі распаўсюджанымі малыя жанравыя формы, якія і раней існавалі ў беларускай літаратуры: прытчы («Заміра», «Клетка», «Пажар», «Перавернуты», «Свой усяму», «Хатнічак», Я. Сіпакова), навелы («Півоня», «Адна капейка», «Дзве гадзіны», «Ліпеньскай ноччу», «Чырвоны мячык», «Чорны кандуіт», «Штурман» Уладзіміра Сцяпана), абразкі («Пошукі ісціны», «Бацькі і дзеці» Л. Арабей) і інш.

Што тычыцца тэматычнага пласту, у эпічных творах беларускай літаратуры мяжы ХХ–ХХІ стагоддзяў адлюстравана тэма ваеннага мінулага («Вяртанне да віны», «Не ўсе мы згінем» І. Чыгрынава, «Вайна» У. Гніламедава), чарнобыльскай аварыі і яе наступстваў («Палыновы вецер» Л. Левановіча), гістарычнага мінулага («Залатая жрыца Ашвінаў», «Вяшчун Гедзіміна», «Альгердава дзіда» В. Іпатавай, «Зубрэвіцкая сага» Я. Сіпакова і інш.), закранаюцца пытанні сацыяльных трансфармацый і маральна-этычных праблем грамадства («Юргон» А. Казлова), пераасэнсавання палітычных падзей даваеннага перыяду савецкай дзяржавы («Заходнікі» Г. Далідовіча, «Воўчая выспа» К. Цвіркі).

Напрыканцы мінулага стагоддзя адбываліся трансфармацыі ў эканамічным, культурным і грамадска-палітычным жыцці краіны, востра загучалі пытанні дэмаграфічнага, працоўнага, спажывецкага, рэкрэатыўнага пераўтварэння грамадства, вызначэння ва ўмовах існавання новай дзяржавы пытання нацыянальнай ідэнтычнасці як стрыжня кансалідацыі насельніцтва дзяржавы. На актуальнасць даследавання нацыянальнай ідэнтычнасці ў дачыненні да мастацкай літаратуры звяртаюць увагу айчынным і замежным даследчыкі. Мае рацыю А. Букатая: «У апошні час у тэорыі літаратуры актуальнай з'яўляецца праблема нацыянальнай ідэнтычнасці. Найбольш цікава, яскрава і даступна яна адлюстравана ў літаратуры апошняга дзесяцігоддзя ХХ – пачатку ХХІ ст. Сутыкненне светапоглядаў прадстаўнікоў розных культур часта вядзе да сінкрэтызму, які ў залежнасці ад асяроддзя можа здацца непрыкметным або, наадварот, ярка прадстаўленым» [1, с. 70].

Мэта дадзенай работы – выявіць асаблівасці светапогляднай пазіцыі, занатаванай у эпічных творах беларускай літаратуры мяжы ХХ–ХХІ стагоддзяў, у дачыненні да пытання нацыянальнай ідэнтычнасці, пры паказе якой мастакі слова звяртаюцца да нацыянальных культурных кодаў. Задачы: сістэматызаваць навуковыя ўяўленні, звязаныя з паняццем «нацыянальная ідэнтычнасць»; вылучыць асноўныя пытанні ў дачыненні да адлюстравання розных аспектаў нацыянальнай ідэнтычнасці, на якія трэба звярнуць увагу пры аналізе літаратурных твораў; вызначыць асаблівасці рэпрэзентацыі культурных кодаў у эпічных творах сучаснай беларускай літаратуры пры паказе нацыянальнай ідэнтычнасці.

Асноўная частка. На сучасным этапе з улікам працэсаў глабалізацыі і існавання мультыэтнічных дзяржаў шэраг даследчыкаў звяртае ўвагу на тое, што паняцце нацыянальнай ідэнтычнасці ўключае ў сябе як этніка-культурны, так і грамадзянска-прававы аспекты. У першым выпадку, калі акцэнт робіцца выключна на этнічны бок, гутарка ідзе пра нацыю, існаванне якой можа быць не абмежавана пэўнай тэрыторыяй, яднаючымі кампанентамі з'яўляюцца традыцыі, культура, мова і іншыя параметры. Пад нацыянальнай ідэнтычнасцю аўтарскі калектыў выдання «Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці: XX стагоддзе» разглядае канкрэтную эмацыянальна-псіхалагічную, палітыка-ідэалагічную і культурную пазіцыю «як асобных індывідаў, так і этнічнай групы ў цэлым ва ўспрыняцці сябе ў навакольным свеце, якая выяўляецца ў прыняцці імі рашэнняў ва ўсіх сферах гістарычнай дзейнасці» [2, с. 5]. У дадзеным вызначэнні зроблены акцэнт на этнічны аспект у дачыненні да разгляду нацыянальнага пытання. Разам з тым калі гутарка ідзе пра ўзровень правядзення дзяржаўнай палітыкі з улікам нацыянальнай спецыфікі насельніцтва дзяржавы, неабходным з'яўляецца разгляд прававога, этнічнага, культурнага, сацыяльнага фактараў. Насельніцтва Рэспублікі Беларусь на сучасным этапе – гэта беларусы, рускія, габрэі, палякі, цыганы і інш. Важным пытаннем з'яўляецца вызначэнне ўзаемадзення паняццяў «нацыянальнае» і «этнічнае».

У другім выпадку вызначэнне нацыянальнай ідэнтычнасці звязана з паняццем дзяржавы як палітычнай формы арганізацыі грамадства на пэўнай тэрыторыі. З улікам таго, што шэраг даследчыкаў па філасофіі, гісторыі, сацыялогіі, этналогіі і фалькларыстыцы адзначаюць, што прывалюючая роля надаецца этніка-культурнаму чыніку пры вызначэнні паняццяў «нацыянальная свядомасць», «нацыянальная дзяржава», разгляд грамадзянска-прававога і палітычнага аспектаў таксама мае месца быць, асабліва, калі гутарка ідзе пра інстытуцыйную тэорыю нацыі. На гэты конт здаецца слушным погляд англійскага гісторыка Дж. Хоскінга: «Нацыянальная свядомасць мае два аспекты. Першы – грамадзянскі: нацыя – гэта грамадзяне, якія ўдзельнічаюць – або ўцягнутыя – у стварэнне законаў, іх прыняцце і кіраванне праз выбарныя цэнтральныя і мясцовыя органы, суды, а таксама палітычныя партыі, добраахвотныя арганізацыі і іншыя інстытуты грамадзянскай супольнасці. Другі аспект – этнічная нацыя – гэта агульнасць людзей, аб'яднаных адной мовай, культурай, традыцыямі, гісторыяй, эканомікай і тэрыторыяй» [3, с. 7]. Расійскі даследчык М. Папова ў манаграфіі «Нацыянальная ідэнтычнасць і яе адлюстраванне ў мастацкай свядомасці» адзначае: «Інстытуцыйная тэорыя нацыі <...> дапускае, што нацыя тоесная нацыянальнай дзяржаве, а нацыянальная ідэнтычнасць штучна кантралюецца “бацькамі нацыі” – стваральнікамі нацыянальнай дзяржавы. Пры такім разуменні нацыі і нацыянальнай ідэнтычнасці дамінуючае месца ў структуры паняцця “нацыянальная ідэнтычнасць” займае грамадзянска-прававы аспект, што характэрна, напрыклад, для нацыянальнай ідэнтычнасці ЗША» [4, с. 17–18].

Існуюць розныя падыходы да вызначэння паняцця «нацыянальная ідэнтычнасць», мэтазгодна звярнуць увагу на падыход, які грунтуецца на інстытуцыйнай тэорыі нацыі, і разглядаць пад нацыянальнай ідэнтычнасцю «стан групавой салідарнасці, які фарміруецца на аснове этнічнага і палітычнага адзінства і ўключае калектыўныя (свядомасць і перажыванне нацыяй сваёй цэласнасці і тоеснасці) і індыўдуальныя (усведамленне і перажыванне індывідамі сваёй прыналежнасці да нацыі) узроўні» [5, с. 33]. Пры вызначэнні нацыянальных асаблівасцей неабходна звярнуць увагу на рэфлексію ў мастацкіх творах народнай культуры, псіхалагічных і антрапалагічных асаблівасцей, звычаяў і мадэлей паводзін падчас паўсядзённага жыцця, геаграфічных і гаспадарчых рыс. Палітычны складнік звязаны з пытаннямі дзяржаўнага ладу, гістарычнага шляху. М. Коньшава слушна кажа: «У дзяржаве <...> заўсёды і нязменна захоўваецца нейкі стрыжань, вакол якога будзецца і прайграваецца грамадскае жыццё і які вызначае нацыянальны характар, сацыяльныя нормы і каштоўнасці. Культуралагі называюць гэты нязменны паўтаральны стрыжань нацыянальным культурным кодам, які змяшчае ўнікальныя цывілізацыйныя і культурныя асаблівасці народа» [6, с. 174].

Важным спосабам кансалідацыі любой групы з'яўляецца адчуванне адзінай пазіцыі, фармулюемай з дапамогай займенніка «мы». Разгляд дзяды «мы – яны» з'яўляецца падмуркам для вызначэння рыс нацыянальнай ідэнтычнасці. Роля бінарнай апазіцыі «мы – яны» пры фарміраванні сацыяльнай групы даволі падрабязна разгледжана ў работах Б. Паршнёва [7]. Ідэнтыфікацыя як пэўнага індывіда, так і групы прадугледжвае атрыманне адказу на наступныя пытанні: «які я (мы)?», «дзе я (мы)?», «з кім я (мы)?». А. Рабаў адзначае: «Структура нацыянальнай ідэнтычнасці вызначаецца такімі падсістэмамі, як карціна прасторава-часовага кантыненту, вобраз “Мы”, уяўленне аб адносінах з Іншымі – накіраванае таго, як структура індыўдуальнай ідэнтычнасці, дзякуючы якой дасягаецца цэласнасць уласнага “Я”, вызначаецца пытаннямі “дзе Я?” (лакалізацыя ў прасторы і ў часе), “які Я?” (сума фізічных, псіхічных і маральных якасцей), “з кім Я?” (змяшчэнне сябе ў пэўным сацыяльным кантэксце, ідэнтыфікацыя сябе з нейкай групай, з “Мы”, і, разам з тым, падкрэсленне ўласнай індыўдуальнасці)» [5, с. 55–56]. Мае рацыю беларускі гісторык І. Марзалюк: «Пад беларускай нацыяй, у сваю чаргу, разумецца супольнасць людзей, якія сваю краіну называюць Беларуссю, а сябе – беларусамі. Любая нацыянальная ідэя – гэта адказ на тры фундаментальныя для любога народа пытанні: адкуль мы? хто мы? куды мы ідзем?» [8, с. 310].

Разглядаючы, як дапасуюцца пэўныя меркаванні да паказу светапогляднай пазіцыі ў творах мастацкай літаратуры, мэтазгодна адзначыць, што выкрышталізоўваюцца тры аспекты. Па-першае, вызначэнне асаблівасцей рыс нацыянальнага характару («хто мы?», «якія мы?»). Па-другое, гутарка ідзе пра прасторава-часавы кантынент мастацкай карціны свету («дзе мы?», «адкуль мы?», «куды мы ідзем»). Па-трэцяе, мастацкая аб'ёмнасць дзяд «мы – яны», «сваё – іншае» («з кім мы?»).

Л. Гаранін у манаграфіі «Нацыянальная ідэя ў беларускай літаратуры пачатку XX стагоддзя» слушна адзначае тры асноўныя рысы светаадчування беларускага народа. Па-першае, воля да жыцця: «здольнасць беларусаў вытрымліваць самыя суровыя выпрабаванні (разруху, эпідэміі, спусташальныя войны, голад з-за неўраджаяў,

эканамічнай адсталасці і г.д.), быццам бы нараджацца нанова і працягваць асвойваць родны край, наладжваць вытворчасць, развіваць навуку, культуру, інстытуты грамадскага жыцця» [9, с. 168]. Пры разглядзе твораў мастацкай літаратуры, трэба мець на ўвазе, што, у дачыненні да нацыянальнай ідэнтычнасці, адказ на пытанне «якія мы?» прадугледжвае разгляд асаблівасцей нацыянальнага характару, маральна-этычных каштоўнасцей і інш. Мэтазгодна пры гэтым вызначыць асаблівасці выкарыстання пісьменнікамі саматычнага, духоўнага, марбуальнага, аніمالістычнага, метэаралагічнага і іншых нацыянальных кодаў. Напрыклад, у апавяданні «Львы» І. Пташнікава выкарыстанне аніمالістычнага кода дазваляе творцы адначасова паказаць трагічнасць постчарнобыльскай сітуацыі і вылучыць сацыяльныя праблемы. У творы ў адносінах персанажа да адзіноты падчас бяды, да здрады і вернасці выяўляюцца асаблівасці нацыянальнага светапогляду, успрымання трагічнай навалы і здольнасці дараваць і жыць далей. Для паказу трагічнасці лёсу чалавека, супрацьстаяння выкліку часу выкарыстоўваецца аніمالістычны код, калі ў рамане «Воўчая выспа» К. Цвіркі прысутнічаюць паралелі паміж жыццём чалавека-ізгоя і ваўка. Воўчая выспа – гэта прыродны неруш, таямніца, якую захоўваў род Караленяў, лясны куток, які стаў апошнім прытулкам для Ігнася, у асобе якога ярка паказана прага да жыцця і адначасова каштоўнасць чалавечай годнасці – выбітныя рысы нацыянальнага характару.

Шэраг твораў на ваенную тэму мастацка-аўтабіяграфічнага плана, калі творцы звяртаюцца да лёсу бацькоўскай сям’і падчас Вялікай Айчыннай вайны. Духоўны код у шэрагу аповесцей беларускіх пісьменнікаў дачыцца такіх рыс нацыянальнага характару, як міралюбства, неваяўнічасць, цяжкасць, жаданне пазбегнуць канфліктнай сітуацыі любымі сродкамі, і гістарычная свядомасць, якая змяшчае ў сябе той факт, што тэрыторыя сучаснай краіны неаднаразова становілася пляцоўкай ваенных баталій, правакуючы на пакуты насельніцтва ад іх разгортвання, а потым цяжкія часы адраджэння новага жыцця пасля заканчэння ваенных падзей. У апавяданні «Свая філасофія вайны» У. Мароза вайна для чалавека-ваера – час выбару паміж тым, што можна і што нельга, сур’ёзны іспыт для яго душы. У творы падымаецца пытанне: ці можна не забіваць на вайне, але пры гэтым не здрадзіць, не адварнуцца ад жадання выканаць свой абавязак абараніць ад ворагаў сваю краіну? Духоўны код грунтуецца на ацэнках, якія чалавек дае сабе і свету: «Чалавек народжаны жыць. І ў той ваеннай калатнечы кожны выкручваўся як мог, па сваім разуменні, каб ацалець. Гэта не азначае, што ўцякаць ад вайны, у атаку таксама можна ісці па-рознаму» [10, с. 98]. З дапамогай духоўнага кода паказана неваяўнічая натура ў постаці беларуса. Аповесць «Vixi» А. Адамовіча – твор пра ваенныя падзеі, у якім прысутнічаюць развагі пра ролю гістарычных асоб у лёсе народаў. У творы з дапамогай персанажнага кода падкрэсліваецца, што каштоўнасць лідара нацыі, лідара краіны ва ўменні абараніць інтарэсы насельніцтва, маючы на ўвазе каштоўнасць чалавечага жыцця. У цэлым, праз выкарыстанне духоўнага кода ў шэрагу твораў беларускай літаратуры найноўшага перыяда паказана, што мудрая душа беларускага народа захоўвае памяць пра тое, што ёй прыйшлося перажыць, і адна з апошніх гаючых ран, пакінутых пякельнымі ўспамінамі пра гады Вялікай Айчыннай вайны, яшчэ доўга будзе знаходзіць адбітак на старонках твораў беларускіх аўтараў.

Па-другое, наступная рыса – адчуванне непарыўнай сувязі беларусаў са сваёй зямлёй. Л. Гаранін адзначае: «Умовай любові беларусаў да свайго роднага краю выступаюць і тыя абставіны, што яны, па сутнасці, ніколі гэты край не пакідалі. Яны не займаліся разбоем ці набегам на суседнія плямёны, не вялі захопніцкіх войнаў, як многія стэпавыя народы (татара-манголы, сельджукі, полаўцы і г.д.), заўсёды заставаліся на захопленых воргамі тэрыторыях, не мігравалі са свайго прыроднага месца, як некаторыя угра-фінскія і славянскія плямёны (венгры, балгары і г.д.)» [9, с. 168–169]. Пра ролю вызначэння асаблівасцей прасторы і часу пры разглядзе пытання нацыянальнай ідэнтычнасці адзначае нямецкі даследчык К. Хюбнер: «Нацыя вызначаецца паводле сваёй гісторыі і прасторы, у якой гэтая гісторыя адлюстроўвалася» [11, с. 325]. Пры разглядзе катэгорый часу і прасторы пісьменнікі выкарыстоўваюць шэраг нацыянальных кодаў: персанажны (славутыя дзеячы беларускага мінулага, гераізаваныя ў творах сучаснай літаратуры, напрыклад, у рамане «Зубрэвіцкая сага» Я. Сіпакова), раслінны (з дапамогай вобразу флоры падкрэсліваецца каларыт беларускага пейзажу, непарыўная сувязь чалавека з роднай зямлёй; напрыклад, апавяданне «Рабіна» А. Федарэнкі), прасторавы, часавы і інш.

Адчуванне адзінства нацыі, усведамленне цэласнага «Мы» немагчыма без вобраза роднай зямлі. У літаратуры многіх краін свету прэзентаваны прасторавы код з дапамогай вобраза зямлі, яго выкарыстанне дапамагае выявіць гістарычныя, псіхалагічныя, побытавыя асаблівасці нацыянальнага светаўспрымання. Адказваючы на пытанне, якія адметныя рысы ментальнасці, нацыянальнага характару, гістарычнага лёсу таго ці іншага народа можна паказаць пры вызначэнні культурных кодаў у мастацкіх творах, мэтазгодна звярнуцца да пастулата «Гаспадары сваёй зямлі», рэпрэзентаванага з дапамогай шэрага культурных кодаў у мастацкіх і публіцыстычных творах беларускай літаратуры. Гісторыя беларускай зямлі – гэта гісторыя шляху да сучаснага дабрабыту і міру на Беларусі. Славутыя старонкі нашага мінулага паказаны ў рамане «Меч князя Вячкі», «След ваўкалака», «Жалезныя жалуды» Л. Дайнекі, «Вялікая княгіня» І. Шамякіна, «Храм без Бога» В. Чаропкі, «Кліч роднага звона» Г. Далідовіча, «Зубрэвіцкая сага» Я. Сіпакова і інш. На прыкладзе выкарыстання персанажнага, прасторавога, часовага кодаў у творах беларускіх аўтараў можна вызначыць ідэю гаспадарлівых і беражлівых адносін да роднай зямлі, сваёй справы, нястомнай працы дзеля будучыні беларускага народа, гонару і павагі да гістарычнай памяці, развіцця беларускай дзяржаўнасці.

Па-трэцяе, істотная рыса – прызнанне права на існаванне іншага. Л. Гаранін падкрэслівае: «І нават не проста прызнанне права, а належнае ім пачуццё дачынення іншага да іх уласнага жыцця. Таму свет аказваецца напоўненым для іх усялякімі іншымі істотамі, рэальнымі і міфічнымі, якіх яны ўспрымаюць як “суседзяў”, так

або інакш суіснуюць, прыміраюцца з імі, не маюць на мэце іх выгнанне або знішчэнне» [9, с. 169–170]. У мастацкай прасторы шэрагу літаратурных твораў сучасных беларускіх аўтараў прадстаўнікі рэальнага і міфічнага свету суіснуюць побач. Умоўна-сімвалічнае і гратэскава-абсурдысцкае адлюстраванне свету прыстунічае ў творах В. Казько, А. Асташонка, Барыса Пятровіча, А. Казлова і інш.

З дылемай «мы – яны» звязаны бінарныя апазіцыі «свой – чужы», «нашы – іншыя». Пошук унутранага ворагу спрыяе распаленню барацьбы, канфліктаў. 1990-я гг. – перыяд, калі на пэўны час грамадства сутыкнулася з новымі выклікамі, якія з’яўляліся следствам эканамічных і палітычных зрухаў, – сацыяльным расслаеннем на багатых і бедных, пашырэнне разрыву паміж узроўнем даходу. У аповесцях «Палеская мадонна», «Завіхрэньне», «Без пакаяння», «Зона павышанай радыяцыі» І. Шамякіна сэнсавая аб’ёмнасць дылемы «мы – яны» паказана з дапамогай часавага і персанажнага кодаў – узаемаадносін прадстаўнікоў розных сацыяльных груп падчас правядзення палітыкі перабудовы, складання рыначных зносін, руйнавання савецкага этычнага кодэксу. Усведамленне ўласнага «мы» скіравана на кансалідацыю грамадства, яднанне ўласных інтарэсаў, намаганняў, дзеянняў. Л. Гаранін слухна кажа: «Адным з праяў гэтай рысы нацыянальнага характару з’яўляецца тое, што беларусы ахвотна прымалі да сябе прадстаўнікоў іншых этнічных груп, рэлігійных веравызнанняў, нацыянальных аб’яднанняў. І гэты прынцып выходзіць далёка за межы толькі сацыяльнага значэння, закранаючы іншыя бакі народнага светаадчування» [9, с. 170].

Заклучэнне. У літаратуразнаўчым аналізе пры выяўленні асаблівасцей светапогляднай пазіцыі ў творах мастацкай літаратуры мэтазгодна адзначыць тры аспекты: вызначэнне асаблівасцей рыс нацыянальнага характару, прасторава-часавы кантынент мастацкай карціны свету, выяўленне сэнсавай аб’ёмнасці дыяда «мы – яны», «свой – чужы». З дапамогай разгляду культурных кодаў прасочаны асноўныя аспекты нацыянальнага светаадчування. Па-першае, гутарка ідзе пра выбітныя рысы характару беларусаў: прага да жыцця, міралюбства і інш. На прыкладзе эпічных твораў І. Шамякіна, А. Адамвіча, К. Цвіркі разглядаецца месца духоўнага кода пры паказе рыс нацыянальнага характару, асаблівасцей духоўных каштоўнасцей беларусаў. Па-другое, падкрэсліваецца роля прасторава-часавога кантынента ў дачыненні да нацыянальнай ідэнтычнасці. Пры разглядзе катэгорый часу і прасторы пісьменнікі выкарыстоўваюць шэраг нацыянальных кодаў: персанажны (слаўныя дзеячы беларускага мінулага, гераізаваныя ў творах сучаснай літаратуры), раслінны (з дапамогай вобразаў флоры падкрэсліваецца каларыт беларускага пейзажу, непарыўная сувязь чалавека з роднай зямлёй), прасторава-часавы і інш. Па-трэцяе, істотная рыса нацыянальнага светаусзірання – прызнанне права на існаванне іншага. Праз персанажны, аніمالістычны, духоўны коды ў эпічных творах беларускай літаратуры найноўшага перыяду паказана сэнсавая аб’ёмнасць бінарнай апазіцыі «мы – яны».

ЛІТАРАТУРА

1. Букатая А.М. Теории и проявления идентичности // Белорусско-китайский культурный диалог: история, современное состояние, перспективы: сб. науч. ст. / редкол.: Н.Н. Хмельницкий [и др.]; под науч. ред. Н.Н. Хмельницкого. – Минск: РИВШ, 2014. – С. 70–76.
2. Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці: ХХ стагоддзе / М.П. Касцюк і інш. – Мінск: Беларуская навука, 2008. – 614 с.
3. Хоскінг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / пер. с англ. С.Н. Самуйловой. – Смоленск: Русич, 2001. – 512 с.
4. Попова М.К. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании. – Воронеж: ВГУ, 2004. – 170 с.
5. Рябов О.В. «Матюшка – Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. – М.: Ладмир, 2001. – 200 с.
6. Коньшова М.В. Лингвистические компоненты национального культурного кода // Актуальные проблемы переводоведения и лингводидактики в контексте межкультурного взаимодействия: сб. науч. ст. – Брянск: Брян. гос. ун-т имени академика И.Г. Петровского, 2021. – С. 174–179.
7. Поршнева Б.Ф. Социальная психология и история. – Рига: Звайгзне, 1982. – 232 с.
8. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці: вучэб. дапам. / І.А. Марзалюк [і інш.]; рэд.: І.А. Марзалюк, Г.Г. Краско. – Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2022. – 447 с.
9. Гаранін Л.Я. Нацыянальная ідэя ў беларускай літаратуры пачатку ХХ стагоддзя. – Мінск: Беларуская навука, 1996. – 176 с.
10. Мароз У. Свая філасофія вайны // Польша. – 2012. – № 2. – С. 96–100.
11. Хюбнер К. Истина мифа: [пер. с нем.]. – М.: Республика, 1996. – 447 с.

Паступіў 14.02.2024

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В ПОКАЗЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОСЕ БЕЛАРУСИ НА РУБЕЖЕ ХХ–ХХІ ВЕКОВ

Л.Г. ДУКТОВА

(Научно-исследовательский центр белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси, Белорусский государственный университет, Минск)

Цель данной статьи – раскрыть особенности национального мировоззрения, отмеченные в эпических произведениях белорусской литературы рубежа ХХ–ХХІ веков, применительно к вопросу национальной идентичности, при показе которой писатели обращаются к культурным кодам. Анализируя взгляды исследователей на

проблему национальной идентичности, целесообразно выделить три аспекта: определение особенностей национального характера (ответ на вопросы «кто мы?», «что мы?»); пространственно-временной континуум художественной картины мира (ответ на вопросы «где мы?», «откуда мы?», «куда мы идем?»); культурные смыслы, транслируемые с помощью культурных кодов, при рассмотрении диад «мы – они», «свой – чужой» (ответ на вопрос «с кем мы?»). Определены особенности репрезентации культурных кодов в эпических произведениях современной белорусской литературы в связке с рассмотрением вопроса национальной идентичности.

Ключевые слова: культурный код, национальная идентичность, белорусская литература, эпос, современная проза, национальная картина мира, образ, роман, повесть, рассказ.

CULTURAL CODES IN THE EXPRESSION OF NATIONAL IDENTITY IN THE EPISODE OF BELARUS ON THE BORDER OF THE XX-XXI CENTURIES

L. DUKTAVA

*(Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches
of the National Academy of Belarus, Belarusian State University, Minsk)*

The purpose of this article is to reveal the features of the national worldview, noted in the epic works of Belarusian literature at the turn of the 20th – 21st centuries, in relation to the issue of national identity, when demonstrating which writers turn to cultural codes. When analyzing the views of researchers on the problem of national identity, it is advisable to highlight three aspects: determining the characteristics of the national character (answering the questions “who are we?”, “what are we?”); space-time continuum of the artistic picture of the world (answering the questions “where are we?”, “where are we from?”, “where are we going?”); cultural meanings, translated using cultural codes, when considering the dyads “us – them”, “us – alien” (the answer to the question “who are we with?”). The features of the representation of cultural codes in the epic works of modern Belarusian literature are determined in conjunction with consideration of the issue of national identity.

Keywords: *cultural code, national identity, Belarusian literature, epic, modern prose, national picture of the world, image, romance, novelet, story.*

УДК 821.161.3

DOI 10.52928/2070-1608-2024-72-4-48-52

**АЎТАБІЯГРАФІЧНАЕ, ДАКУМЕНТАЛЬНАЕ І МАСТАЦКАЕ ЯК КАМПЛЕМЕНТАРНЫЯ СРОДКІ
КАНСТРУАВАННЯ РЭЧАІСНАСЦІ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ
Ў АПОВЕСЦІ «ЗОЛАК, УБАЧАНЫ ЗДАЛЁК» Я. БРЫЛЯ**

д-р філал. навук, дац. З.І. ТРАЦЦЯК
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасініі Полацкай)
e-mail: zoya.tretyak@rambler.ru

У артыкуле разглядаецца аповесць Я. Брыля «Золак, убачаны здалёк», прысвечаная асэнсаванню феномена «навала-кантынуум», што ўбірае ў сябе падзеі Першай сусветнай вайны. Паводле аўтарскай задумкі, апавядальнік, які намінальна не мог быць сведкам баявых дзеянняў, паступова рэканструюе падзеі 1914–1918 гг., якія адбіліся на жыцці яго сям’і і аднавяскоўцаў (шырэі – беларускага народа). Адзначаецца камплементарная роля візуальнага і вербальнага аспектаў спасціжэння ваеннай рэчаіснасці. Падкрэсліваецца сугестыўны патэнцыял літаральна кожнага матэрыяльнага аб’екта, апаведу ўдзельніка падзей, дакументальнай, фальклорнай ці літаратурна-мастацкай крыніцы, якія ў сукупнасці дазволілі апавядальніку стварыць адэкватны слоўны малюнак сусветнай вайны. Вызначаны шэраг рыс, якія сведчаць пра сувязь твора з метапрозай, што вызначае канцэптuala адознае месца аповесці ў шэрагу беларускай літаратурнай баталістыкі, прысвечанай падзеям 1914–1918 гг.

Ключавыя словы: Першая сусветная вайна, беларуская літаратура, Я. Брыль, аўтабіяграфічны, дакументальны, мастацкі элементы апаведу, метапроза.

Уводзіны. Аповесць «Золак, убачаны здалёк» Янкі Брыля вызначаецца адметнай літаратурна-мастацкай канцэпцыяй адлюстравання падзей першай паловы ХХ ст., у тым ліку вайны 1914–1918 гг. На думку Д. Бугаёва, вартасці згаданага твора звязаны не толькі з моцным «антываенным пафасам, але зноў жа і з стылёва-выяўленчай навізнай, цікавай арганізацыяй апавядальнай плыні, у якой спалучаецца некалькі часавых зрэзаў» [1, с. 37]. Кніга сведчыць пра падвышаную пісьменніцкую ўвагу да феномена «аўтабіяграфічнай прозы, у якой галоўным аб’ектам для спавядальнай рэфлексіі робіцца ўласнае жыццё» [2, с. 84]. Сам празаік адзначаў: «столькі ўжо я апублікаваў пра самога сябе, да дзённікавых запісаў уключна, што не схавацца мне за ніякіх Януляў і Ясюляў, тым больш што і не надта я на гэта здольны» [3, с. 564]. Сінтэз аўтабіяграфічнага, што «адыгрывае ролю інструмента пазнання і стварэння сугестыўна напоўненай чалавечай духоўнасцю мастацкай рэчаіснасці» [4, с. 14], і мастацкага адбіўся на абранай Я. Брылём аповедавай стратэгіі: галоўны герой аповесці «Золак, убачаны здалёк» рухаецца ў плыні ўласных успамінаў пра маленства і юнацтва, балансуе на мяжы непасрэднай найўна-эмацыянальнай рэакцыі дзіцяці на новыя, таму надзвычай цікавыя, з’явы і працэсы і роздуму дарослага чалавека, які ўдакладняе і сістэматызуе некалі перажытае, абпіраючыся на набыты вопыт і сфарміраваны светапогляд. У абодвух выпадках Першая сусветная вайна разглядаецца дыяхронна, але павелічэнне часовай дыстанцыі адбіваецца на ўспрыняцці пэўных артэфактаў, якія ўзнаўлялі будзённасць вайны (акопы, бліндажы, калючы дрот, рэшткі разбураных збудаванняў, што захаваліся ў наваколлі), знешняга выгляду і паводзін інвалідаў вайны, псіхічна хворых і калекцыянальных, аповедаў сведкаў гэтай навалы. З цягам часу яны набываюць усё большую энасавую насычанасць, прыадчыняюць новыя грамадскія, маральна-этычныя і філасофскія праблемы. На думку Л. Скібіцкай, чытач назірае, як «ствараецца поліфанічная кампазіцыя, што дазваляе свабодна, натуральна спалучаць рознаскіраваныя з’явы, тэндэнцыі, аспекты» [5, с. 128].

Відавочная прыналежнасць аповесці да дакументальна-мастацкай прозы патрабуе ўдакладнення яе жанравых вытокаў. Абпіраючыся на класіфікацыю Л. Сіньковай прозы fiction [6, с. 78], адзначым, што твор Я. Брыля звязаны з акцэнтаванай фактаграфічнай асновай, дзе спалучыліся аўтабіяграфічнае і факты з быцця іншых людзей у варунках гісторыі (у тым ліку звязанае з успрыняццем помнікаў вуснай народнай творчасці, «насценнай літаратуры» [7, с. 447], кшталту надпісаў ‘Villa Leischen’ і адраса казака з данскай станіцы, «пісьмовых помнікаў прыфрантавой паласы: кніг, падшывак ілюстраваных часопісаў, паштовак патрыятычнага зместу» [7, с. 446], салдацкага і бежанскага наратыву). Паказальна, што Я. Брыль выпрабоўвае пэўныя прыёмы метапрозы: галоўны персанаж – герой, надзелены творчымі здольнасцямі, які ўспрымаецца як адмысловае ‘alter ego’ самога аўтара; у аповесці ўзаемадзейнічаюць два важкія элемента: «рамка» і непасрэдна «тэкст у тэксце»; пісьменнік так ці інакш вымушае чытачоў пільна сачыць не толькі за адмысловым падзейным складнікам, шчыльна звязаным з аналітычным рухам думкі апавядальніка, але і за працэсам нараджэння новай мастацка-літаратурнай рэальнасці, прыёмамі яе стварэння і прычыпамі існавання.

Мэта даследавання: вызначыць спецыфіку мастацкага ўвасаблення Першай сусветнай вайны ў аповесці «Золак, убачаны здалёк».

Асноўная частка. У аповесці «Золак, убачаны здалёк» фіксацыя візуальнага і тактыльнага як аснова ведаў пра Першую сусветную вайну паступова саступае месца вербальнаму. Спачатку апавядальнік уважліва слухаў каментары-глуначэнні дарослых пра ўсе напаміны пра вайну, што трапляліся яму ледзь не кожны дзень, больш разгорнутыя і дэталізаваныя гісторыі ўдзельнікаў і сведкаў Першай сусветнай, якія жывілі яго няўрымсліваю

фантазію. Не меншую цікаўнасць нараджалі пачутыя песні, прыпеўкі, узоры салдацкага наратыву, што існавалі ў розных варыяцыях. Памяць галоўнага героя аповесці захавала як найлепшыя ўзоры народнай творчасці, так і той ваенны фальклор, які ён сам пазней назваў «бруднымі пацяробкамі з афіцэрскіх і салдацкіх сталоў, якімі доўга ласаваліся і моладзь, і цікаўная малеча» [7, с. 447]. Сапраўдная вартасць гэтай «творчасці» стала відавочнай у сталым узросце, калі персанаж заглыбіўся ў маральна-этычныя пытанні, звязаныя з пасляваеннай рэчаіснасцю. Апавядальнік прыгадвае, як намнога пазней удумліва знаёміўся з дакументальнай і мастацкай літаратурай на тэму вайны і, у рэшце рэшт, стварыў уласны слоўны малонак навалы.

Мастацкі складнік твора верыфікуецца праз дакумент: у машынапісным плане аповесці «Золак, убачаны здалёк», захаваным у Беларускам дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва, Я. Брыль падрабязна ўзнавіў працэс свайго знаёмства з падзеямі Першай сусветнай вайны, асноўныя этапы якога, паводле пісьменніцкай задумы, карэлююць з досведам галоўнага героя аповесці. Празаік падкрэсліў, што «вайну, што канчалася ў яго маленстве, ён уяўляў па расказах і апісаннях. Расказы землякоў, былых удзельнікаў вайны, якіх ён наслухаўся раней <...>, чым начытацца апісанняў гэтай вайны, мастацкіх і немастацкіх, раней, чым убачыць тую вайну адлюстраванай у фатаграфіях і малюнках, у дакументальным і мастацкім кіно» [8, арк. 2]. Адзначаючы значнасць вербальнай (адносна суб'ектывізаванай, заснаванай на досведзе сведак ці ўдзельнікаў падзей) першакрыніцы ўласных уяўленняў пра вайну, пісьменнік дэтальна спыняецца на асабістых уражаннях ад пазнейшага па часе знаёмства з фотаздымкамі, «рознымі па сваёй свядомай ці больш несвядомай адноснай аб'ектыўнасці» [8, арк. 2]. Асабістая зацікаўленасць у тэме Першай сусветнай вайны нарадзіла ў празаіка пытанне пра праўдзівасць набытай з розных крыніц інфармацыі. У эсе «Адзінае наша» Я. Брыль прапануе ўласныя высновы: «у маім даваенным вясковым акружэнні жыло нямаля ўдзельнікаў і руска-японскай, і «мікалаеўскай», і грамадзянскай войнаў. І шчасліва ўцалелых, і так ці інакш пакалечаных, напоўненых невычэрпным запасам жахаў. Іх расказы мы, юнакі, слухалі – калі мне меркаваць па сабе – з пранозлівай жудасцю. Расказвалі некаторыя так, што іх расказы сваёй, нічым не прыкрытай, грубай народнай праўдзівасцю адпавядалі таму лепшаму, што я чытаў пра вайну, а то і гаварылі яшчэ больш, куды мацней уражвалі, наводзілі на нялёгкі роздум» [9, с. 204]. Асобныя моманты, звязаныя з гісторыяй стварэння аповесці, узноўлены ў нататках «Свае старонкі», дзе Я. Брыль, напрыклад, прыгадвае гісторыю пра «двух байстручкоў – Казака і Немца, адзін ад арэнбургскага казака, другі ад немца, сыны дваюрадных сяцёр. Бедныя няшчасныя хлапчкі. Як іх зводзілі біцца, нібы пеўняў, і яму тады шкада іх было і не смешна» [3, с. 554]. Гэта гісторыя потым увайшоў у аповедаваную канву твора.

Акрамя таго, у эсе «Адзінае наша» і машынапісным плане аповесці «Золак, убачаны здалёк» Я. Брыль пазначае тэма літаратурныя і дакументальныя крыніцы, якія паўплывалі на яго досвед: некалі празаіка ўразілі «антываеннае слова Талстога і Гаршына, Рэмарка і Гашака» [9, с. 204], кнігі Э. Людэндорфа і Я. Тарле. Пісьменнік палічыў неабходным падкрэсліць, што ««Агонь» Барбюса, «На імперыялістычнай вайне» Гарэцкага <...> ён прачытаў пасля Вялікай Айчыннай» [9, с. 205]. У машынапісе сустракаюцца і асобныя вытрымкі з рамана А. Цвейга «Зацішак». Відавочна, што гэтыя літаратурна-мастацкія і дакументальныя крыніцы падштурхоўвалі Я. Брыля да пошукаў уласнага адметнага слова пра падзеі 1914–1918 гг.

Адзначым, што Я. Брыль абірае нетыповую для твора ваеннай тэматыкі постаць галоўнага героя-апавядальніка, якога складана назваць свядомым відавочцам узброенай барацьбы 1914–1918 гг. Набыты досвед той навалы звязаны з развіццём свядомасці і дапытлівага розуму дзіцяці, а затым падлетка, які з цікавасцю ўзіраецца ў будзённае, літаральна прасякнутае напамінамі пра баявыя дзеянні недалёкага мінулага. Гледзячы на мілітарызаваны ландшафт і побыт вёскі, слухаючы аповеды дарослых, персанаж фактычна не размяжоўвае Першую сусветную, рэвалюцыйную і іншыя падзеі, што выходзяць за межы яго асабістага вопыту («Час у маленстве вымяраецца днямі. Два, тры гады таму назад – гэта ўжо вельмі многа, а тое, што было да нас, да нашага ўступлення ў свядомасць – ужо і наогул легенда» [7, с. 445]). У той жа час ён адчувае бясконцасць выпрабаванняў, якія напаткалі родзічаў і грамаду («у разуменні і адчуванні <...> усіх дарослых людзей той руска-нямецкі фронт, тая вайна былі зусім нядаўна. Бо на немцах яна не закончылася: пасля іх была «свабода», потым белапалякі, тады бальшавікі, зноў палякі» [7, с. 436–437]), усведамляе, што яго жыццё таксама неяк далучана да гэтых сацыяльных працэсаў. Так паступова нараджаецца ідэя пра ўласнае існаванне ў плыні навалы-кантынума, асабліва інтэнсіўна ўсвядомленае, калі апавядальнік партызаніць у часы Вялікай Айчыннай і фармулюе ўласную канцэпцыю татальнай вайны. У сталым узросце ўспрыманне асабістай жыццёвай гісторыі абвастраецца і ўскладняецца, бо яна ўводзіцца ў шырокі кантэкст нацыянальнага мінулага. Паводле Алеся Адамовіча, задума аповесці выспявала не толькі на грунце ўспамінаў пісьменніка пра дзяцінства і юнацтва, але і з шматгадовай працы над кнігай «Я з вогненнай вёскі»: «прайшоўшы па дантавых кругах хатынскай памяці народнай, яшчэ больш станеш цаніць светлае, добрае, дзіцячае ў жыцці. Але ўжо і *тое* будзе стаяць заўсёды – за ўсім, пра што б ты ні пісаў» [10, с. 7].

У аповесці «Золак, убачаны здалёк» Я. Брыль канцэнтруецца на ўражаннях апавядальніка ад гісторый свайго дзядзькі (прататып – стрыечны брат пісьменніка, старэйшы за яго на дваццаць сем год): георгіеўскага кавалера, «беларускага Грышкі Мелехава» [11, с. 215], ва ўспамінах якога «неаднойчы паўтаралася то храбрасць, гордасць за сваё, то чалавечы жах і праклёны на тых, праз каго дарма лілася кроў, – цар, царыца, Распуцін, буржуі, свае і нямецкія» [7, с. 506]. Досвед гэтага героя не ўспрымаецца як тыповы, бо ён канцэнтруе ў сабе цэлы калейдаскоп з розных па часе эпізодаў: «як яны перлі з Усходняй Прусіі і ў яго за адну ноч конь раскаваўся на ўсе чатыры нагі. Як за Каўказам туркі ў чырвоных шапках ішлі на яго кулямёт <...> Як у Галіцыі ... Як каля возера Нарач ...» [7, с. 472]. Відавочна, што персанаж перарываў і без таго фрагментарны і асацыятыўны аповед, бо

часам не паспяваў за плынню ўласных успамінаў, часам не жадаў траўмаваць прысутных малапрыемнымі рэаліямі вайны, таму яго вонкава крыху блытаня, але ўнутрана сэнсава насычаны і камплементарны разважанні не заўсёды адэкватна ўспрымаліся непадрахтанымі слухачамі, якія са здзіўленнем сачылі за гісторыяй, арганізаванай паводле маларазумелай для іх логікі, што вынікала з унікальнага вопыту поўнага георгіеўскага кавалера. Акрамя таго, персанаж-франтавік ашчадна акумуляваў успаміны іншых, але ў такіх выпадках ён імкнуўся падкрэсліць крыніцу звестак: «Расказаў мне адзін, як гэта туркі там армянаў рэзалі. Людзей. Сам я не бачыў, дарма гаварыць не буду» [7, с. 488]. Георгіеўскі кавалер сумленна зазначаў, што падобныя гісторыі не былі ім верыфікаванымі, але, тым не менш, верагоднымі, карэлюючымі з яго ўласнымі назіраннямі, імпульсіўна выказанымі ў фразе «Божа мой!.. Божа мой!.. Рукі, ногі, галовы – навалам!.. І кішкі на дроце ... Людзі – людзей, чалавек – чалавека!» [7, с. 472]. Падобны апавядач не мог узнаўляць падзеі мінулага з пазіцыі выпадковага назіральніка, што тлумачыць яго надзвычайную эмацыянальнасць, парадаксальнае жаданне то шматслоўна тлумачыць перажытае, то змаўкаць на самым цікавым месцы, выносячы ў адмысловы падтэкст свае высновы і назіранні, якія мала карэлявалі са стэрэатыпнымі ўяўленнямі пра вайну. Акрамя таго, кожная яго гісторыя прасякнута антываенным пафасам, бо рамантызаванне навалы, прапагандысцкія прамовы і гераізаваанне ўласнага досведу супярэчыла светапоглядным дамінантам персанажа. Паказальна, што апавядальнік неаднойчы прыгадваў ўспаміны дзядзькі, пераконваўся ў яго ісканні да захавання праўдзівага слова пра вайну, бо час ад часу рэальныя факты ілюстравалі і ўдакладнялі расказанае. Гісторыі георгіеўскага кавалера дысанавалі з аповедамі некаторых сведак вайны, якія не імкнуліся зірнуць на падзеі шырэй і заўважыць не толькі яе прыгодніцкі патэнцыял («Ераплан нямецкі прыляціць, з такімі чорнымі крыжамі. Та-ра-лах-ціць!.. А салдацікі павыбягаюць з хатаў ды з вінтовачак: пух!.. пух!.. Ой, весела было!..») [7, с. 448]).

Галоўныя высновы Я. Брыля і апавядальніка з яго твора, якія нарадзіліся пад час знаёмства з вербальнымі і візуальнымі помнікамі той эпохі, звязаны з ненатуральнасцю феномена вайны, «рэальнасць цяжкасцей і пакут якой цяжка ўявіць, не паспытаўшы гэтага ў той ці іншай меры самому» [8, арк. 3], і камплементарнасцю розных крыніц інфармацыі, якія ў сукупнасці дазвалялі рэканструяваць больш-менш адэкватны малюнак узброенага глабальнага ўзаемавынішчэння людзей, якое выходзіла за межы асабістага вопыту падлетка. Адметнасцю паўсядзённага жыцця апавядальніка было і тое, што ён вучыўся жыць у сацыюме, што не хаваў жудасныя наступствы вайны: ён змушаў сябе без гідлівасці глядзець на дзяўчынку, якая ў мірны час атрымала калецтва ад выбуху бомбы, у яе «вырвала вока з брывом, патрушчыла сківіцу і рэбры з правага боку» [7, с. 443]; спрабаваў зразумець, што змушала былога прапаршчыка, які звар'яцеў у першай штывавай атацы, час ад часу «з крыкам бегаць па чыстаполіцы, атакаваць у лоб ці акружаць які-небудзь пусты пагорак, лажыцца з размаху, зноў падхопівацца, бегчы» [7, с. 470]; прыгадваў, што «таты з вайны вярталіся па-рознаму. Хто зусім цэлы, здаровы, хто трохі паранены, хто газу глытнуў і яшчэ ўсё бухае <...> А некаторыя і не вярнуліся» [7, с. 484].

Падкрэслім, што аповесць «Золак, убачаны здалёк» мае шэраг канцэптуальных адрозненняў ад твораў, прысвечаных падзеям Першай сусветнай вайны, створаных як у 1920-я – 1930-я гг., так і ў другой палове ХХ ст. Варта звярнуць увагу на адметнасць аўтабіяграфічнай асновы ў кнізе Я. Брыля: у адрозненне, напрыклад, ад запісак «На імперыялістычнай вайне» М. Гарэцкага пісьменнік асэнсоўвае не ўласныя ваенныя досведы, а прапануе чытачу пазнаёміцца са шматузроўневай рэцэпцыйнай падзеяй і наступстваў той навалы ад непасрэдных яе ўдзельнікаў і новага апавядальніка, які аналізуе ўсю багатую інфармацыю пра перажытае тады з пазіцыі нашчадка. Я. Брыль падкрэслівае, што і ён сам, і галоўны герой яго аповесці ўсё жыццё збіраюць-акумулююць «аўтэнтыку» той вайны, якая паўстае для іх не фактам біяграфіі, а відовішчам разбурэння і заняпаду, пракаментаваным іншымі, як аповед відавочцы, выбітны сваёй эмацыянальнай афарбоўкай, манерай выкладу матэрыяла, як адлюстраванне экстрэмальнага псіха-фізічнага стану асобных аднавяскоўцаў, як літаратурна-мастацкі ці дакументальны твор, журналісцкая нататка, фотаздымак. Назапашанне ведаў дапамагала заглябіцца ў «вечныя» пытанні чалавецтва, высветліць сродкі захавання памяці народа, адзначыць майстэрства асобных апавядальнікаў ці аўтараў мастацкіх твораў, паразважаць пра ролю і абавязак аўтара ваеннай літаратуры перад чытачом.

Параўноўваючы аповесць «Золак, убачаны здалёк» з кнігамі Л. Дайнекі, Г. Далідовіча, В. Карамазова, І. Шамякіна, падкрэслім, што Я. Брыль засяроджваецца на гістарычным працэсе першай паловы ХХ ст., успрынятым праз прызму разважанняў асобнага персанажа, якая мае адметны аўтабіяграфічны характар. Акрамя таго, празаік закранае праблемы нараджэння твора, дзе аўтабіяграфічнае ўдакладняецца за кошт дакументальнага, потым гэтыя складнікі набываюць мастацкую цэльнасць за кошт моцнага суб'ектыўна-аўтарскага пачатку. У той жа час Л. Дайнека, Г. Далідовіч, В. Карамазав, І. Шамякін адчувалі неабходнасць эпічна-мастацкага ўзнаўлення ўсіх падзей, якія прыпалі па першую трэць ХХ ст.; з эпічным пафасам яны адлюстроўвалі непарыўнасць і ўзаемаабумоўленасць ланцугу выпрабаванняў чалавека, які прыйшоў да новага ўсведамлення грамадска-палітычнага жыцця.

Заклучэнне. Аповесць Я. Брыля «Золак, убачаны здалёк» – твор, у якім Першая сусветная вайна ўвасоблена як успамін, аповед сведкі, узор фальклору ці мастацкай літаратуры, дакумент, артэфакт з паўсядзённага жыцця, які «ажывае», калі да яго звяртаецца персанаж, які з маленства спрабуе стварыць адмысловы цэльны светапогляд – малюнак жыцця ў першай палове ХХ ст. Аўтабіяграфічнае, дакументальнае і мастацкае, паводле Я. Брыля, – камплементарныя складнікі, што дазваляюць шматаспектна разгледзець феномен вайны. Яна выходзіла за межы асабістага вопыту як апавядальніка, так і самога аўтара, аднак яе «гравітацыйнае поле», так ці інакш, прыцягвае ўвагу асобы ў розным узросце, выводзячы на першы план то незразумелае, авантурнае і брыдкае (далучанае да свету дарослых), то выбітна трагічнае, звязанае з вечнымі маральна-этычнымі пытаннямі. На

думку Я. Брыля, галоўны герой-апявадальнік прэзентуе досвед цэлага пакалення, якое інтэрырызуе ваенны досвед старэйшых, і гэты досвед канцэптуальна ўзбагачае светапогляд наступнікаў, падводзіць маладзейшых да ўсведамлення ўласнага існавання у той самай плыні навалы-кантынума. Письменнік прапануе зірнуць на Першую сусветную не толькі як на гістарычны, але і літаратурна-мастацкі феномен, сугестыўны патэнцыял якога ўражае кожнага, хто з ім сутыкнуўся. Аўтар падкрэслівае, што адносна аб'ектыўны малюнак эпохі складаецца з суб'ектыўна афарбаваных успамінаў (напрыклад, узноўлення ў аповесці гісторыі георгіеўскага кавалера), спроб інтэрпрэтацыі падзей (у тым ліку, у форме салдацкага ці бежанскага наратыву, вуснай народнай творчасці), якія ўдакладняюцца за кошт захаванай «фактуры» вайны: напаяўразбураных акопаў, калючага дроту, бліндажоў, зруйнаваных збудаванняў, выпадкова захаваных боепрыпасаў. Не менш значнымі для ўспрыняцця эпохі былі розныя яе дакументы: газетныя і часопісныя нататкі, мемуары знакамітых асоб, інфармацыя са спецыяльных даследаванняў.

У аповесці «Золак, убачаны здалёк» рэалізаваны шэраг рыс, характэрных для метапрозы: перш за ўсё, чытач назірае за нараджэннем адмысловай мастацкай рэальнасці, якая імкнецца вытлумачыць спецыфіку свайго існавання, раскрыць адметнасць мыслення апавядальніка, яго стаўленне да Першай сусветнай вайны як аднаго з трыгераў творчага спасціжэння свету.

ЛІТАРАТУРА

1. Бугаёў Д. Служэнне Беларусі (Янка Брыль) // Спавадальнае слова: Літаратурная крытыка, успаміны. – Мінск: Мастацкая літаратура, 2001. – С. 28–39.
2. Губская В. Аўтабіяграфічны наратывы Янкі Брыля: спецыфіка вобраза аўтара // Стылістыка: мова, маўленне і тэкст: матэрыялы V Міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. 100-годдзю заслуж. работніка адукацыі Рэсп. Беларусь, д-ра філал. навук, праф. М.Цікоцкага, Мінск, 23–24 лют. 2022 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: В.М. Самусевіч (гал. рэд.). – Мінск: БДУ, 2022. – С. 82–88.
3. Брыль Я. Свае старонкі // Збор твораў: у 5 т. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1981. – Т. 5: Лірычныя запісы і мініяцюры. – С. 385–588.
4. Альштынюк А. Праблема аўтабіяграфізму ў творчасці Янкі Брыля. – Białystok : Uniwersytet w Białymstoku, 2017. – 211 с.
5. Скибицкая Л. Структура художественного повествования в повестях В. Астафьева и Я. Брыля («Последний поклон» и «Золак, убачаны здалёк») // Русская и белорусская литературы на рубеже XX – XXI вв.: сб. науч. ст. В 2 ч. – Ч. 1 / под ред. С. Гончаровой-Грабовской. – Минск: РИВШ, 2010. – С. 124–129.
6. Сінькова Л. Што можна пазначаць тэрмін «дакументальна-мастацкая проза» // Беларуская «звышлітаратура»: літаратуразнаўчыя і літаратурна-крытычныя артыкулы. – Мінск: Кнігазбор, 2019. – С. 70–78.
7. Брыль Я. Золак, убачаны здалёк // Збор твораў: у 5 т. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1980. – Т. 2: Аповесці. – С. 424–510.
8. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (БДАМЛІМ). – Ф. 59. Воп. 2. Спр. 9. Арк. 1 – 13.
9. Брыль Я. Адзінае наша // Сёння і памяць: Апавяданні, мініяцюры, эсэ. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1985. – С. 204–209.
10. Адамовіч А. Праз гады і творы // Збор твораў: у 5 т. / Я. Брыль. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1980. – Т. 1: Апавяданні. – С. 5–8.
11. Брыль Я. Свае старонкі. Да творчай аўтабіяграфіі // Сёння і памяць: Апавяданні, мініяцюры, эсэ. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1985. – С. 209–315.

Паступіў 15.05.2024

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ, ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ КАК КОМПЛЕМЕНТАРНЫЕ СРЕДСТВА КОНСТРУИРОВАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ПОВЕСТИ Я. БРЫЛЯ «РАССВЕТ, УВИДЕННЫЙ ИЗДАЛЕКА»

д-р филол. наук, доц. З.И. ТРЕТЬЯК

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

В статье рассматривается повесть Я. Брыля «Рассвет, увиденный издалека», посвященная осмыслению феномена «бедствие-континуум», включающего в себя события Первой мировой войны. По замыслу автора, рассказчик, который номинально не мог быть сознательным свидетелем боевых действий, постепенно реконструирует события 1914–1918 гг., затронувшие жизнь его семьи и односельчан (шире белорусского народа). Отмечается комплементарная роль визуального и вербального аспектов понимания военной действительности. Подчеркивается суггестивный потенциал буквально каждого материального предмета, рассказа участника событий, документального, фольклорного или литературно-художественного источника, что в совокупности позволило рассказчику создать адекватную словесную картину мировой войны. Выявлен ряд особенностей, свидетельствующих о связи произведения с метапрозой, что определяет концептуально иное место повести во всем диапазоне белорусской литературной баталистики, посвященной событиям 1914–1918 гг.

Ключевые слова: Первая мировая война, белорусская литература, Я. Брыль, автобиографический, документальный, художественный элементы повествования, метапроза.

**AUTOBIOGRAPHICAL, DOCUMENTARY AND ARTISTIC
AS COMPLEMENTARY MEANS CONSTRUCTING THE FIRST WORLD WAR REALITY
IN THE STORY 'DUSK SEEN FROM AFAR' BY YA. BRYL**

Z. TRATSIAK

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article examines Ya. Bryl's story 'Dusk Seen from Afar', dedicated to the concept of the 'continuous disaster', which includes the events of the First World War. According to the author's plan, the narrator, who nominally cannot be treated as a conscious witness to the hostilities, gradually reconstructs the events of 1914–1918, which affected the life of his family and fellow villagers (in the wider context Belarusian people). The complementary role of visual and verbal aspects the artistic representation of military reality is noted. The suggestive potential of literally every material object, participant story, documentary, folklore or literary source is emphasized. Taken together they allowed the storyteller to create an adequate verbal picture of the world war. A number of features that testify to the connection of the work with metaprose are identified. They determine the conceptually different place of the story in the entire range of Belarusian war literature, dedicated to 1914–1918.

Keywords: *World War I, Belarusian literature, Ya. Bryl, autobiographical, documentary, fictional elements of narration, metafiction.*

УДК 821.161.3'06-3:821.111'06-3

DOI 10.52928/2070-1608-2024-72-4-53-56

ОБРАЗ СПИРАЛИ ИСТОРИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ БЕЛАРУСИ И БРИТАНИИ

канд. филол. наук, доц. О.А. ЛИДЕНКОВА

(Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8644-6406>

В статье в компаративном аспекте рассматриваются меняющиеся тенденции в принципах изображения ключевых моментов национальной истории в произведениях современных британских и белорусских авторов на примере творчества Х. Мендел, П. Акройда, Л. Дайнеко, Л. Рублевской, З. Каминской. Выявляются закономерности эволюции типажей героев у писателей различных поколений. Идея о циклическом развитии истории является способом, с одной стороны, социального комментария современных общественных тенденций, для чего история предоставляет гораздо более широкий контекст и творческую свободу. В связи с этим стилистика произведений последних десятилетий нередко определяется как «аллегорический реализм». С другой стороны, представление об истории как спирали, выявляет современные параллели с наиболее острыми травматичными эпизодами национального прошлого в коллективном сознании.

Ключевые слова: современная проза, исторический роман, мотив, модель, миф, национальный стереотип.

Введение. Прозе, обращенной к прошлому, свойственно переосмысление концепций национальной истории для каждого нового поколения в соответствии с меняющимися ценностными и мировоззренческими ориентирами. Авторы склонны выбирать своим предметом события, в чем-то созвучные современным общественным процессам, и поэтому позволяющие использовать исторический сюжет как сценарий для моделирования возможных вариантов их развития и разрешения. При этом неизменно выявляются некие закономерности исторического пути народа, которые оформляются в образе цикла или спирали истории.

Данная сторона художественной репрезентации истории очень слабо изучена и частично представлена лишь в отдельных публикациях А. Гугнина («Формирование и развитие национального самосознания в отражении белорусской, русской и зарубежных литератур»), Л. Синьковой («Беларуская “звышлітаратура”»), И. Шевляковой («Тры мастацкія версіі адной рэальнай падзеі»), Н. Лысовой («Вобразы часу ў рамане Ігара Бабкова»), В. Баровко («Апавядальніцкія стратэгіі ў рамане “Пантофля Мнемазіны” Л. Рублеўскай»). Между тем, данный образ является важной чертой поэтики жанров исторической прозы, чем и объясняется актуальность представленного исследования.

Целью статьи, таким образом, является выявление стратегий переосмысления значимых событий национального прошлого как спирали истории в современной исторической прозе белорусских и англоязычных писателей.

Основная часть. Авторы современной прозы привлекает идея исторических витков развития, когда варианты одних и тех же коллизий, национальных неудач повторяются из эпохи в эпоху, из-за чего народ словно постоянно опаздывает в своем развитии, оказывается неспособен полностью реализовать даже самые благоприятные шансы и возможности: «Урокі гісторыі заключаюцца ў тым, што аналагічныя падзеі і дзеянні з мінулага па спіралі вяртаюцца ў будучыню. Мы пастаянна паўтараем тое, што ўжо было»¹. Склонность исследовать трагедии, вызванные упорным игнорированием уроков истории, является общей как для белорусских, так и английских писателей, например, это лейтмотив творчества Дж. Страуда, Д. Абрахамса, Х. Мантел, К. Исигуро: «This doesn't change, and it seems there are no new thoughts, no new struggles with censorship and self-censorship, only the old struggles repeating»². Временная дистанция между событиями произведения и современностью не только дает авторам более широкие возможности для комментирования злободневной ситуации, но и помогает выявить первопричины актуальных общественных тенденций. Не случайно и критики, и литературоведы единодушны во мнении, что выбор тематики исторического романа гораздо больше говорит о современности, чем собственно о прошлом. Например, Д. Уоллес отмечает, что каждое поколение английских литераторов привлекали совершенно разные исторические периоды: авторы послевоенного времени больше интересовались событиями восемнадцатого века, писатели 80-х предпочитали переносить сюжет в век семнадцатый и т.д.: «Post-war writers were attracted by the eighteenth century, for instance, while the seventeenth century was important in the late 1980s» [1, с. 48]. При чем теоретического обоснования и осмысления подобных закономерностей почти не проводилось.

Писатели ищут в прошлом не только истоки современных проблем, но и аналогии, схожие по характеру и обстоятельствам события, чтобы понять, какие решения уже существуют и как их можно адаптировать к современности. Это процесс, который имел в виду Аристотель, когда говорил о «Paradeigmata», – события, иллюстрирующем закономерность, повторяемость определенных обстоятельств в силу неизменной причинно-следственной

¹ Мажылюўскі У. Спіраль гісторыі. Апавяданне. – URL: <https://booksdaily.club/other-literature/prochee/page-7-250271-uladzimir-mazhylo%D1%9Eski-spiral-gistoryi.html>.

² Mantel H. Blot, erase, delete: How the author found her voice and why all writers should resist the urge to change their past words // SAGE Journals. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0306422016670349a>.

сменяемости процессов и явлений, обусловленных свойствами человеческой природы, экономическими, политическими законами, одинаково работающими в любую эпоху [2, с. 105]. Эти закономерности в произведениях оформляются как образы цикла или спирали истории. Белорусские авторы пытаются выделить универсальные, типичные для нашей страны исторические ошибки и слабости. Поэтому излюбленными периодами отечественных литераторов остаются моменты, когда, по мнению писателей, белорусские земли раз за разом упускали шанс на построение своей государственности, на культурное возрождение. Это противостояние королей Ягайлы и Витовта как католической и православной составляющих ВКЛ («Каралева не здраджвала каралю» А. Бутевича), канун подписания Люблинской унии (романы «Ідзі і кажы» и «Перад Патопам» Э. Ялугина); период репрессий 30-х гг. и войны 1812 г. (романы Л. Рублевской, З. Дудзюк), то есть точки крайнего внутреннего разделения нации, когда на первый план выходит мотив предательства и братоубийства.

Л. Рублевская, исследуя тему исторической разобщенности белорусов (в том числе по религиозному признаку), в романе «Сутарэнні Ромула» развивает сюжет одновременно в трех временных измерениях: завязка конфликта относится ко временам борьбы между различными фракциями феодалов XVI в., параллельно потомки враждующих семей сходятся в революционную эпоху XX в., где актуализируется идеологическое, классовое разделение общества, затем уже правнуки героев встречаются в современности, где, наконец, становится возможным их примирение. В названии романа и заголовках глав присутствуют аллюзии к мифу о Ромуле и Реме, отсылая к «вечному», повторяющемуся характеру братоубийственного противостояния: «Вы – чужы! Прыехалі з Расіі, беларускай мовы не ведаеце... – Не вам дзяліць на чужых і сваіх! – холадна сказаў Корб-Варановіч»; «На развітанне дзядок-вартаўнік азірнуўся, акінуў вокам збітых на горкі яблык дуэлянтаў і прамовіў ушчувальна: – Э-эх, людцы... А яшчэ браты...» [3, с. 270; 349].

Точно так же английские писатели, столкнувшись с современным размыванием понятия национального своеобразия и идентичности вследствие политики мультикультурализма, обращаются к определяющим для становления современной Британии событиям. Например, последние десятилетия прошлого века были расцветом неовикторанского романа («French Lieutenant's Woman» Дж. Фаулза, «Possession» А. Байетт, «Nights at the Cirtus» А. Картер и др.), примерно с 2000-х гг. усиливается интерес к личности Генриха VIII и его жен (трилогия Х. Мантел «Wolf Hall», романы К. Дж. Сэнсома, Ф. Грегори, Дж. Плейди, Э. Вейр и др.). Можно предположить, что не в последнюю очередь интерес к эпохе Тюдоров связан с вниманием к истокам формирования английской идентичности во время отдаления её от европейского (католического) мира, вкупе с интересом к фигуре сильного лидера на фоне практического отсутствия ярких харизматичных фигур на современной политической сцене (о чем неоднократно говорила в своих интервью Х. Мантел, автор трилогии о Томасе Кромвелле, а также романа о деятелях Французской революции): «Well, let me tell you about Jonathan Powell and Alistair Campbell: Thomas Cromwell would have eaten them for breakfast»³. Эпоха короля Генриха, Кромвелля и Томаса Мора – это начало перехода к модерну, завязка англо-ирландского противостояния и будущих религиозных конфликтов, преддверие «золотого века» королевы Елизаветы, а также период, когда роль женщины для будущего династии была как никогда велика, то есть нельзя не заметить определённых переключек с современной политической повесткой. Викторианская эпоха, в свою очередь, – высшая точка развития Британской империи, эпоха технических инноваций, политического доминирования и небывалого исторического оптимизма. Это полная противоположность онтологическому нигилизму современности.

Английский писатель Дж. Мик констатирует отсутствие ответов на фундаментальные вопросы существования в современном британском обществе: «Are we British or Scottish or English or European? Are we men, are we women or points on some gender spectrum?»⁴. Так автор определяет проблемное поле своего исторического романа «To Calais, in Ordinary Time» (2019). Роман – итог авторских размышлений над референдумом о независимости в Шотландии и Брекситом. Ответы он предпочитает искать в 1348 г. во времена чумы и столетней войны через классические метафоры дороги и корабля (плаванья). Образ города Кале в современных британских СМИ прочно ассоциируется с обострением проблемы нелегальных мигрантов. Персонажи Дж. Мика, активного сторонника евроинтеграции, не видят дальнейших перспектив в охваченной чумой Англии и отправляются искать лучшей доли во Францию. На пути к морю герои теряют привычные социальные и даже гендерные роли, наглядно исследуя, может ли человек сохранить себя в мире, где нет ничего неизменного и безопасного. Автор проводит прозрачные параллели с современными классовыми проблемами Британии (герои представляют основные слои общества и буквально говорят на разных вариантах английского, с трудом понимая друг друга). В скептическом отношении персонажей к чуме (мистификация, обман населения, вредительство французов) словно предсказаны общественные дискуссии современности относительно угрозы мировой пандемии. Неопределенность половой принадлежности отдельных персонажей отражает узнаваемые современные нарративы. В целом автор стремится подчеркнуть универсальность проблем, с которыми сталкивается на своем пути человечество (эпидемии, постоянные изменения климата, обреченные утопические проекты, неизменно обещающие всеобщее равенство, стирание религиозного и культурного разнообразия во имя общепланетарного благополучия): «Here in this new sense

³ Wood H. Mantel's Last Cromwell Novel 'Likely to Miss Summer 2018' // The Bookseller. 4 July 2017. – URL: www.thebookseller.com/news/mantel-cromwell-he-would-have-eaten-alistair-campbell-breakfast-582211.

⁴ Day J. To Calais, in Ordinary Time, by James Meek review – a triumphant medieval fable. – URL: <https://www.theguardian.com/books/2019/sep/12/to-calais-in-ordinary-time-by-james-meek-review>.

of community it is facile to delude ourselves that universal fraternity is an inevitable consequence of a greater equalisation of social status. I suspect the majority, if required to celebrate this novel harmony of cleric, commoner and aristocrat, would consider the occasion ideal for persecution of the Jews» [4, p. 183]. Вывод автора неутешителен: даже сильнейшие потрясения не способны объединить человечество, но лишь усиливают разделение: «And all the time that we are fretting about who we are, this cataclysmic threat to our humanity grows and draws closer. It was the same in the Middle Ages: are you a priest, a peasant, a nobleman? People were fighting even as the Black Death swept in»⁵.

Идея опоздания, отчуждения от культурного наследия, выпадения из естественного хода времени преследует героев историкоцентричной прозы: «я асуджаны! Асуджаны да канца дзён блукаць у чужым часе, пад небам, што ўяўляе сабой не больш, як столь, дзе ніколі не шэпчуцца зоркі і не ўзыходзіць здзіўлены месяц» [5, с.7]. Точно так же может упустить и свой исторический шанс целый народ, который в таком случае застывает в стазице, некоем бесконечном ожидании. Как символ незавершенного гештальта истории в творчестве А. Аркуша, В. Орлова возникает тема Летучего голландца, корабля без цели и порта приписки, который не завершил вовремя свою миссию: «Гэты дракар не паспеў на дапамогу Рагвалоду, і цяпер ён непрытульны, як Лятучы Галяндзец»; «Вельмі небяспечна ў лёсаносны пэрыяд не паспець у час» [6, с. 26–27]. Ощущение атемпоральности, обреченной неизменности как приметы кризиса самоидентификации появляется и у героев молодого поколения писателей: «ты трапіла ў свет, які стварыў хтосьці іншы, паводле свайго вобраза і падабенства. А табе зноў выпадае існаваць у чужым жыцці і нават часе»; «ёй здавалася, што час спыніўся. Не, не так: яна спынілася, а жыццё ідзе побач. Маўляў, спектакль, дзе Ліза іграла галоўную ролю, вывучыла словы і падрыхтавала прыгожы касцюм, але спазнілася, і таму пачалі без яе» [7, с. 24].

Таким же образом герой Б. Ансуорта в романе «Losing Nelson» выпадает из серой бесперспективной реальности и живет в закольцованном историческом промежутке наполеоновских войн и день за днем с помощью моделей кораблей воспроизводит давно минувшие сражения своего кумира, адмирала Нельсона. Б. Ансуорт поднимает фактически ту же, что и Х. Мантел проблему потери национального героя / сакрального идеала. Современность не предлагает фигур масштаба Кромвеля или Нельсона, вместо них персонажи видят плакаты с модными кумирами: в романе это Дэвид Боуи, антипод боевого адмирала, провозгласивший борьбу за гармонию с космосом и права животных: «He is just like me—he has the same attitudes that I have, he is nonaggressive, he believes in cosmic harmony and animal rights» [8, с. 137].

Л. Дайнеко идет дальше простого отражения конкретной эпохи. Его романы отличаются высокой степенью абстрагирования в анализе исторических процессов. Вооружившись типичным для приключенческого романа набором пресонажей – герой-воин, его соратник, прекрасная дева, божественный помощник («Жалезныя жалуды», «Назаві сына Канстанцінам»), автор проводит свою команду через несколько ключевых эпох белорусской истории, анализируя, как бы развивалась и сложилась их судьба в каждой из них, то есть начинает свой собственный исторический эксперимент. В «Назаві сына Канстанцінам» Мартин, попавший из своего XVI в. во времена древней Византии, становится легендарным сенатором Палемоном, одновременно прослеживается судьбоносное значение людей с именем Константин в становлении и развитии белорусской государственности (Константин Острожский, Якуб Колас).

Похожее решение, когда герои носят имена (и даже внешний облик) предков, чтобы проиграть те же повороты судьбы, но уже без прошлых ошибок, используется многократно в романах А. Байетт («Possession»), П. Акройда («Hawksmoor», «Chatterton»), С. Фолкса («Birdsong») Л. Рублевской («Золата забытых магіл», «Сутарэнні Ромула», «Дагератып»), а также нового поколения авторов – М. Латышкевич, Е. Асноревского, А. Длатовской, З. Каминской, тексты которых отличаются ярко выраженной тенденцией к переигрыванию исторических сценариев через параллельный сюжет и приемы фантастической литературы: паранормальных способностей героев к «чтению» предметов, путешествий во времени, бесед с призраками («Ген зямлі», «Гульня ў Альбарутэнію») и других способов диалога с прошлым, направленных, прежде всего, на искупление, примирение с реальностью исторической и современной. Через это персонажи получают шанс наконец-то выйти из круга неудач и отвергнуть роль жертвы: «Ясна, што змяніць мінулае немагчыма. Нават галінку грушы не адпілуеш. Будучыню – можна. Цёмныя вочы Далілавага сынулі — таму доказ» [9, с. 133]. И подобно тому, как герои А. Байетт в «Possession» читают потерянные и вновь обретенные признания, которые влюбленные поэты прошлого так и не успели сказать друг другу, герои Л. Дайнеко пишут послание в будущее: «Я напісаў верш і таму нашчадку, які будзе жыць праз пяцьсот гадоў пасля нас <...> – Які ж гэта будзе год? – наморшчыў лоб Лыжыковіч. – Сёння 1507. Значыць, гэта будзе 2007 год, – ганарліва прамовіў Андрэй Шаціла» [10, с. 443].

Заключение. Таким образом, отличительной чертой белорусской и английской прозы, обращенной к истории, является её направленность не только на переосмысление концепций национального прошлого, но и использование временной дистанции как пространства моделирования и эксперимента, поиска созвучных общественно-политических тенденций в предыдущих этапах развития государства. В структуре текста подобные представления часто оформляются в образе спирали истории. Использование параллельных сюжетов в романах А. Байетт, Б. Ансуорта, Л. Рублевской, Л. Дайнеко и др. позволяет авторам смоделировать условия преодоления

⁵ McGinty S. James Meek says his Black death story, to Calais, in ordinary time, relates to climate change // The Times. – URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/james-meek-says-his-black-death-story-to-calais-in-ordinary-time-relates-to-climate-change-czttm310r>.

общественных разделений и примирения наследников носителей различных идеологий. Вследствие этого стилистика подобных произведений отличается определенной условностью, аллегоричностью (Дж. Мик, Л. Дайнеко) и наличием фантастических допущений (мистические совпадения, двойники, зеркальность судеб и имен персонажей). Основной задачей героев становится выстраивание диалога с предыдущими поколениями, восстановление культурных связей через обретение фамильных архивов и артефактов, утерянных документов, вследствие чего герой преодолевает экзистенциальный кризис и чувство одиночества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wallace D. *The Woman's Historical Novel: British Women Writers, 1900-2000*. – Springer: 2004. – 269 p.
2. Аристотель. Риторика // Античные риторика / Пер. Н. Платоновой; под ред. А.А. Тахо-Годи. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 352 с.
3. Рублеўская Л. Сутарэні Ромула: раманы. – Мінск: Кнігазбор, 2012. – 245 – 517 с.
4. Meek J. *To Calais, in Ordinary Time*. – Canongate Books, 2020. – 400 p.
5. Арлоў У. Танцы над горадам // Дзеяслоў. – 2015. – № 6(79). – С. 15–44.
6. Аркуш А. Захоп Беларусі марсіянамі: раман. – Полацк: «Полацкае ляда», 2016. – 263 с.
7. Камінская З. Русалкі клічуць: апавесць. – Мінск: Кнігазбор, 2017. – 107 с.
8. Unsworth V. *Losing Nelson*. – Doubleday, 1999. – 352 p.
9. Рублеўская Л. Забіць нягодніка, альбо гульня ў Альбарутэнію // Сутарэні Ромула: раманы. – Мінск: Кнігазбор, 2012. – 520 с.
10. Дайнека Л. Назаві сына Канстанцінам: раман. – Мінск: Літаратура і Мастацтва, 2010. – 446 с.

Поступила 20.02.2024

THE CONCEPT OF A HISTORICAL SPIRAL IN CONTEMPORARY FICTION OF BRITISH AND BELARUSIAN AUTHORS

V. LIDZIANKOVA
(*Francisk Skorina Gomel State University*)

The article is devoted to the comparative study of the changing tendencies in the ways the key moments of national history are depicted in the works of contemporary British and Belarusian authors. The study is based on the works by H. Mantel, P. Akroyd, L. Daineko, L. Rublevskaya, Z. Kaminskaya. The article identifies the patterns of evolution of character types among writers of different generations. The idea of the cyclical development of history is on the one hand, a way of social commentary on contemporary social trends, for which history provides a much broader context and creative freedom. This is the reason, why the style of historical fiction of the recent decades is often defined as “allegorical realism”. On the other hand, the idea of history as a spiral, the way this idea is reflected in the texts reveals the most acute traumatic episodes of the national past in the collective consciousness.

Keywords: *contemporary prose, historical fiction, motive, model, myth, ethnic stereotypes.*

УДК 811.111'373.211.5(1-21)

DOI 10.52928/2070-1608-2024-72-4-57-61

ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ В ГОДОНИМНОЙ СИСТЕМЕ БРИСТОЛЯ

М.М. ПРИЩЕПА

(Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

e-mail: maksimpr2002@gmail.com

Данная статья является первым исследованием, в котором осуществлен многосторонний анализ системы названий внутригородских линейных объектов Бристоля, выявлены общие и частные принципы их наименований, проанализирована мотивационная модель годонимов города. В работе в корпусе урбанонимов Бристоля в соответствии с лексико-семантической моделью, разработанной ономастом А.М. Мезенко, выделены основные принципы номинации объектов по связи их с человеком, отношению к другим объектам, природным и качественным характеристикам, связи с абстрактными понятиями. Эти принципы осуществляются через различные признаки, на основе которых формируются тематические группы. С точки зрения частотности употребления годонимов наиболее распространенными являются принципы номинации по связи линейных объектов с человеком и их природным и качественным свойствам (34,0%, 31,9%, соответственно). Преобладающий принцип номинации по связи с человеком включает в себя шесть тематических групп, из которых доминирующими по численности и разнообразию являются названия, мотивированные фамилиями земле- и домовладельцев, и мемориальные.

Ключевые слова: ономастика, топоним, урбаноним, годоним, принципы номинации, лингвистический портрет города.

Введение. Совокупность названий внутренних объектов города определяется как урбанонимия, любое название проспекта, площади, улицы, переулка и т.п. является урбанонимом. Любой город имеет многочисленные названия внутригородских объектов, которые для жителей являются критериями, разграничивающими различные урбанонимы. Они помогают соединить в сознании человека действительное пространство города с системой условных обозначений. Урбанонимы должны быть удобны и понятны всем городским жителям.

В последние десятилетия урбанонимика становится всё более интересной для ученых-ономастов, которые детально рассматривают вопросы, не разработанные ранее и не представленные в публикациях. Прежде всего, это распространяется на сравнительную ономастику. В настоящее время исследование топонимов происходит на новом уровне, что определяет комплексное рассмотрение урбанонима, как объекта анализа. Предметом исследования стали урбанонимы не только отдельных населенных пунктов, но и более крупных территорий. В настоящее время уделяется особое внимание всестороннему анализу наименований целых регионов, государств и их объединений по различным признакам, основными из которых являются культурно-исторические [1; 2; 3]. Проанализированы урбанонимы славянских стран: в Республике Беларусь исследования проведены А.М. Мезенко [4], в Республике Польша известны работы К. Handke [5], в Республике Болгария эти вопросы освещены в публикациях Н. Ковачева [6]. Актуальным направлением является историческая топонимика, которая соединяет полученные результаты этнолингвистики, исторической географии и этнической истории.

Эффективным в настоящее время является сравнительно-сопоставительное изучение урбанонимов, употребляемых в одном языке, с урбанонимами, которые присутствуют в других языках. Ученые-ономасты работают над вопросами сопоставительной урбанонимики в разных регионах и странах [3], уделяя значительное внимание лингвокультурологической составляющей анализа урбанонимов [7]. Появляются научные публикации, в которых рассматриваются ассоциации имен собственных с национальными и культурными особенностями того или иного народа [8]. Е.А. Сизова провела сравнительно-сопоставительное исследование урбанонимов французского, английского и русского языков [9]. Установлены и проанализированы в сопоставительном аспекте основные компоненты ономастического пространства белорусского и французского городов [2]. Проведен анализ годонимов Минска, Варшавы и Софии [10]. Рассмотрение наименований, в основе которых лежат региональные топонимы, показало отличительные характеристики их функционирования как языковых единиц, которые выступают в качестве историко-культурных памятников. Урбанонимиконны городов могут совпадать в репрезентативности разных групп, но каждый из них имеет собственные отличительные особенности, обусловленные традициями именования городских топонимов, сформированными в разных странах.

Ряд авторов проводили исследования в области английской годонимики [11; 12]. Ими установлено, что английские названия (на примере годонимов Лондона) возникали в течение длительного времени под влиянием факторов, основным из которых является исторический период, в котором они возникали. По мнению К.О. Климуль, развитие урбанонимии Великобритании охватывает несколько этапов. Первый этап начинается в X в. В это время англосаксы разрушили центральные поселения бывшей римской провинции и начали их заново отстраивать, что сопровождалось появлением первых годонимов Лондона. Самые древние названия улиц были представлены видовыми терминами [12], которые применялись без каких-либо изменений. Таким образом, происходила трансформация имен существительных нарицательных в имена существительные собственные, причем этот переход осуществлялся чаще всего с сохранением артикля.

На втором этапе возникают описательные названия. Они формируются с присоединением апеллятива, который указывает на характерные признаки объекта. Первыми компонентами наименования являлись имена существительные и имена прилагательные, выполняющие функции определения [12]. Из имеющихся в настоящий период в английской столице улиц наиболее древними являются названия, которые относятся к XIII в. Доминирующими названиями, появившимися в XIII–XIV вв., выступают принадлежностные. Следующая появившаяся группа названий улиц включает в себя наименования объектов по храмам, церковным праздникам и именам святых. В XVII в. возникают названия, мотивированные именами королевских особ и членов их семей. В последующие периоды появляется необходимость переименования внутригородских объектов. Новые наименования улиц английских населенных пунктов чаще всего возникают на основе ранее устоявшихся списков наименований, наиболее привычных для жителей города.

Многие исследователи в течении последних десятилетий обращались к разработке лексико-семантических классификаций топонимов [8; 9; 11]. В настоящее время существуют разнообразные способы изучения лексико-семантической структуры топонимов, однако не каждый из них может применяться при исследовании урбанонимов. В 1990-е гг. профессор А.М. Мезенко предложила классификационную модель, разработанную на материале белорусских урбанонимов [13]. Ученый-ономаст выделила базовые принципы номинации, которые встречаются во многих топонимических системах, разработанных в настоящее время. Как справедливо отмечают многие лингвисты, эта классификация является одной из наиболее разработанных в современной топонимике. В связи с этим в нашем исследовании для анализа урбанонимического материала применена классификация лексико-семантических типов топонимов, разработанная А.М. Мезенко.

Языковой материал нашего исследования представили номинации неофициальной столицы Западной Англии, старейшего британского города, важного культурного центра – Бристоля (427 единиц). Анализ осуществлялся для выявления мотивов отбора номинаций внутригородских объектов Бристоля, их общих, специфических и культурно-исторических характеристик. Сравнительно-сопоставительная оценка представляет возможность определить взаимоотношения индивидуальных номинаций и разных аспектов: общественных, исторических, национальных, культурных. Изучение этого вопроса становится главной составляющей в выяснении взаимосвязи культуры и языка в существующем гуманитарном поле.

Цель статьи: определение лексико-семантических мотиваций названий внутригородских линейных объектов Бристоля.

Материалом исследования послужили списки годонимов Бристоля, полученные методом сплошной выборки из представленных в открытом доступе на официальном сайте Geographic.org/streefview, топографических карт и топонимических словарей. Методологический инструментарий исследования сформирован методами систематизации и инвентаризации ономастического материала, качественно-количественным анализом лексических единиц, методом сравнения, методами структурного анализа и семантического описания, дескриптивным методом, элементами статистического анализа.

Основная часть. В основу лексико-семантической классификации, предложенной А.М. Мезенко [13], легли следующие принципы номинации внутригородских линейных объектов: по связи с человеком, по присущим свойствам и качествам, по отношению к другому значимому объекту, по связи с абстрактным понятием. В нашем исследовании мы применили эту схему для классификации годонимов Бристоля. В результате следует отметить, что доминирующим является принцип номинации годонимов по его связи с человеком (145 единиц, 34,0%), так как человеческая деятельность представляет собой определяющий фактор в наименовании линейных объектов. Вторым по представительству являлся принцип по свойствам и качествам, присущим улице (136 единиц, 31,9%). Количество наименований улиц, которые образованы в соответствии с третьим принципом номинации, составляет 117 единиц 27,4%. Самым немногочисленным принципом номинации объектов (29 единиц, 6,7%) является принцип, отражающий связь наименования улицы с абстрактным понятием.

Рассмотрим каждый из приведенных принципов.

1. Принцип номинации годонима по его связи с человеком

Этот принцип, как отмечалось ранее, является наиболее частотным в пределах урбанонимии Бристоля. В его основу легли разнообразные признаки, среди которых выделены следующие:

- 1) названия улиц, основным признаком которых была национальная принадлежность жителей: *Moravian Road* – Моравская улица, *Jewish Street* – Еврейская улица;
- 2) прямая номинация по ремеслу жителей: *Kiln Close* – Печной тупик, *Millers Drive* – Проезд мельников, *Claymore Crescent* – Оружейная дуга, *Tailor's Court* – Портняжный двор. В XV–XVI вв. занятые одинаковым ремеслом люди селились вместе, то есть ремесло жителей давало название улице;
- 3) сословная принадлежность: *Abbots Street* – улица Священников, *Knight Lane* – Рыцарский переулок;
- 4) принадлежность лиц к той или иной общности людей: *All Saints Street* – улица Всех Святых;
- 5) имена и фамилии первооселенцев населенного пункта, земле- и домовладельцев, застройщиков: *Gillard Road* – улица Гилларда (Генри Гиллард основал компанию Gillards of Bath в 1888 г. и открыл свой первый чайно-кофейный магазин), *Boultons Road* – улица Болтона (Мэттью Болтон (1728–1809) – в конце XVIII в. на его фабриках выпускались паровые машины, что способствовало механизации английской промышленности). Следует отметить, что годонимы, актуализирующие данный признак, образуют самую многочисленную группу среди номинаций годонимов по его связи с человеком;

б) мемориальные названия. Как отмечает А.М. Мезенко, в XVIII–XIX вв. меняется характер номинации, и она из естественной превращается в искусственную [13], что предопределяет переход от наименований по владельцам к именам-посвящениям:

– видные чиновники и государственные деятели: *Samuel Wright Close* – тупик Сэмюэла Райта (Сэмюэл Райт (1683–1746) – английский министр в XVIII в.), *Fawkes Close* – тупик Фокса (Гай Фокс, участник Порохового заговора), *Wentforth Drive* – проезд Уэнтворта (Томас Уэнтворт (1501–1551) – английский аристократ, двоюродный брат королевы Джейн Сеймур, лорд-камергер и член Тайного совета при короле Эдуарде VI), *Kimberley Road* – улица Кимберли (название улицы впервые появилось в 1897 г., когда Джон Вудхаус, 1-й граф Кимберли, дал свое имя этой улице. Он был государственным секретарем по делам колоний с 1870 по 1874 гг. и служил при премьер-министре Уильяме Эварте Гладстоне);

– ученые и деятели культуры: *Alfred Lovell Road* – улица Альфреда Ловелла (Альфред Ловелл (1913–2012) – английский астроном, президент Королевского астрономического общества (1969–1971)), *Macrae Court* – двор Макрея (Джереми Томас Макрей Лэколл (1969) – английский музыкант), *Tippetts Street* – улица Типпетта (Майкл Типпетт (1905–1998) – английский композитор);

– церковные деятели: *St. Davids Street* – улица Святого Давида; *Wesley Lane* – переулок Уэсли (Джон Уэсли (1703–1791) – английский священнослужитель, богослов и проповедник, руководитель движения ривайвизма в англиканской церкви, известного как методизм); *Tyndale Street* – улица Тиндейла (Уильям Тиндейл (1494–1536) – английский протестантский реформатор, учёный-гуманист).

Таким образом, в рамках первого принципа, который отражает связь годонима с человеком, выявлено шесть тематических групп, отличающихся по численности и представительству. Самыми разнообразными и многочисленными являются мемориальные названия и названия, мотивированные фамилиями первопоселенца, домо- и землевладельца.

2. Принцип номинации годонимов по его свойствам и качествам

Этот принцип включает шесть групп, отличающихся по основополагающему признаку:

1) физико-географические названия, в основе которых лежат:

– признак величины: *Great Lane* – Великий переулок;

– конфигурация объекта: *Lintern Crescent* – Фонарная дуга;

– особенности почвы: *Lees Lane* – Мокрый переулок, *Freshland Way* – Дорога свежей земли;

– степень застроенности улицы: *Hollow Road* – Пустая улица;

– пространственные параметры: *Broad Road* – Широкая улица;

– размер объекта: *Two Mile Court* – двор Двух миль,

– названия, мотивированные физико-географическими особенностями региона (наличие рек, озер, ручьев, лесов, оврагов и т.п.): *Long Handstones Lane* – Длинный брусчатый переулок, *Footshill Street* – Улица у подножия холма, *Hillside Road* – Улица на склоне холма;

2) названия улицы по времени возникновения: *Newent Road* – Новая улица, *Old Avenue* – Старое авеню;

3) «цветные» названия: *Blackhorse Road* – улица Черной лошади, *Rose Oak Road* – улица Розовых дубов, *Green Street* – Зеленая улица);

4) флористические названия. В урбанонимии Бристоля встречаются названия по общему характеру растительного ландшафта: *Woodland Street* – Лесная улица, *Woodland Lane* – Лесной переулок, *Broadfield Road* – Широкая полевая улица; или видовым названиям растений: *Primrose Close* – Тупик примул, *Maple Lane* – Переулок кленов, *Chestnut Way* – Каштановая дорога;

5) фаунистические названия: *Cock Road* – Петушиная улица, *Peacocks Lane* – Павлиний переулок, *Deerswood* – Оленья роща;

6) эмоционально-характерологические названия: *Sunny Walk* – Солнечная аллея, *Honey Hill Road* – улица Медового холма.

3. Принцип номинации годонимов по отношению к другим объектам

Анализируемый принцип номинации характеризуется двумя признаками: первый является наиболее частотным и описывает расположение годонима по отношению к другому урбанониму; второй – менее частотный признак – отражает связь улицы с другим ойконимом. Первый признак присутствует у нескольких лексико-семантических групп:

1) признак имеют годонимы, связанные с архитектурными сооружениями:

а) культовыми объектами: *St. Michaels Court* – двор Святого Михаила, *St. Ivel Way* – дорога Святого Ивела, *St. Paul's Street* – улица Святого Павла;

б) учебными, лечебными и другими инфраструктурными элементами: *College Court* – Двор колледжа, *School Lane* – Школьный переулок; *University Street* – Улица к университету;

в) промышленными объектами: *Ferry Street* – Улица к парому, *Derrick Street* – Улица докового крана;

г) магазинами и торговыми центрами: *Market Lane* – Торговый переулок, *Chiphouse Street* – Закусочная улица;

д) учреждениями: *Bank Street* – Банковская улица;

2) признак имеют годонимы, описывающие местоположение улицы относительно природных объектов: *Footshill Street* – Улица у подножия холма; *Field Drive* – Полевой проезд; *Lake Street* – Озерная улица;

3) признак имеют топонимы, описывающие географическое направление: *North Tower Road* – Северная улица к Тауэру; *South Street* – Южная улица;

4) этот признак лежит в основе наименований, повторяющих название других урбанонимов. В группу входят названия более мелких внутригородских единиц, располагающихся рядом с одноименной улицей и повторяющих ее название: *Newton Road* – улица Ньютона, *Newton Drive* – проезд Ньютона, *Newton Close* – тупик Ньютона; *Ebert Road* – улица к парку Эберт, *Ebert Drive* – проезд к парку Эберт; *Duncombe Road* – улица Данкомба, *Duncombe Lane* – переулок Данкомба. Эти повторяющиеся наименования указывают на наличие урбанонимической иррадиации.

Другой признак устанавливает связь наименования улицы с географическими особенностями ландшафта. В эту номинацию входят:

1) топонимы, мотивированные гидронимами, оронимами, микротопонимами: *Thirlmere Court* – Тирлмерский двор (Тирлмер – озеро); *Hinton Drive* – Фермерский проезд; *Elmfield Close* – тупик Элмфилдского парка;

2) топонимы по наименованию населенных пунктов, к которым ведут улицы: *New Cheltenham Road* – Нью-Челтенхэмская улица, *Oakridge Close* – Окриджский тупик, *Wraxall Road* – Рексоллская улица;

3) названия, являющиеся символами контактов, существующих между городами и странами: *Britannia Road* – Британская улица; *London Street* – Лондонская улица; *Denmark Street* – Датская улица; *California Road* – Калифорнийская улица.

4. Принцип номинации топонима по связи с абстрактным понятием

Этому принципу соответствуют следующие группы наименований по:

1) названиям месяцев: *April Street* – Апрельская улица;

2) названиям пор года: *Summer Close* – Летний тупик;

3) абстрактным понятиям: *Jubilee Road* – Юбилейная улица, *Unity Street* – улица Единства, *Hopes Street* – улица Надежды.

Заключение. В названиях внутригородских линейных объектов Бристолья рассмотрены принципы номинации по: отношению к другим объектам, по связи с человеком, природным характеристикам и связи с абстрактным термином. Эти принципы осуществляются через различные признаки, на основе которых сформированы тематические группы топонимов. Самые значительные и разнообразные – это принципы номинации по характеристикам топонима и его связи с человеком. Вышеописанная модель и принципы номинаций топонимов Бристолья отражают их зависимость от временного этапа: они находятся в соответствии с идейно-эстетическим и культурно-историческим содержанием общественной деятельности и социальной жизни человека разных исторических эпох. Поэтому закономерны совпадения принципов и моделей номинации городских объектов у разных народов в одни и те же периоды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мезенко А.М. Имя внутригородского объекта в истории. Об урбанонимах Беларуси XIV – нач. XX в. – Минск: Выш. шк., 2003. – 296 с.
2. Дорофеенко М.Л. Внутригородская ономастическая терминология в русском и французском языках: сравнительно-сопоставительный аспект // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. – 2022. – № 3. – С. 56–66.
3. Ван Ли. Русскоязычная урбанонимия Беларуси в сопоставлении с китайской: структура, номинация. – Витебск, 2010. – 179 с.
4. Мезенко А.М. Урбанонимия Белоруссии. – Минск: Университетское, 1991. – 167 с.
5. Handke K. Polskie nazewnictwo miejskie. – Warszawa: PAN, 1992. – 153 p.
6. Ковачев Н.П. За названията на улиците в България // Тр. на Высшия пед. инст. «Братя Кирил и Методий». – В. Търново, 1970. – Т. 6. – № 1. – 51 с.
7. Чупрак К.А. Лингвокультурологический анализ названий улиц Гамбурга, Берлина и Вены // Изв. Рос. гос. пед. ун-та имени А.И. Герцена. – 2008. – № 49. – С. 246–250.
8. Егорова Т.П. Названия улиц в семиотическом аспекте общности стилей (на материале скандинавских и английских урбанонимов) // Ономастика. Типология. Стратиграфия. – М., 1988. – С. 112–120.
9. Сизова Е.А. Лингвокультурологический анализ урбанонимов: на материале английского, русского и французского языков: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.20. – М., 2005. – 202 л.
10. Никитина Ю.Л. Номинация внутригородских объектов у славян: сходства и отличия // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуман. науки. – 2011. – № 10. – С. 89–92.
11. Стаселько Е. Мотивы номинации внутригородских объектов в русскоязычной и англоязычной культурах (на материале топонимов Минска и Лондона) // Мир языков: ракурс и перспектива: материалы IV Междунар. науч. практ. конф., Минск, 22 апр. 2013 г. / редкол.: Н.Н. Нижнева (отв. редактор). – Минск: БГУ, 2013. – С. 87–96.
12. Климуть К.О. Топонимика Лондона (принципы классификации топонимов) // Скориновские чтения – 2021: роль книги в современном обществе: материалы V Междунар. форума, 7–8 окт. 2021 г. – Минск: БГТУ, 2021. – С. 274–277.
13. Мезенка Г.М. Віцебшчына ў назвах вуліц: у 2 ч. – Віцебск: УА «ВДУ імя Машэрава», 2008. – Ч. 1. – 363 с.

Поступила 16.04.2024

THE PRINCIPLES OF NOMINATION IN THE BRISTOL GODONYMIC SYSTEM

M. PRYSHCHEPA*(Vitebsk State University named after P.M. Masherov)*

This article is the first study in which a multilateral analysis of the system of names of inner-city linear objects of Bristol has been carried out, general and particular principles of their names have been identified, and the motivational model of the city's place names has been analyzed. In the work in the corpus of Bristol urbanonyms, in accordance with the lexical and semantic model developed by onomast A.M. Mezenko, the basic principles of the nomination of objects according to their connection with a person, relation to other objects, natural and qualitative characteristics, connection with abstract concepts are highlighted. These principles are implemented through various signs, on the basis of which thematic groups are formed. From the point of view of the frequency of use of godonyms, the most common are the principles of nomination for the connection of linear objects with humans and their natural and qualitative properties (34.0%, 31.9%, respectively). The prevailing principle of the nomination for human relations includes six thematic groups, of which the dominant ones in terms of number and diversity are names motivated by the surnames of landowners and homeowners, and memorial ones.

Keywords: *onomastics, toponym, urbanonym, godonym, principles of nomination, linguistic portrait of the city.*

УДК 81'373.211.5:911.2(476+44)

DOI 10.52928/2070-1608-2024-72-4-62-65

**ВИКОНИМЫ БЕЛАРУСИ И ФРАНЦИИ,
ОТРАЖАЮЩИЕ ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕСТНОСТИ**

канд. филол. наук, доц. **М.Л. ДОРОФЕЕНКО**
(Белорусский государственный университет, Минск)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1094-7316>
e-mail: mari008@mail.ru

В статье отражены результаты сопоставительного изучения виконимов, отражающих физико-географические особенности местности. Выявлены основные тематические группы, включающие названия данной разновидности в подсистемах внутрисельских названий Беларуси и Франции: «Элементы ландшафта», «Флора», «Функциональная специализация», «Качества объекта и местности, а также количественные отношения этих групп. Определены общицы для двух национальных ономастических подсистем мотивирующие единицы. Установлены одноименные и национально-специфические подгруппы наименований, номинативные особенности, свойственные анализируемой категории названий. Определено, что для указанной разновидности виконимов характерны как типологически сходные (одноименные группы названий, частичное совпадение строения периферии семантического поля, некоторое количество общих мотивирующих слов, использованных в двух подсистемах для образования названий), так и национально-специфические черты (разные номинативные приоритеты и несовпадения в структурировании пространства в виконимии, значительное количественное расхождение в соотношении структурных компонентов семантического поля, наличие тематических разновидностей виконимов, свойственных лишь одной из подсистем).

Ключевые слова: виконим, внутрисельское название, национально-специфическая подгруппа, тематическая группа, общий мотиватор, физико-географические особенности местности, элементы ландшафта, Беларусь, Франция.

Введение. Внутрисельские наименования, характеризующие физико-географические особенности местности, связаны со значимыми для жителей данной территории элементами ландшафта, являющимися частью географического пространства – важнейшей реалии бытия. Актуальность настоящего исследования обусловили следующие факторы:

- а) перспективность изучения специфики восприятия географического пространства как одного из наиболее динамично разрабатываемых вопросов в современных гуманитарных исследованиях;
- б) отсутствие работ, посвященных анализу этой разновидности внутрисельских названий как одного, так и нескольких регионов;
- в) необходимость восполнить лакуны в изучении данного сегмента языковой картины мира.

Цель исследования – установление номинативных особенностей виконимов Беларуси и Франции, отражающих физико-географические особенности местности. Достижению поставленной цели способствовало решение следующих задач: определение общих тематических групп, одноименных и национально-специфических разновидностей наименований в рамках исследуемой категории проприальных единиц; установление номинативных приоритетов, свойственных белорусской и французской виконимии; выявление общих мотиваторов.

Создание и эволюция имен собственных в значительной степени обусловлены культурой народа, сформировавшего их. Названия, отражающие физико-географические особенности местности, являются частью виконимной картины мира, представляющей собой систему внутрисельских номинаций, функционирующих в языке и вербализующих содержание концептуальной картины мира, в которой находят выражение особенности восприятия действительности, отражаются национально-специфические черты народа. Для характеристики названий внутрисельских объектов особенно важным является описание физико-географических особенностей местности, однако внутрисельский материал Беларуси и Франции до сих пор не получил освещения с этой точки зрения ни в рамках одной национальной подсистемы номинаций, ни в сопоставлении, что и обусловило новизну осуществленного исследования. Значимость изучения данной ономастической категории подкрепляется тем фактом, что, согласно полученным количественным данным, эта тематическая разновидность наименований лидирует среди всех виконимов (преобладает в каждой области Беларуси¹, а на Витебщине в виконимии приходится 49,1% vs 6,5% в урбанонимии [1, с. 146]). В результате анализа современных российских систем виконимов (на примере Некоузского, Первомайского, Рыбинского, Тутаевского районов Ярославской области) Р.В. Разумов пришел к выводу, что «в системах виконимов, в отличие от систем урбанонимов, преобладают имена собственные, отражающие какие-либо особенности называемого объекта» [2, с. 146].

Виконимы, отражающие физико-географические особенности местности, соответствуют принципу номинации по свойствам и качествам объекта в классификациях белорусских ученых А.М. Мезенко [1], М.Л. Дорофеенко², отчасти соотносятся с характерологическими названиями [3] или названиями-характеристиками [4] по терминологии белорусских и российских ономастов соответственно.

¹Дорофеенко М.Л. Виконимия Беларуси: номинативный, лингвогеографический, лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. – Минск, 2015. – С. 3.

²Там же.

Установлено, что внутрисельским названиям, отвечающим принципу номинации объекта по его свойствам и качествам, то есть характерологическим наименованиям, соответствуют следующие тематические группы: а) виконимы, отражающие физико-географические особенности местности; б) внутрисельские названия описывающие параметрические, темпоральные и качественные характеристики линейного объекта [3]. Из числа разновидностей виконимов-характеристик, выделенных Р.В. Разумовым, названия, отражающие функциональные особенности объекта, обусловлены физико-географическими особенностями местности [4, с. 132]. Во французской ономастической науке малочисленны исследования, посвященные внутрисельским наименованиям. В существующих работах выделяется, например, семь тематических групп, из которых названия одной соотносятся с физико-географическими особенностями местности – наименования, связанные с наличием значимого объекта (топографического) – *rue de la Carrière* ‘Карьерная ул.’³, *rue du Mont* ‘Горная ул.’ [5, р. 122].

В целом как в белорусской и российской, так и французской науках об именах собственных более изучены являются внутригородские названия. Урбанонимы, отражающие физико-географические особенности местности, упоминаются, например, в классификациях А.М. Мезенко, Р.В. Разумова, Н.Ю. Забелина; Д. Бадариотти, Ж.-К. Бувье, П.-А. Билли. Французские авторы выделяют две крупные категории урбанонимов: характеризующие и мемориальные названия. Как пишет, Ж.-К. Бувье, с точки зрения способа обозначения эти два типа топонимов в принципе явно различимы. Характеризующие топонимы, независимо от того, расположены они в городской или сельской местности, имеют ярко выраженный референциальный характер. Определитель, который следует за родовым наименованием, а иногда и предшествует ему, устанавливает прямую смысловую связь с референтом, характеристика которого считается существенной, и выражается следующим образом: *rue du Moulin* ‘Мельничная ул.’ – улица, ведущая к мельнице или на которой находится мельница [6, р. 304].

В отдельных публикациях выявляются номинативные особенности виконимии северо-восточных регионов Беларуси и Франции. Так, в опубликованных нами ранее работах показано, что отапельтативные внутрисельские названия формируют подгруппы, отражающие различные особенности местности или объекта: **физико-географические** (*Лесная ул.* – аг. Задубровье, *rue des Jardins* ‘Садовая ул.’ – Серне-ле-Реймс); **флористические**: (*Вишнёвая ул.* – аг. Новка; *rue des Acacias* ‘ул. Акаций’ – Берю, *rue des Châtaigniers* ‘Каштановая ул.’ – Берю, *allée des Lilas* ‘Сиреневая ул.’ – Серне-ле-Реймс, *impasse des Oliviers* ‘Оливковый туп.’ – Берю [7, с. 83]. В исследовании определено также, что в белорусской и французской виконимии наиболее многочисленны названия, описывающие физико-географические, архитектурные, флористические особенности внутрисельского объекта, выделены мотиваторы, общие для белорусской и французской виконимных систем – *сад, парк, школа* [7, с. 83].

Основная часть. Материалом нашего исследования послужили виконимы крупных сельских населенных пунктов Витебского и Полоцкого районов Витебской области Беларуси (далее – ВБ) и департаментов Нижний Рейн и Марна Большого восточного региона Франции (далее – ВФ), отражающие физико-географические особенности местности, общей численностью 472 номинации. Анализируемая в данной статье группа единиц составляет 28,4% от общего количества виконимов Беларуси и 33,9% – Франции. Номинативные единицы были отобраны методом целенаправленной выборки из справочников улиц населенных пунктов Беларуси и Франции и электронных карт. В рамках синхронного анализа данной категории виконимов использовались следующие методы: описательный (для характеристики явлений и выявления их номинативных особенностей), сопоставительный и типологический (для описания реалий соотносимых неродственных языков, установления общего и различного в схожих единицах), количественный (для представления результатов в виде числовых данных), полевой (для описания виконимных подсистем посредством установления ядерно-периферийных отношений, характерных для них) лингвокультурологической интерпретации (для установления содержащихся в материале культурно значимых смыслов).

Виконимы, отражающие физико-географические особенности местности, – тематический класс лингвокультурологического поля «Место» виконимного пространства Беларуси и Франции вместе с еще четырьмя классами: «топонимные ориентиры», «архитектурные ориентиры», «виконимные ориентиры», «пространственные и параметрические особенности», – объединенными описанием определенного пространства на основе лексико-семантической общности и выполнением функции указания местоположения.

Виконимы, отражающие физико-географические особенности, характеризуют различные специфические черты местности и её рельефа и представлены четырьмя тематическими подклассами. Ниже мы приводим эти подклассы в порядке убывания количества единиц.

I Элементы ландшафта (43,0% от общего количества названий). Данная группа занимает первое место по многочисленности в ВБ и второе в ВФ. В двух подсистемах преимущественны виконимы, мотивирующими основами для образования которых выступают элементы нейтрального рельефа, в частности земельных и лесных угодий (*Луговая ул.*⁴, *Парковая ул.*, *Садовая ул.*; *rue des Champs* ‘Полевая ул.’, *rue des Prés* ‘Луговая ул.’), гидрообъектов (*rue de la Rivière* ‘Речная ул.’). Общими для обеих национальных подсистем являются мотиваторы *лес, луг, парк, река, сад*. Кроме того, зафиксированы единичные номинации, связанные с отрицательными формами рельефа (*Овражная ул.*, *rue de la Carrière* ‘Карьерная ул.’, *rue de la Vallée* ‘Долинная ул.’), для образования данных

³Здесь и далее – перевод наш.

⁴Здесь и далее – приведенные примеры зарегистрированы в сельских населенных пунктах Витебского и Полоцкого р-в Витебской обл. Беларуси (для белорусской виконимии), а также департаментов Нижний Рейн и Марна Большого восточного региона Франции (для французской).

названий не задействованы общие мотивирующие основы. Таких номинативных единиц больше в ВФ, где обнаруживаются также внутрисельские названия, обусловленные положительными элементами ландшафта (*rue de la Montagne* ‘Горная ул.’, *rue de la Petite Montagne* ‘ул. Маленькой Горы’). Подобные проприальные единицы не зафиксированы в ВБ.

II Флора (32,0% от общего количества названий). Данная подгруппа названий занимает третье место в ВБ и первое в ВФ. В обеих подсистемах функционируют названия, мотивационно связанные со следующими разновидностями растительности: цветами (*Vasильковая ул.*, *Цветочная ул.*; *rue des Primevères* ‘ул. Первоцветов’, *rue des Tulipes* ‘Тюльпановая ул.’); различными породами деревьев (*Листви́чная ул.*; *rue des Platanes* ‘Платановая ул.’), видами кустарников (*Сиреневая ул.*; *rue des Lilas* ‘Сиреневая ул.’) и растений (*ruelle des Cotons* ‘Хлопковый пер.’, *rue des Roseaux* ‘Тростниковая ул.’); плодовых культур (*Вишнёвая ул.*, *Земляничная ул.*; *rue des Sorbiers* ‘Рябиновая ул.’, *rue des Pommiers* ‘Яблоневая ул.’). В ВФ данная тематическая группа включает большее количество конститuentов, в ВБ перечисленные разновидности представлены немногочисленными номинативными единицами. Тем не менее в их числе обнаружено несколько мотивирующих единиц, совпадающих с французскими мотиваторами: *цветы, сирень, вишня*.

III Качества объекта и местности (5,3% от общего количества названий). Данная подгруппа виконимов, занимающая второе место в ВБ и пятое в ВФ, объединяет названия, характеризующие объект или территорию, на которой он находится. При этом в двух национальных подсистемах наименования, описывающие сам объект (*Солнечная ул.*, *Ясная ул.*; *rue du Soleil* ‘Солнечная ул.’), численно превышают единицы, характеризующие местность (*Песочная ул.*, *rue des Sablons* ‘Песочная ул.’). Данная подгруппа содержит два общих для белорусских и французских номинаций мотиватора – *солнце, песок*.

IV Функциональная специализация (6,0% от общего количества названий). Эта подгруппа виконимов занимает четвертое место как в ВБ, так и в ВФ, и представлена названиями, определяющими функциональное предназначение объекта (*Кольцевая ул.*, *Шоссейная ул.*; *route Départementale 994* ‘Ведомственная дорога; трасса 994⁵; *route Nationale* ‘Автострада; национальная дорога государственного значения’⁶). В двух подсистемах данная группа восходит преимущественно к обозначениям типов дорог, свойственных конкретной стране, и не содержит общих мотивирующих единиц.

Следует заметить, что в обеих национальных подсистемах подгруппы «Качества объекта и местности» и «Функциональная специализация» представлены незначительным количеством виконимов.

Для ВФ свойственна одна национально-специфическая группа названий – виконимы, восходящие к названиям животных: а) птиц (*rue des Alouettes* ‘Жаворонковая ул.’); б) зверей (*rue des Écureuils* ‘Беличья ул.’, *rue des Lièvres* ‘Заячья ул.’); в) насекомых (*voie de l'Abeille* ‘Пчелиный тр.’). Данная тематическая разновидность занимает третье место в ряду виконимов, отражающих физико-географические особенности местности (20,7%). В ВБ зарегистрировано только одно название данной тематики – *Соловьинная ул.* В ВБ 5,0% названий – это номинативная единица *Зелёная улица*, которая прежде всего связана с обозначением растительности, в ВФ есть эквивалентное наименование, отмеченное в одном поселении – *rue Verte* ‘Зелёная ул.’.

Полевая организация виконимов, отражающих физико-географические особенности местности, имеет следующие различия в двух лингвокультурах: в ВБ в ядро входят названия группы «Элементы ландшафта» (66,7%), в ВФ – «флора» (39,6%); околоядерное пространство ВБ занимают названия групп «Качества объекта и местности» (11,7%), «Флора» (10%), в ВФ – «Элементы ландшафта» (34,8%), «Фауна» (20,7%); близкими к околоядерному пространству являются названия групп «Функциональная специализация» (7,0%), «Цвет» (7,0%) в ВБ и «Качества объекта» (11,7%), «Функциональная специализация» (5,5%) в ВФ; периферия ВБ состоит из единичных названий, связанным с функциональной специализацией (5,8%), цветом (5,0%), фауной (0,8%), ВФ – с качествами объекта и местности (3,1%), функциональной специализацией (1,4%) и цветом (0,3%).

Заключение. Таким образом, сопоставительный анализ виконимов, отражающих физико-географические особенности местности, позволил установить номинативные особенности, свойственные анализируемой категории названий. Определены общие и национально-специфические черты, характерные для указанной разновидности названий. Так, две национальные виконимные подсистемы сближает следующее:

- 1) наличие одноименных групп названий, включающих виконимы, которые отражают физико-географические особенности местности («Компоненты ландшафта»; «Флора»; «Качества объекта и местности»; «Функциональная специализация»);
- 2) частичное совпадение строения периферии семантического поля, включающей единичные названия, связанные с функциональной специализацией, цветом;
- 3) некоторое количество общих мотиваторов, использованных в обеих национальных подсистемах для образования названий.

⁵Ведомственная дорога, как указано в статье Л131-1 ПДД, входит в ведомственную территорию дорог общего пользования. Доступ к ней совершенно бесплатный, а её строительство и содержание находятся в ведении местных властей, в отличие от национальной дорожной сети. – Route départementale: que faut-il savoir avant de circuler? [En ligne]. – URL: <https://www.envoituresimone.com/code-de-la-route/cours/route/voies/route-departementale>.

⁶‘Автострада; национальная дорога государственного значения’ – дорога, построенная и обслуживаемая государством – Route nationale ou nationale (nom féminin) [En ligne] // Dictionnaire Français en ligne – Larousse – URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/nationale/53861#157746>.

Национально-специфические черты белорусской и французской виконимных подсистем проявляются в следующем:

1) разные номинативные приоритеты и несовпадения в структурировании пространства в виконимии, что выражается в неодинаковом полевом строении ядра и околоядерного пространства подсистем виконимов, отражающих физико-географические особенности местности (в ВБ ядро сформировано виконимами, связанными с элементами ландшафта, в ВФ – с флорой; околоядерное пространство в ВБ – с качествами объекта и местности, флорой; в ВФ – с фауной);

2) значительное количественное расхождение структурных компонентов семантического поля, которое объединяет виконимы, отражающие физико-географические особенности местности в ВБ и ВФ. Так, разница между ядром и околоядерным пространством в ВБ составляет около 55%, в ВФ – чуть более 14%, между околоядерным пространством и периферией – 4,2% в ВБ и 3,1% в ВФ;

3) функционирование как многочисленных, так и немногочисленных разновидностей виконимов, свойственных лишь одной из подсистем (тематическая группа «Фауна» в ВФ и названия, связанные с цветом, в ВБ).

ЛИТЕРАТУРА

1. Мезенка Г.М. Віцебшчына ў назвах вуліц: у 2 ч. – Віцебск: УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2008. – Ч. 1. – 363 с.
2. Разумов Р.В. Особенности современных российских систем виконимов (на примере Некоузского, Первомайского, Рыбинского, Тутаевского районов Ярославской области) // Ярослав. пед. вестн. – 2013. – Т. 1, № 1. – С. 145–149.
3. Белорусское Поозерье на ономастическом ландшафте малой родины / А.М. Мезенко, М.Л. Дорофеенко, Т.И. Синкевич, Т.П. Слесарева; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2023. – 200 с.
4. Разумов Р.В. Современная виконимия Ярославской области // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы II Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 8–10 сент. 2012 г. / Урал. ун-т; редкол.: Е.Л. Березович (отв. ред.). – Екатеринбург, 2012. – Ч. 1. – С. 131–133.
5. Debrie R. Les noms de rues traditionnels des communes rurales de la Somme // Nouvelle revue d'onomastique. – 1987. – №9–10. L'Ardenne, l'eau et la forêt. – P. 121–125.
6. Bouvier J.-C. Odonymes d'agglomération entre l'écrit et l'oral // Nouvelle revue d'onomastique. – 1999. – №33–34. – P. 303–310.
7. Дорофеенко М.Л. Номинативные особенности виконимии северо-восточных регионов Беларуси и Франции // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т; сост.: А.М. Мезенко, М.Л. Дорофеенко, Ю.В. Дулова, О.В. ШEVERИНОВА; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск, 2018. – С. 82–86.

Поступила 10.06.2024

VICONYMS OF BELARUS AND FRANCE, REFLECTING THE PHYSICAL AND GEOGRAPHICAL FEATURES OF THE AREAS

M. DARAFEYENKA
(Belarusian State University, Minsk)

The article reflects the results of a comparative study of viconyms that reflect the physical and geographical features of the area. The main thematic groups have been identified, including the names of this variety in the subsystems of intravillage names in Belarus and France: "Landscape elements", "Flora", "Functional specialization", "Quality of the object and area", as well as the quantitative relationships of these groups. Motivating units common to the two national onomastic subsystems are identified. The eponymous and nationally-specific subgroups of names, nominative features characteristic of the analyzed category of names have been established. It has been determined that for this type of viconyms they are characterized as typologically similar (similar name groups, partial coincidence of the structure of the periphery of the semantic field, a certain number of common motivating words used in two subsystems to form names), as well as nationally specific features (different nominative priorities and discrepancies in the structuring of space in viconymy, a significant quantitative discrepancy in the ratio of structural components of the semantic field, the presence of thematic varieties of viconyms characteristic of only one of the subsystems).

Keywords: viconym, intravillage name, nation-specific subgroup, thematic group, common motivator, physical and geographical features of the area, landscape elements, Belarus, France.

УДК 81'42:070

DOI 10.52928/2070-1608-2024-72-4-66-70

ПОРТРЕТ ЭПОХИ В ДИСКУРСЕ БЕЛОРУССКИХ СМИ

канд. филол. наук, доц. А. Ч. РЫЖКОВИЧ

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)

В статье обоснована актуальность исследования ключевых слов и сочетаний, функционирующих в медиадискурсе. На материале текстов сетевого издания sb.by рассмотрены атрибутивно-субстантивные сочетания со словом «эпоха», выступающие в качестве концептуальных наименований периодов в жизни общества, обладающих признаками значимости и продолжительности. Выделены одиннадцать семантических типов аналитических наименований. Определены базовые признаки, на основе которых продолжительные периоды времени в жизни общества наделяются свойством «эпохальности».

Ключевые слова: СМИ, медиадискурс, лексикология, слово, номинативные единицы, концептуальные наименования, ключевое слово, атрибутивно-субстантивные сочетания.

Введение. На современном этапе развития лингвистики всё большее внимание исследователи уделяют изучению динамики языковых и речевых процессов и отражению в них сдвигов в мировоззренческой и аксиологической картинах мира. Активные трансформации в различных сферах жизни общества приводят к изменениям в номинативных системах, призванных не только обозначать, но и концептуализировать и категоризировать базовые понятия и явления каждой из сфер. Поскольку наиболее подвижным и открытым уровнем системы языка является лексический, то именно в составе лексики, в её содержательных и синтагматических характеристиках находят отражение новые процессы, происходящие в обществе. Следствием активизации в социальном сознании тех или иных реалий объективной действительности становится актуализация слов и их сочетаний. На каждом этапе развития общества выделяются свои ключевые слова, которые «являются важной категорией в антропоцентрической парадигме научного знания, учитывающей эмоции, чувства, предпочтения говорящего человека» [1, с. 123].

Для определения таких слов используются различные наименования: «ключевой символ эпохи» [2], «ключевое слово текущего момента» [3], «ключевое слово эпохи» [4; 5], «лексический маркер эпохи» [6], «слово-хронофакт» [7]. При исследовании «ключевых слов эпохи» литературоведы обращают внимание на выявление и обоснование особенностей употребления ключевых слов в творчестве того или иного писателя/поэта или конкретном литературном произведении (работы В.И. Арнольда [8], Л.С. Айзермана [9]). В лингвистике ключевые слова рассматриваются как неологизмы (работы М. Кронгауза [5] или слова-свидетели (термин Ж. Маторе) в семантическом, парадигматическом и синтагматическом аспектах (работы Ж. Маторе [10], Е.А. Земской [4], В.Г. Костомарова [2], Т.В. Шмелевой [3]). Такие слова позволяют «раскрыть основные социальные, культурные, ценностные и другие ориентиры общества и личности эпохи» [11, с. 129].

Среди ключевых слов, выделяемых и анализируемых разными авторами, особое место занимают слова с временной семантикой: *время, злота дня, текущий момент* и др. По нашему мнению, одним из таких слов является слово *эпоха*. Концептуальное слово становилось ключевым в различных сочетаниях на разных этапах развития общества в русском дискурсе. Объектом нашего исследования являются атрибутивно-субстантивные сочетания со словом *эпоха* в текстах сетевого издания sb.by за период с 2020 по 2024 год, которые выступают в качестве концептуальных наименований важных и продолжительных периодов времени в жизни общества. При анализе материала использовался описательный метод, включающий в себя приемы интерпретации и классификации исследуемого материала, компонентный анализ, контекстный анализ.

Основная часть. Понятие «ключевое слово» сегодня входит в терминологический аппарат таких направлений языкознания, как лингвокультурология, лингвистика текста, дискурсология, медиалингвистика. Одной из первых на данное явление обратила внимание А. Вежицкая, которая ввела понятие «ключевые слова культуры», понимая под ними слова общеупотребительные, частотные, входящие на правах компонента в состав множества фразеологических единиц и – главное – способные «сказать о данной культуре что-то существенное и нетривиальное» [12, с. 264–284]. По мнению А. Вежицкой, ключевое слово должно быть употребительным, использоваться часто в определенной семантической сфере, быть в центре фразеологического семейства [12, с. 264–270].

Схожей трактовкой ключевых слов придерживался Ю.С. Степанов, который называл такие единицы «константами культуры», «устойчивыми концептами культуры» [13]. З.Е. Фомина для обозначения маркеров эпохи использует термин «слова-хронофакты», поскольку «в определенный отрезок времени они приобретают исключительно важное значение, обозначают общественно значимые понятия и благодаря своей актуальной семантике становятся популярными у носителей языка» [7, с. 208]. По мнению Е.А. Земской, ключевые слова эпохи представляют собой «лексические единицы с особым коммуникативным статусом, которые обладают способностью, с одной стороны, отражать взгляды, ценности общества определенного периода, а с другой – формировать и трансформировать их» [4, с. 92].

В условиях информационного общества основной средой, в которой производятся и распространяются ключевые слова, становится медиадискурс. О.В. Орлова рассматривает ключевые слова эпохи как медиаконцепты – «семантические универсалии, приобретающие статус концепта только в определенном дискурсе» [14, с. 78].

Как отмечает Н.С. Валгина, «каждое время имеет некоторый набор слов, которые, в силу сложившихся обстоятельств, становятся модными, широко и разнообразно употребляемыми. Это своеобразные «знаковые» слова эпохи. Большую роль в их распространении играют СМИ, создавая речевую среду, в которой задаются эталоны, нормы» [15, с. 80]. К основным лингвистическим параметрам ключевых слов Т.В. Шмелева относит частотность, текстовое пространство, грамматический потенциал слова (возможности формо- и словообразования) [3]. Ключевые слова реализуются в текстовом пространстве. Так, Н.А. Прокофьева отмечает, что в журналистском тексте встречаются две группы ключевых слов: ключевые слова текущего момента, «позволяющие соотнести публикацию, в которой дано обращение к историческому событию или историческому деятелю, с актуальной действительностью», и ключевые слова отдельно взятой публикации, которые позволяют наиболее полно характеризовать событие или персону, оказавшихся в центре внимания журналиста [16, с. 101]. «Это слова, которые соотнесены с актуальными для русской культуры ценностными смыслами. Они отличаются состоявшейся семантикой и характеризуют предмет речи, отношение к нему журналиста, а не соотносят тему с текущей политической ситуацией» [16, с. 103]. Такие слова были собраны лингвистами СПбГУ Е. Щегловой, Н. Прокофьевой и Ю. Коняевой в проект DataSlov – медиасловарь ключевых слов текущего момента, главная цель которого – «создать реестр слов, актуальных в СМИ сегодня, выявить изменения, происходящие с ними в медиадискурсе, а также проследить их дальнейшую трансформацию» [17].

Проведенные нами наблюдения над медиатекстами позволили высказать гипотезу о значимости слова *эпоха* и устойчивых сочетаний с этим словом в современном медиадискурсе. Анализ начнем с лексикографического описания слова, которое происходит от древнегреческого *ἐποχή* «задержка, остановка в счёте времени, значительный момент» [18], т.е. уже в самой этимологии содержится указание на фиксированность временного периода, значимость как ключевые семантические компоненты в значении данного понятия. По данным НКРЯ, слово *эпоха* зафиксировано в русскоязычных текстах в 1772 г., активно стало появляться в текстах с 1780-х гг. и достигло своего пика в 1799–1803 гг., как раз на «стыке эпох», и с того времени оно активно использовалось и не теряло своей актуальности [19]. Носителям русской культуры важно обобщать, систематизировать значимые отрезки времени, т.е. не всё в русском дискурсе можно назвать эпохой.

В Энциклопедическом словаре эпоха определяется как «качественно определённый период в истории человеческого общества, продолжительный период времени, выделяемый по каким-либо характерным особенностям, по какому-либо выдающемуся событию, правлению какой-либо личности и т. п.» [20]. Синонимами к данной лексеме выступают слова *век*, *время*. В Малом академическом словаре под эпохой понимается «продолжительный период времени, характеризующийся какими-либо выдающимися событиями, явлениями, имеющий какие-либо характерные особенности. *Эпоха Возрождения. Эпоха империализма и пролетарских революций. «Дубровский» изображает быт наших помещиков в начале нынешнего столетия, а «Капитанская дочка» — эпоху пугачевского бунта.* Чернышевский, А.С. Пушкин. || Период в чьей-л. жизни. *Бывает эпоха в жизни молодых женщин, когда они вдруг начинают расцветать и распускаться, как летние розы.* Тургенев, *Отцы и дети*». 2. *Геол.* Подразделение геологического периода. 3. *Астр.* Определённый момент, с которого начинается счёт времени при наблюдениях разного рода периодических явлений» [21]. На наш взгляд, второе и третье значения для медиадискурса не являются актуальными, поскольку они терминологичны. На основе первого значения появляются производные в медиадискурсе, и мы можем наблюдать семантические сдвиги – сужение и расширение – лексического значения слова *эпоха*.

Признак продолжительности деактуализируется, поскольку в современной русской речи под *эпохой* понимают разные временные отрезки – от нескольких дней до нескольких столетий с размытыми временными границами. В современном медиадискурсе свойством эпохальности, т.е. значимости, важности, могут наделяться отдельные события, процессы, которые происходят и ещё не завершились или только начались. Таким образом, расширяется перечень основных тенденций в тех или иных сферах жизни общества, благодаря которым временные отрезки определяются как эпохальные, и актуализируется сема значимости, поскольку эпоха воспринимается как промежуток времени, который оказывает существенное влияние на развитие общества.

В результате сбора материала нами установлено более 200 номинативных аналитических единиц, включающих слово *эпоха*, которые по своим структурным признакам могут быть распределены на две группы:

– атрибутивно-субстантивные сочетания с согласованным определением, в роли которых выступают имена прилагательные и местоимения: *сталинская эпоха, наша эпоха, доковидная эпоха, другая эпоха;*

– атрибутивно-субстантивные сочетания с несогласованным определением, выраженным именем существительным в форме родительного падежа: *эпоха евро, эпоха фараонов, эпоха неолита.*

В данной статье нами будут рассмотрены атрибутивно-субстантивные сочетания с несогласованным определением (более 120 единиц), среди которых мы можем выделить несколько семантических типов номинативных единиц, однако сразу обратим внимание на то, что однозначного распределения наименований по тематическим группам добиться не удастся, поскольку одна и та же номинация в контекстах может использоваться с актуализацией разной семантики в её значении, кроме того, многие номинации *эпохи* подразумевают одновременно два или три семантических типа:

1. Номинации временного отрезка по ключевой экономической тенденции (22 единицы): *эпоха дефицита всего и вся, эпоха масштабных преобразований и стратегического развития, эпоха санкционного давления,*

эпоха постиндустриальности, эпоха «одноразовой экономики», эпоха коммерции, эпоха деглобализации экономической системы, эпоха клиентоориентированности, эпоха общества потребления, эпоха промышленного переворота, эпоха цифровой трансформации экономики, эпоха накопления капитала, эпоха индукционных счетчиков, эпоха услуг, эпоха освоения энергетических объектов, эпоха дешевых денег, эпоха «бесплатных» денег, эпоха санкций, эпоха нэпа, эпоха 4-й Промышленной революции, эпоха американского доллара, эпоха партнерства Беларуси и Китая, новая эпоха белорусского экспорта, эпоха рыночного ценообразования, эпоха евро. Часть единиц в данной группе отличаются многозначностью. Так, номинативное сочетание эпоха евро может обозначать следующие временные периоды: ‘период действия евро как единой валюты Европейского союза’; ‘период доминирования евро в валютной корзине’.

2. Номинации временного отрезка по его связи с социальными группами людей и конкретными публичными персонами (22 единицы):

- группой людей, представляющих собой определенный класс: эпоха белорусской шляхты, эпоха фараонов, эпоха провинциалов;
- политиками: эпоха Лукашенко, эпоха Меркель, эпоха Брежнева, эпоха Горбачева, эпоха Байдена;
- отдельным правителем или династией правителей: эпоха династии Мин (1368–1644 гг), эпоха правления династии Птолемеев, эпоха коронации Барбары Радзивилл, эпоха Сапегов;
- просветителями: эпоха Гутенберга, эпоха Франциска Скорины;
- спортсменами: эпоха Дарьи Домрачевой (биатлонистка), эпоха Юрия Чижова (футболист), эпоха Михаэля Шумахера (автогонщик), эпоха Себастьяна Феттеля (автогонщик);
- литературными героями: эпоха Поттера;
- деятелями культуры: эпоха Юрия Григоровича (артист балета, хореограф).

3. Номинации временного отрезка по ключевой культурной тенденции (19 единиц), в рамках которой можно выделить:

- явления киноиндустрии: эпоха кинематографа, эпоха кинопроизводства, эпоха киностудии, эпоха «Марвел», эпоха немого кино, эпоха продюсерского кино, эпоха литературицентричного, повествовательного кино, эпоха «звездных войн», эпоха телесериалов (9 единиц);
- музыкальные явления и направления: эпоха джаза, эпоха доцифровой музыки, эпоха ремейков, эпоха диско, эпоха рэпа и телефонной музыки, эпоха маккартизма (6 единиц);
- направления в архитектуре: эпоха постмодерна, эпоха классицизма, эпоха сталинского ампира, эпоха барокко, эпоха Возрождения (5 единиц);
- искусство: эпоха органного искусства, эпоха истории театрального Львова, эпоха развития жанра авторской песни (3 единицы);
- стиль в одежде: эпоха оверсайза (1 единица).

4. Номинации временного отрезка по ключевой тенденции в сфере коммуникаций: эпоха цифровой постправды, эпоха соцсетей, эпоха постправды и фейков, эпоха фейк-ньюз, уходящая эпоха бумажных носителей, уходящая эпоха бумаги, эпоха планшетов и роботов, эпоха настольных компьютеров, эпоха проводного радиовещания, эпоха интернета, эпоха торжества гаджетов, эпоха проводного радио, эпоха смартфонов и интернета, эпоха новой реальности, эпоха digital, эпоха стремительных скоростей, эпоха мгновенной коммуникации (17 единиц).

5. Названия временных отрезков в соответствии с конкретными историческими периодами: эпоха неолита, эпоха каменного века, эпоха построения социализма, эпоха христианства, эпоха 1980-х, эпоха феодализма, эпоха крепостного права, эпоха Третьего рейха, «эпоха голых кулаков», эпоха агонии и разгрома фашизма, эпоха Грюнвальдской битвы, эпоха матриархата, эпоха Берлинской стены, эпоха Средневековья, эпоха XIX века (15 единиц).

6. Номинации временного отрезка по ключевым тенденциям в развитии стран: эпоха глобального мира, эпоха войн и политических катаклизмов, эпоха больших политических дряг, эпоха холодной войны, эпоха гибридных войн, эпоха образцовых отношений, эпоха абсолютизма, эпоха «конкуренции великих держав», эпоха феодализма, эпоха политических спекуляций, эпохи расцвета и падения многих государств (11 единиц). Данные номинативные единицы включают в себя как терминологическую лексику (например, термин *однополярность*), так и «публицизмы», разговорную лексику эмоционально-оценочного характера (*политические дряги*), т.е. номинации имеют разный функциональный статус: одни утвердились в качестве номинаций в узусе медийной речи в качестве всеми признанных номинативных единиц, вплоть до окказиональных наименований, другие ещё находятся в стадии становления, поэтому все единицы будут различаться степенью устойчивости, стабильности их внутренней структуры.

7. Номинации временного отрезка по ключевой мировой политической тенденции: эпоха трансформации системы международных отношений, эпоха геополитических разломов, эпоха однополярности, эпоха многополярности, эпоха трехполярного мира, эпоха агрессивных действий НАТО, эпоха становления нового миропорядка, эпоха совершенно неадекватного левачества, эпоха транзита власти (9 единиц).

8. Названия временных отрезков, связанных с достижениями и открытиями: эпоха ядерных испытаний, эпоха спутниковой связи, эпоха газет и телеграфных сообщений, эпоха распространения биотехнологий,

эпоха покорения космоса, эпоха географических открытий, эпоха парусного флота, эпоха ракетостроения, эпоха телевидения (9 единиц).

9. Новые названия эпохи, связанные масштабными технико-технологическими явлениями, оказавшими влияние на все сферы жизни современного общества: эпоха цифровизации, эпоха глобализации, эпоха глобализма, эпоха дигитализации, эпоха информационных войн, эпоха глобальных вызовов, эпоха новых технологий (7 единиц).

10. Названия временных отрезков в соответствии с тенденцией в сфере здравоохранения: эпоха COVID-19, эпоха пандемии, эпоха амфетаминов, эпоха вирусов, эпоха всемирного ковидного затворничества (5 единиц).

11. Названия временных отрезков в соответствии с тенденцией в спортивной сфере: эпоха Олимпийского движения, эпоха закулисных игр и договорных матчей (2 единицы).

Заключение. Таким образом, в современном медиадискурсе деактуализируется признак продолжительности, поскольку под эпохой понимаются временные отрезки различной продолжительности, т.е. одно и то же понятие может использоваться для характеристик разных временных отрезков. В текстах современных СМИ «эпохальностью» могут наделяться отдельные события, системные процессы, которые уже завершились или происходят в настоящее время, а также важные явления, отражающие состояние взаимоотношений между ключевыми субъектами в той или иной сфере. Расширяется перечень сфер, которые наделяются эпохальностью (помимо традиционных сфер, таких, как политика, экономика, культура, «эпохальными» становятся музыка, кино, здоровье, технические достижения, стиль в одежде). Таким образом, традиционное представление об эпохе трансформируется, поскольку современный мир характеризуется изменчивостью, неопределенностью, динамичностью. С ускорением динамики изменений, происходящих в обществе, человек, осмысливая эти изменения, пытается их зафиксировать и обозначить как важный период в жизни общества.

Первичный анализ номинативных сочетаний позволяет увидеть, как в языковом сознании журналистов интерпретируются и оцениваются временные периоды жизни общества, какие именно периоды и по каким признакам представители СМИ готовы наделять статусом эпохи. Как показывает анализ выявленных сочетаний, в системе аналитических номинаций наблюдаются динамические процессы: так, выявлены сочетания, которые обладают устойчивостью, такие единицы являются «фактом языка», часть номинаций только входит в речевой уzus. Эта проблема может быть предметом рассмотрения в следующих работах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мустайоки А., Вальтер Х., Вепрева И. Феномен актуального слова 2015 года // *Quaestio Rossica*. – 2016. – № 4. – С. 121–133.
2. Костомаров В.Г. Язык текущего момента: понятие правильности. – СПб.: Златоуст, 2014. – 220 с.
3. Шмелева Т.В. Ключевые слова текущего момента // *Collegium*. – 1993. – № 1. – С. 33–41.
4. Земская Е.А. Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 688 с.
5. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. – М.: Знак, 2008. – 232 с.
6. Синкина Е.В. Лексические единицы как маркеры эпохи: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. / Самар. гос. пед. ун-т. – Самара, 2008. – 18 с.
7. Фомина З.Е. Слова-хронофакты в языке политических текстов // *Язык и эмоции*. – Волгоград: Перемена, 1995. – С. 207–215.
8. Арнольд И.В. Тематические слова художественного текста // *Ин. язык в школе*. – 1971. – № 2. – С. 6–12.
9. Айзерман Л.С. Ключевые слова // *Русский язык в школе*. – 1973. – № 4. – С. 39–43.
10. Liebert W.-A. Das analytische Konzept „Schlüsselwort“ in der linguistischen Tradition // *Arbeiten aus dem Sonderforschungsbereich 245 «Sprache und Situation»*. – 1994. Bericht 83. – Heidelberg / Mannheim. – 32 S.
11. Семенюк О.А. Ключевые слова в картине мира и языке эпохи // *Культура народов Причерноморья*. – 2002. – № 32. – С. 129–132.
12. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки славянской культуры, 1999. – 780 с.
13. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
14. Орлова О.В. Жизненный цикл и миромоделирующий потенциал медиаконцепта // *Вестник ТГПУ*. – 2010. – Вып. 6 (96). – С. 78–83.
15. Валгина Н.С. Теория текста. – М.: Логос, 2003. – 173 с.
16. Прокофьева Н.А., Щеглова Е.А. Ключевые слова текущего момента в рекламе: особенности преподавания дисциплины «Современный русский язык» // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. – 2020. – № 4(38). – С. 98–108.
17. DataSlov – Медиасловарь ключевых слов текущего момента [Электронный ресурс]. – URL: <https://dataslov.ru/>. (Дата обращения: 04.03.2024).
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. – М.: Прогресс, 1986. – Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/>. – Дата доступа: 21.03.2024.
19. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/>. (Дата обращения: 04.03.2024).
20. Картаслов.ру – Карта слов и выражений русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://kartaslov.ru/>. (Дата обращения: 04.03.2024).
21. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 4: С–Я. – 795, [1] с.

Поступила 02.05.2024

PORTRAIT OF AN ERA IN THE DISCOURSE OF BELARUSIAN MEDIA**A. RYZHKOVICH***(Yanka Kupala State University of Grodno)*

The article substantiates the relevance of the study of keywords and combinations functioning in media discourse. Based on the texts of the online publication sb.by, attributive-substantive combinations with the word era are considered, acting as conceptual names for periods in the life of society that have signs of significance and duration. Ten semantic types of analytical names are identified. The basic characteristics are identified, on the basis of which long periods of time in the life of society are endowed with the property of “epoch-making”.

Keywords: *media, media discourse, lexicology, word, nominative units, conceptual names, keyword, attributive-substantive combinations.*

УДК 81'42:394.26(476)

DOI 10.52928/2070-1608-2024-72-4-71-75

**СТРАТЕГИИ ДИСКУРСА РАЗВЛЕЧЕНИЙ НА МАТЕРИАЛЕ
БРЕНДОВЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАЗДНИКОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ****Д.Е. САМУСЕВИЧ***(Минский государственный лингвистический университет)*

Статья посвящена изучению русскоязычного дискурса развлечений. В статье проводится анализ новостных материалов, содержащих информацию о брендовых праздниках Республики Беларусь, с целью определения коммуникативных стратегий, которые используются для достижения поставленных авторами новостных статей целей. В результате исследования дается определение понятиям «брендовый праздник», «территориальный брендовый праздник», а также устанавливаются коммуникативные стратегии и тактики дискурса развлечений на русском языке, определяются лексические средства экспликации данных стратегий и тактик.

Ключевые слова: *дискурс, дискурс развлечений, брендовые праздники, коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, новостные статьи.*

Введение. Дискурс развлечений – один из новых типов дискурса, который в последнее время набирает всё большую распространенность. Дискурс развлечений представляет собой вокругсобытийную коммуникацию, связанную с событием, которое ставит своей целью развлечь аудиторию, и эта коммуникация главным образом реализуется через средства массовой информации [1, с. 49]. «Дискурс развлечений делится на предсобытийный – то, что предшествует событию, событийный – непосредственное сопровождение самого события и постсобытийный – то, что освещается после окончания мероприятия» [1, с. 50]. События, в которых находит свою реализацию дискурс развлечений, различны. В этом случае «событие» равно «развлечение», а типов развлечений насчитывается большое множество [1, с. 50]. Мы остановили свой исследовательский интерес на таком развлекательном событии, как праздник, так как праздник, как и развлечение как таковое, претерпел значительные изменения. В настоящее время праздник в большей степени организовывается не ради самого праздника, он зачастую преследует иные цели, а развлечение выступает как сопутствующий способ.

Выделяется большое количество разных праздников: государственные, календарные, народные, религиозные, региональные, профессиональные, семейно-бытовые, маркетинговые или брендовые, фантазийные.

Из представленного списка брендовые праздники являются наиболее интересным для нас типом, так как они представляют собой новый формат праздников. Такой праздник набирает популярность, часто упоминается в средствах массовой информации, но при этом возникает вопрос в определении его сути и характеристик. В нашей работе брендовый праздник определяется как разновидность маркетингового, маркетинговые же, в свою очередь, делятся на две группы. К первой группе маркетинговых праздников логично отнести любой государственный, народный, профессиональный и другой праздник, который компания может использовать для реализации поставленных целей. Компании не нужно специально придумывать повод для рекламы, привлечения клиентов и увеличения продаж, она усиливает свое влияние на рынке за счет праздничного периода. Однако компания может создавать и свои собственные праздники, новые для массовой аудитории. Эти праздники выделяются во второй тип маркетинговых праздников и называются брендовыми.

Таким образом, брендовому празднику дается следующее определение – это праздник, придуманный какой-либо организацией / компанией (брендом) для достижения определенных целей. Бренд инициирует праздник либо по релевантным для целевой аудитории датам и поводам [2, с. 2], либо создает оригинальный повод с уникальной идейной составляющей и отдельным днем проведения для нужд своего бренда. Праздник выступает как единичное событие, которое было организовано с определенной целью и его повторение не является актуальным, так же, как и повторяющееся событие. Праздники выступают в качестве однократных самостоятельных эпизодов либо являются частью кампании.

Праздничное событие является элементом продвижения бренда. Это может быть брендинг продукта, личности, территории и т. д., и в настоящее время в Республике Беларусь набирают популярность территориальные брендовые праздники, растет и их количество, и разнообразие. Широкую известность приобретают такие события, как: «Вишневый фестиваль» в Глубоком, «Ивьевский помидор» в Ивье, «День огурца» в Шклове, фестиваль куликов в Турове, фестиваль «Ружанская брама» в Ружанах и др. За рубежом такие праздники получили распространение ранее. К примеру, Ла Томатина в Испании (г. Буньоль), «Сырная гонка» в Англии (г. Котсуолдс), фестиваль улиток во Франции (г. Клуис), фестиваль трубочистов в Англии (г. Рочестер), фестиваль цветов в Голландии (г. Нидерланды) и др.

Брендовые праздники являются инструментом для брендинга территории нашей страны, что предполагает создание имиджа городов, областей, регионов, географических зон и государств, повышения их конкурентоспособности с целью завоевания внешних рынков, привлечения инвесторов, туристов, новых жителей и квалифицированных мигрантов. «Брендинг мест направлен на преодоление дефицита материальных и нематериальных ресурсов в регионе, в его основе лежит идея донесения до широкой общественности представления об уникальности

территории» [3, с. 8]. Территориальный брендовый праздник представляет собой мероприятие, строящееся на предоставлении обществу разных данных о местности и привлечении публики к совместной активной деятельности. Зачастую такой праздник основывается на исторических личностях, памятниках, историко-культурных событиях, национальных традициях и обрядах [3, с. 10]. Существуют разные виды территориальных брендовых праздников: экологические, спортивные, гастрономические, музыкальные, театральные и др.

В работе исследован такой тип территориальных брендовых праздников, как экологический (далее – брендовый экологический праздник), а также представлены результаты анализа 120 текстов русскоязычного дискурса развлечений, которые были взяты со следующих сайтов: belta.by, sb.by, ont.by, sputnik.by, zviazda.by, moglevnews.by, newsgomel.by, gp.by, zodinonews.by, mijory.by.

Методами исследования выступили: контент-анализ, дискурс-анализ, сопоставительный анализ.

Основная часть. В настоящее время на территории Республики Беларусь насчитывается четыре брендовых экологических праздника, которые привлекают внимание как местных жителей, так и туристов. Это фестиваль куликов в Турове, который проводится с 2009 г.; фестиваль этнокультурных традиций «Зов Полесья» (с 2010 г.); «Жураўлі і журавіны Міёрскага краю» (с 2012 г.); фестиваль «Мифы на болоте в Березинском заповеднике», впервые проведенный в 2020 г.¹ Эти праздники преследуют следующие цели: знакомство с местностью и её обитателями (жителями, флорой и фауной), привлечение внимания к уникальности места, реклама и продвижение, развитие туризма (экотуризма), популяризация природоохранных идей, а также образовательная цель.

В исследуемой нами республиканской прессе представлено большое количество информации о данных событиях, но, как правило, это дособытийная и постсобытийная информация. Репрезентация событийной информации в упомянутых источниках практически отсутствует, поэтому не включена в наш анализ.

Из проанализированных 120 текстов дособытийный дискурс представлен в 70 текстах (58,33%), постсобытийный в 50 текстах (41,67%).

Так как экологические праздники – это, в первую очередь, знакомство с местностью и привлечение внимания к данной территории, то статьи содержат большое количество фотографий. Из проанализированных нами статей, 115 содержат фотоматериал в количестве от 1 до 63 фотографий. Это влияет на создание определенного образа описываемых мест у читателей, способствует лучшему запоминанию фактов о данном месте и формированию желания увидеть это собственными глазами. Дособытийные тексты содержат меньшее количество фотоматериала, в среднем от 1 до 4 фото, постсобытийные тексты в большинстве содержат от 3 до 13 фото, но встречаются единичные случаи представления 20 и более фото.

Предсобытийный дискурс развлечений имеет своей целью привлечь массовую аудиторию к мероприятию, подогреть интерес, используя ту информацию о предстоящем событии, которую преподносят авторы. Постсобытийный дискурс содержит сведения о результатах прошедшего мероприятия. И для того, чтобы подать информацию в нужном ключе и достичь поставленных целей, авторы используют определенный набор коммуникативных стратегий. В предсобытийном дискурсе развлечений важную роль играет стратегия информирования. Рассматриваемая стратегия направлена на нейтрально-объективное представление фактов о мероприятии, в то время как автор текста является посредником между событием и его читателями.

Стратегия информирования реализуется посредством тактики анонсирования, с помощью которой предоставляются основные сведения о том, что произойдет, когда и где. Тактика анонсирования реализуется при помощи следующих языковых средств:

1. Слов и словосочетаний, которые содержат информацию о том, когда что-то будет происходить:

– числительных: *даты проведения (начало / конец (день / месяц / год)), время начала праздника, время / дата начала отдельных частей праздника;*

– наречий времени: *сегодня, завтра;*

– существительных и словосочетаний с ними: *вечером, утром, с самого утра, в этом году, в эти выходные;*

– числительных: *какой фестиваль по счету: первый, седьмой.*

2. Слов и словосочетаний со значением «названия праздника»: *экофестиваль «Жураўлі і журавіны Міёрскага краю», фестиваль «Шлях Цмока», фестиваль этнокультурных традиций «Зов Полесья», фестиваль куликов; «места проведения»: в Миорах, в ландшафтном заказнике «Ельня», от площади Ленина до городского парка «Полуостров», в Березинском заповеднике.* Тут предоставляется информация о месте проведения как самого праздника, так и отдельных событий в рамках праздника:

3. Глаголов и глагольных конструкций в будущем времени или относящихся к будущему, со значением «начало»: *начнется, стартует, дадут старт, распахнут двери;* со значением «длительности»: *пройдет, будет проходить, продлится.*

4. Существительных и словосочетаний со значением «активность», называющие виды деятельности, которые ждут гостей праздника: *мастер-класс, выставка, квесты, танцы, экскурсии.*

5. Безличных конструкций: *будут продавать клюкву, устроят.* Основная задача автора в данном случае заключается в передаче общей информации о том, какая активность ждет гостей, а не кто именно будет проводить её. Предпочтение отдается нейтральному тону и обезличенности, которая выражается за счет данных конструкций.

¹ Фестивали Беларуси. 2024. – URL: <https://www.belarus.by/ru/about-belarus/culture/festivals-in-belarus>.

6. Ссылок на авторитетные источники информации, с целью придания веса подаваемым материалам и степени объективности: *сообщили <...> в Миорском райисполкоме, сообщили корреспонденту БЕЛТА в департаменте общественной информации ООН в Беларуси, рассказала начальник научного отдела биосферного заповедника Анастасия Рыжкова.*

Следующей стратегией, характерной для дискурса развлечений является стратегия продвижения.

Использование упомянутой стратегии, благодаря детальной характеристике мероприятия и местности, в которой это мероприятие проводится, дает возможность привлечь внимание со стороны аудитории и побудить к посещению праздника, принятию участия в его разнообразных активностях, продвинуть, таким образом, как сам праздник, так и местность, в которой он проходит. Стратегия продвижения реализуется посредством тактики презентации мероприятия, тактики презентации местности и тактики завлечения.

Тактика презентации мероприятия направлена на детальное описание предстоящего мероприятия, создание его положительного образа в сознании читателей и возможных гостей, побуждения к посещению праздника. Тактика реализуется при помощи следующих средств:

– Существительных и словосочетаний, со значением «активности», которые ждут гостей праздника: *конкурс на лучшего сдатчика клюквы, областной конкурс изделий народных мастеров «Птушыны перапах», мастер-класс в умении управлять четырехколесным железным конем, экскурсионная программа «Журавель запрашае».*

В случае с тактикой анонсирования также использовалось данное средство, но, если в первом случае упоминаются разнообразные виды деятельности, которые ждут гостей праздника, то во втором случае эти активности описываются детально, для привлечения внимания и побуждения желания принять в них участие.

– Существительных и словосочетаний со значением «названия отдельных событий в рамках праздника»: *«Журавлиный драйв» (мастер-класс в умении управлять четырехколесным железным конем), экскурсионная программа «Журавель запрашае», праздничная тематическая дискотека «Журавлиный танцпол», шоу-программа «Возможности человеческого тела»; «названия коллективов / имена участников» – акцентирование внимания на известных людях: этностудия «Кетри», молодежный театр «Колесо», доктор филологических наук, заведующая отделом фольклористики и культуры славянских народов Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси Татьяна Володина, шеф-повар, диетолог, автор и ведущая «Семейных кулинарных батлов» Марина Бондарович, телеведущий Максим Немчинов; со значением «участники», которых может заинтересовать праздник: *автолюбители, гости праздника, дети и взрослые, каждый желающий, для смелых.**

– Эмоционально окрашенных прилагательных и словосочетаний с оценочным значением, характеризующих праздник и его наполнение с положительной стороны: *масштабный, множество сюрпризов, увлекательное путешествие в мир мифов, захватывающая анимация и необычные развлечения, уникальный праздник мифологии, неповторимые впечатления.*

– Словосочетаний со значением «длительность»: *на протяжении всего дня, в течение дня, с пятницы по воскресенье; со значением «частотность»: каждый час.*

– Глаголов и глагольных конструкций в будущем времени со значением «виды деятельности»: *можно будет бесплатно посетить экскурсионную программу, можно будет отправиться понаблюдать за журавлями, смогут поучаствовать в экологических играх и викторинах, смогут отведают клюквенного морса и выпечки с клюквой, смогут приобрести сувениры на ярмарке местных народных умельцев.*

– Числительных: для того, чтобы осветить массовость ожидаемого мероприятия путем упоминания количества ожидаемых гостей и творческих коллективов, которые будут выступать: *примут участие десятки художественных и театральных коллективов Беларуси.*

– Прямой речи и ссылки на авторитетных персон, которые высказывают своё мнение о празднике, его подготовке, программе и т.д., с целью придания веса предоставляемой информации: *директор фестиваля Ольга Ополько, заместитель директора Березинского биосферного заповедника по туризму Елена Ольшевская, начальник научного отдела Анастасия Рыжкова.*

Кроме представленной выше тактики стратегия продвижения реализуется также посредством тактики презентации местности. При помощи этой тактики осуществляется продвижение местности, которое происходит за счет мероприятия и таким образом привлекает внимание и к самой локации, и к её достопримечательностям, жителям и их достижениям. Тактика презентации местности реализуется при помощи:

– существительных и словосочетаний, дающих представление, чем / кем славится данная местность: *полезная ягода (клюква), болото Ельня, серые журавли и гуси, талантливые полешуки, самобытная культура Полесья;*

– глаголов и глагольных словосочетаний: *славится, известен, вызывает большой интерес, принимает в гости;*

– числительных, привносящих достоверности информации: *4 тыс. серых журавлей и 10 тыс. гусей, первое место в стране, 33 вида куликов, более 50 видов водно-болотных птиц;*

– словосочетаний, дающих характеристику местности и подчеркивающих уникальность места: *биологический заказник местного значения, заповедный край, «птичья столица» Беларуси, единственная в Беларуси станция кольцевания, один из последних пойменных лугов, уникальная культура и традиции полешуков.*

Ещё одной тактикой, посредством которой реализуется стратегия продвижения, является тактика завлечения. Воздействуя на подсознание, авторы пытаются сформировать положительный образ мероприятия и местности в целом, создать образ того, что читателя очень ждут и специально для него подготовили сюрпризы и подарки, а также побудить их стать участниками мероприятия и увидеть все собственными глазами. Тактика реализуется при помощи

апелляции к эмоциям, с помощью словосочетаний со значением «бесплатно»: *вход свободный, можно будет бесплатно посетить экскурсионную программу, возможность выиграть призы, дегустация, участие в фестивале бесплатно*; со значением «сюрприз»: *загадка, множество чудес, немало секретов*; со значением «призыв»: *праздник приглашает, приглашает с головой погрузиться в мир мифов, сказок и легенд, добро пожаловать, заповедный край ждет вас*; повелительного наклонения: *приезжайте, поспешите*.

В постсобытийном дискурсе выявлены стратегия подведения итогов и стратегия продвижения. При помощи стратегии подведения итогов предоставляется информация о том, какое мероприятие прошло, когда, что происходило, чем запомнилось. Кроме того, благодаря этой стратегии осуществляется как оценка самого праздника в целом, так и оценка его отдельных элементов (мероприятий и / или составляющих их элементов). В текстах информация авторами подается в положительном ключе. Стратегия подведения итогов реализуется посредством тактики информирования и тактики положительной оценки.

В реализации тактики информирования приводятся данные и факты, которые предоставляются нейтрально, не сопровождаясь выражением отношения говорящего. Тактика реализуется посредством таких лексических единиц, как:

- существительные и словосочетания со значением «название праздника»: *экофестиваль «Жураўлі і журавіны Міёрскага краю», международный фестиваль мифологии «Путь Цмока», Фестиваль этнокультурных традиций «Кліч Палесся», Фестиваль куликов*; «место проведения»: *в Березинском биосферном заповеднике, в деревне Домжерицы, в Турове, на Красной площади*;

- существительные, характеризующие прошедшее мероприятие или составляющие части мероприятия: *театральные постановки, кулинарные шоу, станция «караоке-Мородунка», фотовыставка «Природа беларуски», межрегиональный конкурс красоты и грации «Палесская прыгажуня», фейерверк и водное флайборд шоу*;

- существительные и словосочетания, характеризующие гостей мероприятия: *любители таинственных существ со всей республики и гости из зарубежья, любители национальных легенд, самые смелые, любители природы, маленькие участники*; почетных гостей: *вице-премьер Беларуси Игорь Петришенко, председатели областных исполнительных комитетов Иван Крупко и Юрий Шулейко и участников: белорусский дракон Цмок, другие персонажи, «Кацярына Ваданосава & Fantasy Orchestra», поэтесса Настя Кудасова, белорусских групп «РЭХА» и «Акуте», ансамбли «Харошки», «Збитень», «Маме нравится»*;

- глаголы прошедшего времени со значением «завершение»: *прошел, собрал, объединил*;

- глаголы и глагольные конструкции в прошедшем времени со значением «виды деятельности», в которых принимали участия гости праздника: *участвовали в конкурсах и квестах, предлагали продегустировать, могли поиграть с мифологическими героями, могли попробовать вывести птички трели, могли просто поучаствовать в экскурсиях по городу, посетить станцию кольцевания или понаблюдать за птицами, валяли птиц из шерсти и наблюдали за турухтанами*;

- числительные, которые дают представление о том, какое количество гостей посетило мероприятие, сколько продукции было продано и т.д.: *полторы тысячи участников, приехали 30 тысяч, в 6 раз меньше, первый раз, в седьмой раз, 13 регионов, в первый раз, картофеля 25 сортов*.

Тактика положительной оценки выражается через мнение автора, участников и реализуется при помощи следующих языковых средств:

- эмоционально окрашенных прилагательных и словосочетаний с оценочным значением: *полезный, уникальный, зрелищный, настоящие шедевры, вкусный, яркое, красочное, долгожданный, произвел фурор, смотрели с удовольствием, развлечения с избытком*;

- интенсификаторов, которые усиливают употребляемые с ними прилагательные или существительные: *самый, очень, особой, наиболее*;

- наречий: *быстро, на отлично, поистине, ярко, настолько*;

- прямой речи и ссылки на авторитетных персон, которые дали свой положительный комментарий по поводу праздника: *Елена Ольшевская, заместитель директора Березинского биосферного заповедника, заместитель директор по туризму Березинского биосферного заповедника Виктория Каминская*.

Стратегия продвижения в постсобытийных текстах, в отличие от предсобытийных, не стремится продвигать праздник как таковой, она направлена на продвижение местности, её уникальной территории, традиций, обрядов и делает упор на необходимость сохранности описываемых вещей для экологии в целом и для наших потомков как единиц нашего богатого наследия.

Стратегия продвижения реализуется посредством тактики презентации местности. Тактика презентации местности в постсобытийных текстах, в отличие от дособытийного дискурса, делает акцент на уникальности места, в котором проходил праздник. Информация подаётся в настоящем времени, таким образом подчёркивает, что данная местность была, есть и будет такой же уникальной и дальше и, тем самым, имплицитно наводит читателя на мысль, что для того, чтобы посетить это живописное место, не обязательно дожидаться следующего года, а можно сделать это в любое удобное время. Описываемая тактика реализуется при помощи: глагола *славится*; существительных и словосочетаний, дающих представление, кем / чем славится данная местность: *визитная карточка – неглюбский рушник, уникальной флорой и фауной, редкие растения, зубры, волки, медведи, сконцентрированы практически все виды флоры и фауны Полесского региона*; числительных, уточняющих информацию:

водится более 50 видов куликов, более 200 тысяч пернатых обитателей; словосочетаний, дающих характеристику местности и подчеркивающих её уникальность: *особое место со своей историей, уникальная природная территория, каждый год дающий рекордный урожай клюквы, важнейшее место для гнездования и миграционных остановок водно-болотных птиц, самая экологически чистая часть страны, неповторимая природная жемчужина*; прямой речи и ссылки на авторитетных персон: благодаря высказанному мнению подчеркивается уникальность описываемой территории: *Председатель Житковичского райисполкома Дмитрий Гайкевич*.

Заключение. Подводя итог вышесказанному, отметим, что дискурс развлечений, представленный в текстах, посвященных брендовым экологическим праздникам, делится на предсобытийный и постсобытийный. В предсобытийном дискурсе развлечений были выявлены стратегия информирования и стратегия продвижения. Каждая из этих стратегий реализуется определенным набором тактик. Стратегия информирования реализуется посредством тактики анонсирования, стратегия продвижения – посредством тактик презентации мероприятия, презентации местности и тактики завлечения. В постсобытийном дискурсе развлечений используется стратегия подведения итогов, которая реализуется посредством тактики информирования и тактики положительной оценки. Еще одна стратегия, которая используется в постсобытийных текстах, это стратегия продвижения, реализуемая посредством тактики презентации местности и тактики сохранения.

Следует отметить, что выбор стратегий и тактик в дособытийном и постсобытийном дискурсе по большей части различается, а используемая в обоих случаях стратегия продвижения дифференцирована набором тактик и делает упор на разные аспекты проблемы, тем самым по-разному акцентируя внимание читателей на одних и тех же вещах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Самусевич Д.Е. Дискурс развлечений: терминологическая вариативность и неоднозначность толкования // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2023. – № 3(124). – С. 44–52.
2. Праздничный маркетинг как способ создания эмоциональной связи потребителей с брендом / Д.В. Соловьева, А.Н. Булыгина, Д.Д. Шагохина, А.А. Воробьева // Практический маркетинг. – 2020. – № 4(278). – С. 11–18.
3. Комогорцева Н.А., Кородюк Г.М. Брендовые культурно-досуговые проекты: сб. – Иркутск: Иркут. обл. Дом нар. творчества, 2015. – 58 с.

Поступила 15.04.2024

STRATEGIES OF THE ENTERTAINMENT DISCOURSE BASED ON THE BRAND ECOLOGICAL HOLIDAYS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

D. SAMUSEVICH
(Minsk State Linguistic University)

The article is devoted to the research of the Russian entertainment discourse. In the article an analysis of news materials in Russian is carried out. The materials contain information about brand holidays in the Republic of Belarus with the aim to determine the communicative strategies, that are used for the achievement of the main goals set by the authors of the news articles. As a result of the research the terms “brand holiday”, “territorial brand holiday” are defined and the communicative strategies and tactics of the entertainment discourse in Russian are identified, as well as the lexical means of explication of these strategies and tactics.

Keywords: *discourse, entertainment discourse, brand holidays, communication strategies, communication tactics, news articles.*

УДК 811.581'37+811.581'35

DOI 10.52928/2070-1608-2024-72-4-76-81

КОГНИТИВНАЯ ПИРАМИДА ВЫБОРА ДЕТЕРМИНАТИВОВ-ОБОЗНАЧЕНИЙ ПРИРОДНЫХ ОБЪЕКТОВ В КИТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

канд. филол. наук, доц. **Н.В. МИХАЛЬКОВА**
(Минский государственный лингвистический университет)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4442-3139>

В статье проводится структурно-семантический анализ иероглифических гнезд с детерминативами-обозначениями природных объектов в китайской письменности. Выявляется состав и семантические характеристики сложных иероглифических знаков с детерминативами 日 'солнце', 山 'гора', 月 'луна', 貝 'раковина' и 冨 'холм'. Определяется набор семантических связей, организующих сложные знаки в единое иероглифическое объединение, на основании которых строится когнитивная пирамида мотивировочных оснований выбора детерминативов-обозначений природных объектов в китайском языке.

Ключевые слова: когнитивная пирамида, детерминатив, природный объект, китайская письменность, семантические связи.

Введение. Определение принципов выбора языковых форм для описания понятий различного типа, основанное, как уже было неоднократно доказано когнитивными исследованиями [4–6], на особенностях концептуализации, т.е. установлении набора когнитивных признаков явлений реального или воображаемого мира, является одной из ключевых задач лингвистической науки. Данные признаки, представляющие собой систему мотивировочных оснований, обуславливающих построение и выбор языковых знаков, хранящихся в сознании человека и комбинируемых различными способами, могут различаться относительно разных языковых систем (см. рус. спальня (мотивировочный признак – действие «спать»), англ. bedroom (мотивировочный признак – объект «кровать»), кит. 臥室 (мотивировочный признак – действие «отдыхать»). В китайском языке ряд подобных мотивировочных оснований детерминирует также выбор компонентов сложных иероглифических знаков, конструирование которых происходит частично аналогично словообразовательным гнездам русского языка [8].

Вершиной иероглифического знакообразовательного гнезда становится смысловой компонент – детерминатив, входящий в состав производных от него сложных знаков, например, детерминатив 山 'гора' входит в такие производные сложносоставные иероглифы, как 巖 'обрывистый', 崑 'высокий, крутой', 崑 'высокий, массивный', 崑 'высокий, гористый', 崑 'высокий, возвышенный', 崑 'возвышающийся', 崑 'высочайший', 崑 'обрывистый', 崑 'высокий, отвесный', 崑 'высокий, обрывистый', 崑 'скалистый' и др. (ср. рус. гора – гористый, горный). Кроме перечисленных иероглифических единиц, выражающих характеристики гор, в иероглифическое гнездо могут также входить иные семантические категории иероглифических знаков. Следовательно, возникает вопрос относительно того, какие семантические типы сложных иероглифов составляют иероглифическое гнездо с тем или иным детерминативом в китайском языке, а также какие мотивировочные признаки являются основанием когнитивной пирамиды выбора детерминативов различного типа.

Основная часть. Материалом послужила группа сложных иероглифических знаков с детерминативами, которые могут быть отнесены к одной семантической области – наименованиям природных объектов (日 'солнце', 山 'гора', 月 'луна', 貝 'раковина' и 冨 'холм'), образующим 5 иероглифических гнезд общим объемом 5706 входящих в них единиц. Две графемы из перечисленных имеют несколько значений, в частности, детерминатив 月 кроме значения «луна» имеет также значение «мясо», детерминатив 冨, в зависимости от положения в иероглифе (левое или правое), кроме значения «холм» может иметь значение «город». Сложные иероглифические знаки, в составе которых имели место детерминативы со значениями «мясо» и «город», нами не рассматривались.

Методология построения когнитивной пирамиды выбора детерминатива – обозначения природного объекта строилась на основании: 1) семантического анализа и семантической классификации сложных знаков, которые входят в обозначенные иероглифические гнезда, а также 2) конструирования семантической матрицы связей между сложными иероглифами и составляющими их детерминативами. Семантический анализ включал определение первого значения иероглифического знака (вторичные значения не связаны с графикой) и выявление его компонентов. Семантическая классификация базировалась на выделении категориального компонента семантики иероглифической единицы. Источниками материала исследования на этом этапе послужили толковые и иероглифические словари различного типа и времени издания [9–11].

Семантическая матрица связей и когнитивная пирамида выбора детерминатива сложного иероглифического знака строилась на основании базовых работ по когнитивной лингвистике, в частности, интеракционной теории М. Блэка [1] и теории концептуальной интеграции Ж. Фоконьи и М. Тернера [2; 3], согласно которым существуют смешанные ментальные пространства (*blended spaces*) или бленд (*blend*) связей между элементами вводных пространств и концептуальные сети нашего сознания, обладающие сложной структурой аналогических и метафорических отображений. Так, например, признак цвет (волос) может послужить базисом для обозначения девушки с данным цветом

волос – блондинки в английском языке (например, *she is a natural blonde*), следовательно, возникает связь – абстрактный признак (цвет) – наименование лица (блондинка). Образованные подобные связи между детерминативами и сложными китайскими иероглифами, куда они входят, позволили, соответственно, разработать семантическую матрицу связей для детерминативов-обозначений природных объектов, которая легла в основу конструирования когнитивной пирамиды выбора детерминативов-обозначений природных объектов в китайском языке.

Семантический анализ сложных иероглифических знаков с детерминативами 日 ‘солнце’, 山 ‘гора’, 月 ‘луна’, 貝 ‘раковина’ и 冫 ‘холм’ показал неоднородность как количественного, так и качественного состава данных иероглифических гнезд. Наиболее крупные подсистемы единиц составили иероглифы с детерминативами 日 ‘солнце’ и 山 ‘гора’. В частности, детерминатив 日 ‘солнце’ входит в состав сложных иероглифических знаков китайского языка, выражающих различные значения, связанные с данным объектом природы. Наиболее широкую область составляют семантические группы сложных иероглифических знаков китайского языка, выражающих:

1) характеристики солнца: 明 ‘светлый, ясный’, 明 ‘яркий’, 晗 ‘предраассветный’, 暑 ‘жаркий’, 晶 ‘блестящий’, 晡 ‘пылающий’ и др.;

2) положение солнца: 早 ‘восход’, 吻 ‘рассвет’, 昏 ‘закат’ и др.;

3) источник света: 囟 ‘свеча’;

4) солнечный свет: 曙 ‘свет’, 暖 ‘дневной свет’, 曛 ‘солнечный свет’ и др.;

5) части солнца: 昊 ‘солнечные лучи’;

6) негативное воздействие солнца: 映 ‘облучение’.

Менее частотны сложные иероглифические знаки с детерминативом 日 ‘солнце’, обозначающие:

1) промежутки времени, например: 旬 ‘декада’, 昃 ‘длинный день’;

2) небо и связанные с ним характеристики: 旻 ‘небо’, 颯 ‘воздух’;

3) небесные тела, например: 星 ‘звезда, планета’, 昧 ‘звезда’;

4) атрибутивный признак «непонятный, неясный», что по своей семантической направленности является антонимичным понятием значения детерминатива 日 ‘солнце’, например: 曠 ‘темнота’, 瞶 ‘мрачный’;

5) процессуальные переменные признаки «заблуждаться», например: 晕 ‘заблуждаться’, 瞶 ‘прийти в смятение’;

6) размер, например: 曠 ‘большой’, 曠 ‘просторный’, 普 ‘всеобщий’, 曠 ‘обширный’;

7) характеристики человека: 昃 ‘мягкий, доброжелательный человек’, 昇 ‘радостный’, 唼 ‘любопытный’, 昵 ‘близкий, дружеский’, 暴 ‘жестокий’, 昃 ‘верный человек’;

8) обозначение родства людей: 舅 ‘старший брат’;

9) электричество: 睽 ‘электричество’;

10) часы, например, 是 – обозначение солнечных часов в древности, в дальнейшем получил интерпретацию ‘быть, являться’. Существует трактовка такого значения в связи с нахождением человека под солнцем.

Наиболее широкую подсистему сложных иероглифов с детерминативом 山 ‘гора’ составляют такие области обозначений, как:

1) номинации частей гор и их соединений: 山 ‘склон, впадина’, 尖 ‘пик’, 嶂 ‘пик’, 嶂 ‘горный хребет’, 嶂 ‘нижняя часть горы’, 嶂 ‘горный пик’, 嶂 ‘пик’, 嶂 ‘пик’, 峯 ‘вершина горы’, 嶂 ‘вершина горы’, 嶂 ‘высокий остроконечный пик’, 嶂 ‘обрыв’;

2) номинации видов гор: 岷 ‘лысая гора’, 岷 ‘каменная гора’, 岷 ‘большая гора’, 岷 ‘холм’, 岷 ‘каменистый холм’, 岩 ‘скала, утес’, 岷 ‘гора на горе’, 岷 ‘зеленый холм’, 岷 ‘каменистая гора’, 岷 ‘небольшая гора’, 岷 ‘высокая гора’, 岷 ‘холм’, 岷 ‘гора без растительности’, 岷 ‘холм’, 岷 ‘скала’, 岷 ‘гора с плоской вершиной’, 岷 ‘скала, утес’, 岷 ‘холм’;

3) номинации, репрезентирующие различные характеристики гор: 岷 ‘неровный’, 岷 ‘голый, лысый’, 岷 ‘высокий’, 岷 ‘высокий’, 岷 ‘острый’, 岷 ‘высокий, отвесный’, 岷 ‘высокий, крутой’, 岷 ‘остроконечный (о пике)’, 岷 ‘величественный, монументальный’, 岷 ‘густой’, 岷 ‘высокий, мощный’, 岷 ‘неровный’, 岷 ‘крутой, отвесный’, 岷 ‘высокий’, 岷 ‘извилистый’, 岷 ‘высокий, остроконечный’, 岷 ‘крутой’, 岷 ‘высокий, обрывистый’, 岷 ‘высокий, вздымающийся’, 岷 ‘отвесный, крутой’, 岷 ‘касающийся облаков’ и др.

Менее широкие области сложных знаков с детерминативом 山 ‘гора’ составляют обозначения:

1) процессов различного типа, в частности: 岷 ‘колебаться, содрогаться’, 岷 ‘возвышаться’, 岷 ‘разветвляться’;

2) горных локаций: 岷 ‘место между горами’, 岷 ‘дорожка между горами’, 岷 ‘место излома’, 岷 ‘название местности’, 岷 ‘долина, впадина’;

3) количество: 岷 две горы;

4) остров: 岷 ‘остров’, 岷 ‘название острова’, 岷 ‘название мыса’, 岷 ‘остров’, 岷 ‘островок, скала среди моря’, 岷 ‘остров’, 岷 ‘остров’, 岷 ‘островок’;

5) берег: 岷 ‘извилистый берег’, 岷 ‘берег, суша’, 岷 ‘берег’;

6) время: 岷 ‘год’, 岷 ‘год’, 岷 ‘эпоха, время’;

7) природные явления: 岷 ‘туман в горах’, 岷 ‘туман’;

8) камень: 岍 ‘камень у склона горы’, 嶂 ‘горные камни’;

9) животные: 宰 ‘название животного’.

Иероглифическое гнездо с детерминативом 月 ‘луна’ составляют такие номинации, как:

обозначения небесных объектов (луны): 朏 ‘тускнеющая луна’, 朏 ‘свет луны’, 朏 ‘ущербная луна’;

2) обозначения атрибутивных признаков «светлый, ясный»: 朏 ‘ясный’, 朏 ‘светлый’, 朏 ‘тёплый лунный свет’;

3) обозначение слабости, хрупкости: 朏 ‘хрупкий’, 朏 ‘хрупкий’, 朏 ‘хрупкий’.

Большинство иероглифов с детерминативом 貝 ‘раковина’ имеют значение, связанное с денежным оборотом или их количеством. Например, 賺 ‘зарабатывать’, 购 ‘покупать’, 贸 ‘торговать, выменивать’, 财 ‘богатство’, 贯 ‘занимать’, 费 ‘тратить’, 贼 ‘вор; воровать’, 贪 ‘жадный’, 贫 ‘бедный, нуждающийся’, 账 ‘счет; долг’, 贱 ‘дешевый’, 赈 ‘помогать нуждающимся; богатый’, 赏 ‘платить, откупаться’ и др. Наиболее широкую область сложных иероглифических знаков с детерминативом 貝 ‘раковина’ составляют обозначения:

1) различных видов накоплений, например: 货 ‘богатство’, 贯 ‘деньги в виде ракушек’, 购 ‘капитал’, 貯 ‘накопление’, 贖 ‘капитал’, 财 ‘народные сокровища’, 贖 ‘материальные ценности’, 贖 ‘наследие’;

2) денежного обмена и выплат, например: 贖 ‘дать займы’, 贖 ‘денежный обмен’, 贖 ‘долг’, 贖 ‘покупать’;

3) характеристик, например: 贖 ‘богатый’;

дарения, например: 贖 ‘дарить’, 贖 ‘одаривать’, 贖 ‘даровать’, 贖 ‘подносить’;

5) товара, например: 贖 ‘товар’, 贖 ‘богатство, товары’.

Менее распространены сложные иероглифические знаки с детерминативом 貝 ‘раковина’, обозначающие:

1) водную живность, например: 贖 ‘большая ракушка’, 贖 ‘лягушка’, 贖 ‘желтый моллюск с белыми пятнами’, 贖 ‘ракушка’, 贖 ‘сухопутный моллюск’, 贖 ‘скорпион’, 肥 ‘ракушка’;

2) звук моллюска, например: 贖 ‘звук моллюска’, 贖 ‘звук моллюска’;

3) гадание, например: 贖 ‘гадать за деньги’;

сокращение, убавление, например: 贖 ‘сокращать’;

5) талантливого и одаренного человека, например: 贖 ‘всесторонне одаренный’;

6) уважаемого человека, например: 贖 ‘уважаемый’, 贖 ‘почитаемый’;

7) торговую точку, например: 贖 ‘рынок’, 贖 ‘рынок’, 贖 ‘рынок’;

виды торговли, например: 贖 ‘небольшая торговля’, 贖 ‘мелкая торговля’, 贖 ‘небольшая торговля’;

9) город, например: 贖 ‘город’;

недешевые вещи, например: 贖 ‘недешевый’, 贖 ‘дорогой’, 贖 ‘недешевый’;

11) обеспеченного человека, например: 贖 ‘преуспевающий’, 贖 ‘обеспеченный’;

12) бедность, например: 贖 ‘бедность’;

13) просьбу с помощью денег, например: 贖 ‘просить за деньги’ и др.

Одну из наиболее широких групп иероглифов с детерминативом 阝 ‘холм’ составляют номинации:

1) различных видов возвышенностей, например: 阜 ‘насыпь; холмик’, 阝 ‘горная цепь, хребет’, 陵 ‘утес (высокая отвесная скала)’, 阝 ‘маленькая насыпь; холмик’, 陵 ‘холмик; могила’, 阝 ‘могила’ и др.;

2) частей холмов, например: 阝 ‘склон горы, откос’, 阝 ‘склон’, 阝 ‘склон’, 阝 ‘склон горы, откос’, 阝 ‘крутой склон’, 阝 ‘основание холма’, 阝 ‘угол’, 阝 ‘обрыв в горном хребте’, 阝 ‘обрыв; крутой склон’.

Менее распространены сложные иероглифические знаки с детерминативом 阝 ‘холм’, обозначающие:

1) качественные характеристики объекта: 阝 / 阝 ‘отвесный’, 阝 ‘наклонный; обрывистый’, 阝 ‘отвесный; крутой’;

2) параметрические свойства: 阝 ‘высокий’, 阝 ‘крутой, отвесный, высокий’, 阝 ‘узкий’.

Наименее частотны в структуре иероглифического гнезда с детерминативом 阝 ‘холм’ топонимы, включающие географические названия:

1) небольших гор – оронимы (阝, 阝, 阝, 阝);

2) местностей, провинций – административные хоронимы (阝, 阝, 阝, 阝, 阝, 阝, 阝, 阝);

3) озер – лимнонимы (阝);

4) династий (阝), а также процессуальные знаки, например, 阝 ‘прятаться; скрываться’, 阝 ‘подниматься’¹;

¹ Следует подчеркнуть, что семантика направления / изменения положения в пространстве отражена в данном случае в графике посредством детерминатива 阝 ‘Холм’ (см. также иероглиф 阝 ‘вставать’ и др.). В случае с иероглифом 阝 ‘вставать’ стоит отметить, что данный иероглиф является вариантом упрощенного знака 阝 ‘вставать’, который был модифицирован путем удаления двух семантических компонентов: детерминатива 阝 ‘Холм’ и идеографа 土 ‘земля’, что говорит о концептуализации пространственных движений носителями китайского языка с помощью объектов, относительно которых оно совершается. В этом отношении иероглифические обозначения этапа исходного космогенеза в представлении китайской философии 阴 и 阳 (Инь и Ян) также обозначены путем использования детерминатива 阝 ‘Холм’ как средства выражения объекта, относительно которого происходят природные явления восхода и заката, появления солнца и луны и, соответственно, выступающих мотивировочным основанием для образования множества иных противоположных ассоциативных значений.

- 5) зоонимы: 隍 означает «жеребец» (см. компонентный состав знака: лошадь + малый + холм);
- 6) дорожки: 阡 ‘дорожка; тропинка’, 陌 ‘дорожка между полями’ и др.;
- 7) острова и материка: 隍/隍 ‘остров’, 陸 ‘материк’, 陟 ‘островок’, 隍 ‘лестница; извилистый берег’;
- 8) обозначения границ: 际 ‘граница’, 陞 ‘край, граница’, 際 ‘граница’;
- 9) строительные конструкции: 陞/陞 ‘парапет’, 阶 ‘ступени; лестница’, 阼 ‘парадная лестница’, 陞 ‘ступени трона’, 陞 ‘ступенька; лестница’ – сходство по размеру и форме и др. [7].

Таким образом, семантическая матрица китайского иероглифического гнезда с детерминативами – обозначениями природных объектов, представляет собой систему семантических связей, обуславливающих выбор соответствующего смыслового компонента при включении в сложные иероглифические знаки. Основываясь на данных семантического анализа входящих в каждое исследуемое гнездо иероглифов, можно сделать вывод о том, что данную систему связей составляют такие фундаментальные отношения единиц в языковых системах, как гиперогипонимия (объект – вид объекта) и холо-меронимия (объект – часть объекта), а также иные виды семантических соединений, обуславливающих выбор детерминативов – обозначений природных объектов (таблица 1).

Таблица 1. – Семантическая матрица связей между детерминативами-обозначениями природных объектов и сложными иероглифическими знаками китайского языка, куда они входят

Детерминатив / Семантические связи	日 ‘солнце’	山 ‘гора’	月 ‘луна’	貝 ‘раковина’	冫 ‘холм’
Объект – вид объекта	+	+	+	+	+
Объект – часть объекта	+	+	-	+	+
Объект – действие	+	+	-	+	+
Объект – атрибут	+	+	+	+	+
Объект – субъект	+	+	-	-	-
Объект – звукоподражание	-	+	-	+	-
Объект – иной объект	+	+	-	+	+
Объект – абстрактная сущность	+	+	-	+	+
Объект – вещество	+	+	-	+	-
Объект – локация	-	+	-	+	+
Объект – зооним	-	+	-	+	+
Объект – время	+	+	+	-	-
Индекс семантических связей	0,7	1	0,2	0,8	0,6

В группе детерминативов – номинаций природных объектов наибольшее число связей зафиксировано в области детерминатива 山 ‘гора’. Менее семантически разветвленными являются иероглифические гнезда с детерминативами 日 ‘солнце’, 貝 ‘раковина’ и 冫 ‘холм’. Наименьшее количество семантических связей зафиксировано нами между детерминативом 月 ‘луна’ и сложными иероглифическими знаками, куда он входит. Это отражается на значении индекса семантических связей i_k , позволяющего увидеть, насколько детерминативы, относящиеся к одной семантической области, схожи или различны относительно способности участвовать в создании семантических связей со сложными иероглифическими знаками разных семантических типов. Индекс семантических связей определялся по следующей формуле:

$$i_k = \frac{1}{m} \sum_{n=1}^l x_n$$

- где k – номер индекса для k -го элемента;
- m – количество порождаемых семантических связей;
- l – число связей для k -го элемента группы;
- x_n – наличие связей в n -м звене;
- n – номер элемента связи.

В рассматриваемой группе детерминативов – обозначений природных объектов детерминатив 山 ‘гора’ имеет наиболее высокий индекс семантической связей $i_k = 1$. Это говорит о том, что семантический потенциал данного графического элемента очень широкий. Соответственно, способность порождать новые семантические связи потенциально высокая. В то же время это приводит к сложности определения семантики иероглифов, куда они входят, поскольку семантические границы таких иероглифических гнезд очень широкие. У детерминатива 月 ‘луна’ – самый низкий в группе показатель индекса семантических связей i_k . Следовательно, семантические категории, к которым могут быть отнесены иероглифы с данным детерминативом в своем составе, очень ограничены и включают обозначения вида (гиперогипонимическая связь), отдельных атрибутивных признаков и временных показателей. Общими для детерминативов рассматриваемой группы семантическими связями, составляющими ядерную семантическую зону для всех детерминативов группы, являются «объект – вид объекта» и «объект – атрибут», характеризующие все представленные в данной группе обозначения объектов живой природы (таблица 2).

Таблица 2. – Примеры сложных иероглифов китайского языка с детерминативами 日 ‘солнце’, 山 ‘гора’, 月 ‘луна’, 貝 ‘раковина’ и 阝 ‘холм’, для которых характерны общие принципы семантического объединения в иероглифическое гнездо

Детерминатив / Семантические связи	日 ‘солнце’	山 ‘гора’	月 ‘луна’	貝 ‘раковина’	阝 ‘холм’
Объект – вид объекта	暘 ‘солнце, выходящее из облаков’	岍 ‘каменная гора’	朧 ‘тускнеющая луна’	蚌 ‘большая ракушка’	陵 ‘холмик; могила’
Объект – атрибут	暉 ‘пылающий’	峽 ‘высокий, возвышенный’	朗 ‘светлый’	賒 ‘богатый’	峭 ‘отвесный’

Следовательно, детерминатив-наименование природного объекта, прежде всего, включается в сложный иероглифический знак для обозначения вида объекта, а также атрибута, характеризующего его или ассоциативно связанного с ним, что составило основание когнитивной пирамиды выбора детерминативов-обозначений природных объектов в китайской письменности (рисунок).

Рисунок. – Когнитивная пирамида оснований выбора детерминатива-обозначения природного объекта в китайской письменности

Центральную часть когнитивной пирамиды занимают такие семантические связи, как «объект-часть объекта», «объект-действие», «объект-абстрактная сущность» и «объект-иной объект», которые характерны для четырех из пяти исследуемых детерминативов данной группы, а также «объект-вещество», «объект-локация», «объект-зооним» и «объект-время», которые характерны для трех из пяти исследуемых детерминативов данной группы. Вершину когнитивной пирамиды составляют семантические связи «объект-субъект» и «объект-звукоподражание», например, 舅 (старший брат) (детерминатив 日 ‘солнце’), 丞 ‘помощник главы’, 峴 ‘монах’, 崽 ‘детеныш, сын’, 仙/叢 ‘отшельник, святой’, 嶂 ‘трах, бум! (звукоподражание грохоту, гулу, грому)’ (детерминатив 山 ‘гора’), 贻 ‘звук моллюска’, 贻 ‘звук моллюска’ (детерминатив 貝 ‘раковина’).

Заключение. Таким образом, построенная нами когнитивная пирамида оснований выбора детерминативов, обозначающих природные объекты различного типа (日 ‘солнце’, 山 ‘гора’, 月 ‘луна’, 貝 ‘раковина’ и 阝 ‘холм’), позволяет сделать следующие заключения. Во-первых, обозначения природных объектов в китайской письменности имеют достаточно широкий семантический и деривационный потенциал, порождая значительную как по количественным, так и качественным характеристикам область сложных иероглифических знаков, в состав которых они включаются. Во-вторых, семантические связи, обуславливающие вхождение сложных иероглифов с детерминативами-обозначениями природных объектов в соответствующие иероглифические гнезда, включают кроме фундаментальных гиперо-гипонимических и холо-меронимических отношений, также 11 иных видов объединений, позволяющих номинировать такие понятия, как время, вещество, абстрактные сущности, действия, зоонимы, субъекты и звукоподражания. В-третьих, выбор детерминативов 日 ‘солнце’, 山 ‘гора’, 月 ‘луна’, 貝 ‘раковина’ и 阝 ‘холм’, в первую очередь, обуславливается необходимостью номинации вида и характеристики природного объекта. Блендинг областей знания позволяет также выразить с помощью данных детерминативов большую часть разнообразных семантически отдаленных метафорических и метонимических обозначений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Black M. Models and metaphors: studies in language and philosophy. – Ithaca: Cornell University Press, 1962. – 267 p.
2. Fauconnier G., Sweetser E. Cognitive links and domains: Basic aspects of mental space theory // Spaces, worlds, and grammar / Ed. Fauconnier G., Sweetser E. Chicago. – L. Univ. of Chicago press, 1996. – P. 1–28.

3. Fauconnier G., Turner M. Conceptual Projection and Middle Spaces. – San Diego, 1994. – URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1290862. (Дата обращения: 22.09.2022).
4. Jackendoff Ray S. Semantics and cognition (Current studies in linguistics; 8). – Cambridge : MIT Press, 1999. – 283 p.
5. Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. – Chicago, London: University of Chicago Press, 1987. – 632 p.
6. Miller G. A., Fellbaum C. Semantic networks of English // Lexical and conceptual semantics. – B. Levin, and S. Pinker (eds.). – Cambridge, Oxford: Blackwell, 1992. – P. 197–229.
7. Михалькова Н.В. Семантическая организация иероглифического гнезда с детерминативом 阝 «холм» (на материале китайского языка) // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17–18 марта 2022 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Н.А. Куркович (гл. ред.). – Минск: БГУ, 2022. – С. 213–218.
8. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2 т. – М.: Культура и традиции, 1985. – 578 с.
9. 汉字字典. – URL: <https://www.zdic.net/zd/bs/?bs=%E4%BA%BB>. (Дата обращения: 24.01.2024).
10. 现代汉语词典 (第 5 版) /中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. –北京: 商务印书馆, 2009. – 1870 页
11. 许慎. 说文解字 /慎许. -岳麓: 岳麓书社, 2006. – 540 页

Поступила 31.05.2024

COGNITIVE PYRAMID OF RADICALS SELECTION IN THE CHINESE WRITING (BASED ON OBJECT NOMINATIONS OF NATURE)

N. MIKHALKOVA
(Minsk State Linguistic University)

The article provides the structural and semantic analysis of character groups with determinatives-designations of natural objects in the Chinese writing. The composition and semantic characteristics of complex Chinese signs with the determiners 日 'sun', 山 'mountain', 月 'moon', 貝 'shell' and 阝 'hill' are revealed. The set of semantic connections that organize complex signs into one character group is determined, on the basis of which the cognitive pyramid of motivational grounds for choosing determinatives-designations of natural objects in the Chinese language is built.

Keywords: cognitive pyramid, determiner, natural object, the Chinese writing, semantic connections.

УДК 811.161.3

DOI 10.52928/2070-1608-2024-72-4-82-87

ИНТЕГРАЛЬНЫЯ ПРЫМЕТЫ СІНАНІМІЧНАСЦІ ДЗЕЯСЛОЎНЫХ ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ З СУБКАТЭГАРЫЯЛЬНЫМ ЗНАЧЭННЕМ ДЗЕЙНАСЦІ

канд. філал. навук, дац. В.В. МАРШЭЎСКАЯ
(Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0006-4621-4620>

Аўтар робіць спробу ўдакладніць асноўны паняццёвы апарат – фразеалагічныя сінонімы, сінанімічны рад – дзеяслоўных фразеалагізмаў з субкатэгарыяльным значэннем дзейнасці. Асноўнымі метадамі даследавання сталі метады семантычнай ідэнтыфікацыі, метады кампанентнага аналізу, апісальны і аналітычны метады. Устаноўлена, што аналізаваныя фразеалагізмы-сінонімы ўтвараюць сінанімічныя рады, у семантычнай структуры якіх прысутнічаюць такія семантычныя прыкметы, як катэгарыяльнае значэнне дзеяння (працэсу), субкатэгарыяльнае значэнне дзейнасці, інтэгральная сема канкрэтнай або абстрактнай дзейнасці. Пераважаюць фразеалагізмы-сінонімы са значэннем абстрактнай дзейнасці. На дэнататыўным узроўні фразеалагізмы-сінонімы не могуць узаемамяняцца ў любым кантэксце: адрозненні ў этымалагічных вобразах, непаўторная ўнутраная форма, разнастайная экспрэсіўна-ацэначная афарбоўка выключаюць магчымасць адэкватнай замены. У працэсе функцыянавання дзеяслоўных фразеалагізмы-сінонімы валодаюць складаным перапляценнем семантычных, граматычных, стылістычных характарыстык, што замацоўвае за імі пазіцыю частковай узаемазамены. Атрыманыя вынікі могуць быць выкарыстаныя ў тэорыі і практыцы лексікаграфіі і фразеаграфіі.

Ключавыя словы: сінонімы, сінанімічны рад, дзеяслоўныя фразеалагізмы, субкатэгорыя дзейнасці, фразеалогія, беларуская мова.

Уводзіны. Пытанне сінанімічнасці фразеалагізмаў беларускай мовы разглядалі ў шматлікіх навуковых, вучэбных і метадычных працах лінгвісты Ф.М. Янкоўскі [1], А.С. Аксамітаў [2], І.Я. Лепешаў [3], В.М. Касцючык¹, В.П. Красней², М.А. Даніловіч³ і інш. У многіх азначэннях фразеалагічных сінонімаў асноўная ўвага акцэнтавалася на семантычных і стылістычных адрозненнях: “фразеалагічныя сінонімы – гэта фразеалагізмы, якія абазначаюць тое самае ці блізкае паняцце, але адрозніваюцца адцэннямі значэння ці эмацыянальна-экспрэсіўнай афарбоўкай” [1, с. 49]; “пад фразеалагічнымі сінонімамі разумеюцца такія фразеалагічныя адзінкі, якія абазначаюць адзін і той жа прадмет аб’ектыўнай рэчаіснасці, адно паняцце, яны блізкія па значэнні, але маюць розныя вобразныя стрыжні (унутраную форму) і таму адрозніваюцца сэнсавымі і стылістычнымі адцэннямі і эмацыянальна-экспрэсіўным каларытам” [2, с. 39]; “абазначаючы адзін і той жа аб’ект рэчаіснасці, сінанімічныя фразеалагізмы адрозніваюцца або адцэннем значэння, або стылістычнай афарбоўкай, або тым і другім адначасова”⁴.

У рускай мове сінанімічнасць фразеалагізмаў даследавалі Ю.Д. Абрэсян⁵, Ю.Ю. Аваляні [4], С.Г. Гаўрын [5], М.І. Сідарэнка [6], У.П. Жукаў [7], М.М. Шанскі⁶ і інш. Ю.Д. Абрэсян слухна заўважыў, што “азначэнне сінонімаў як слоў, якія пры супадзенні агульнага значэння адрозніваюцца адзін ад аднаго адцэннямі значэння, не можа лічыцца дастаткова дакладным і змястоўным, таму што ні адзін лінгвіст, які апярэчыў тэрмінам “адценне значэння”, не азначае гэтае паняцце”⁷. Далей Ю.Д. Абрэсян пазначае, што “адценне значэння не з’яўляецца ў семантычнай структуры фразеалагічнай адзінкі велічыняй, што існуе асобна і незалежна ад яе значэння. Гэта толькі нейкая семантычная асаблівасць значэння, якая праяўляецца пры супастаўленні пэўнай фразеалагічнай адзінкі з яе сінонімам. Таму мы не можам супрацьстаўляць адценне значэння і значэнне ў якасці самастойных існасцей. Гэта не азначае, аднак, што яны не могуць быць супастаўленымі. Іх параўнальны аналіз аказваецца тым больш неабходным, бо часта адценні значэнняў развіваюцца ў самастойныя значэнні”⁸.

Наглядзячы на тое, што пытаннем сінаніміі лінгвісты ўдзялялі і ўдзяляюць шмат увагі, актуальнасць і дыскусійнасць іх не сціхае. Як піша складальнік адзінага даведніка па сінаніміі беларускай мовы М.К. Клышка⁹, “здаецца, што тут складанага? Яшчэ на школьнай лаве мы даведаліся: сінонімы – гэта словы з аднолькавым ці

¹ Касцючык В.М. Сінанімія і варыянтнасць у дыялектнай фразеалогіі (на матэрыяле гаворак Брэстчыны): аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук: 10.02.01 / Бел. дзярж. пед. ун-т імя Максіма Танка. – Мінск, 2000. – 21 с.

² Сучасная беларуская мова: лексікалогія, фразеалогія: вучэб. дапам. / В.П. Красней, У.М. Лазоўскі, І.М. Шчарбакова. – Мінск: Універсітэцкае, 1984. – 175 с.

³ Даніловіч М.А. Вывучэнне фразеалогіі на ўроках мовы: дапам. для настаўніка. – Мінск: Нар. асвета, 1991. – 96 с.

⁴ Гл. зноску № 2. – С. 143.

⁵ Абрэсян Ю.Д. Фразеалагічныя синонимы типа «глагол-существительное» в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1956. – 324 с.

⁶ Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие для филол. фак-та. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1985. – 160 с.

⁷ Гл. зноску № 5. – С. 19.

⁸ Там жа. – С. 21.

⁹ Клышка М.К. Слоўнік сінонімаў і блізказначных слоў / пад рэд. Л.А. Антанюк. – 2-е выд., выпр. і дапоўн. – Мінск: Выш. шк., 1993. – 445 с.

блізкім значэннем, але розным гучаннем. Але калі знаёмішыся з бяздонным, бяскрайнім слоўным акіянам, пераконваешся, што і двух слоў, якія поўнаасцю супалі б значэннем, знайсці не так ужо і лёгка, а нават, сцвярджаюць некаторыя даследчыкі, і немагчыма”¹⁰.

Мэтай нашага даследавання з’яўляецца выяўленне інтэгральных прымет сінанімічнасці дзеяслоўных фразеалагізмаў з субкатэгарыяльным значэннем дзейнасці.

Задачы даследавання: выдзеліць фразеалагізмы-сінонімы ў межах семантычных груп “абстрактная дзейнасць”, “канкрэтная дзейнасць”, семантычных падгруп “маўленне”, “мысленне”, “сацыяльная дзейнасць”, “рух, перамяшчэнне ў прасторы”, “канкрэтныя фізічныя дзеянні”; удакладніць асноўны паняціны апарат “фразеалагічныя сінонімы”, “сінанімічны рад” у дачыненні да дзеяслоўных фразеалагізмаў з субкатэгарыяльным значэннем дзейнасці як самастойнай фразеалагічнай мікрасістэмы.

Прадметам нашай увагі і аналітычнага аналізу з’яўляюцца выпадкі праяўлення здольнасці дзеяслоўнымі фразеалагізмамі з субкатэгарыяльным значэннем дзейнасці ўтвараць сінанімічныя рады і ўзаемазамыняцца ў індывідуальна-аўтарскім кантэксце.

Асноўная частка. У азначэннях фразеалагічных сінонімаў, дадзеных У.П. Жукавым і І.Я. Лепешавым, увага акцэнтаецца і на іншых (акрамя семантычных і стылістычных) адрозненнях: сінанімічнымі з’яўляюцца “фразеалагізмы з тоесным ці гранічна блізкім значэннем, суадносныя з адной і той жа часцінай мовы, якія пераважна валодаюць аднолькавай ці падобнай сінтаксічнай спалучальнасцю (гэтая асаблівасць, перш за ўсё, характэрная для аднаструктурных фразеалагізмаў), але адрозніваюцца адзін ад аднаго або адценнямі значэння, або стылістычнай афарбоўкай, або тым і другім адначасова” [7, с. 116]; “фразеалагічныя сінонімы абазначаюць адно і тое ж паняцце, маюць тоеснае ці гранічна блізкае значэнне, належаць да аднаго семантыка-граматычнага тыпу, але звычайна адрозніваюцца адзін ад другога адценнямі значэння, стылістычнай афарбоўкай і іншымі адметнымі адзнакамі” [3, с. 82]. Гэтыя два азначэнні сінанімічнасці фразеалагізмаў, на нашу думку, больш прымальныя. Паспрабуем прымяніць іх да дзеяслоўных фразеалагізмаў-сінонімаў з субкатэгарыяльным значэннем дзейнасці.

За аснову былі ўзяты сінанімічныя рады фразеалагізмаў, пададзеныя ў двухтомным тлумачальным слоўніку фразеалагізмаў І.Я. Лепешава¹¹; слоўнік змяшчае каля 6000 фразеалагічных адзінак (з іх толькі адназначных дзеяслоўных фразеалагізмаў мы налічылі 2322 адзінкі) і на сённяшні дзень з’яўляецца найбольш поўным фразеалагічным слоўнікам у беларускай лексікаграфіі. У слоўнікавых артыкулах сінанімічныя рады пададзены ў алфавітным парадку без паказу дамінантаў. Аналізуючы дзеяслоўныя фразеалагізмы-сінонімы з субкатэгарыяльным значэннем дзейнасці, мы амаль ва ўсіх выпадках перабудавалі сінанімічныя рады, у выніку чаго парадак пералічэння сінонімаў унутры рада (і адпаведна парадак іх апісання) цалкам зменены. Такія змены дазволілі ўдакладніць семантычную структуру сінанімічнага рада, размежаваць ядро і перыферыю як у семантыцы асобных фразеалагізмаў-сінонімаў, так і ў структуры ўсяго сінанімічнага рада.

Наша даследаванне вялося з дапамогай метаду семантычнай ідэнтыфікацыі – пры атаясамліванні значэнняў асобных фразеалагізмаў-сінонімаў і сінанімічных радоў розных ступеней частотнасці, а таксама метаду кампанентнага аналізу. На метадзе кампанентнага аналізу заснавана шматступеневая семантычная структура дэнаматыўна-сігніфікатыўнага макракампанента структуры фразеалагічнага значэння дзеяслоўных фразеалагізмаў, яна вызначаецца тым, што прадметна-лагічнае значэнне фразеалагізмаў разглядаецца як складаны комплекс семантычных элементаў (сем), на аснове якіх фразеалагізмы могуць аб’ядноўвацца паміж сабой або адмяжоўвацца адзін ад аднаго. Выкарыстоўваліся таксама апісальны і аналітычны метады.

Аналіз фразеалагізмаў-сінонімаў з апорай на іх слоўнікавыя дэфініцыі, а таксама на ілюстрацыйны матэрыял (змешчаны ў слоўніку і з картатэкі, сабранай намі) дазволіў удакладніць паняцце сінанімічнасці дзеяслоўных фразеалагізмаў з субкатэгарыяльным значэннем дзейнасці і канкрэтызаваць характарыстыку дзеяслоўных фразеалагізмаў-сінонімаў і іх сінанімічных радоў.

Па-першае, наяўнасць у азначэнні фразеалагізмаў-сінонімаў І.Я. Лепешава слова “звычайна” дапускае выпадкі, калі фразеалагізмы-сінонімы могуць мець сэнсавую і стылістычную тоеснасць. Напрыклад, усе тры сінанімічныя фразеалагізмы *мяняць шыла на мыла*, *мяняць гаршкі на гліну*, *мяняць быка на індыка* маюць значэнне ‘дзеінічаць, рабіць неабдуманая, неабачліва; выбіраць горшае’, ужываюцца пры дзейніку са значэннем асобы і функцыянуюць у размоўным стылі з экспрэсіўна-ацэначнай афарбоўкай іранічнасці.

Аднак адкрытым застаецца пытанне, як правільна разумець “тоеснае” ці “гранічна блізкае” значэнне? Гэта поўнае ці частковае супадзенне ўласна слоўнікавай дэфініцыі (паняцінага зместу) фразеалагізмаў? Ці супадзенне слоўнікавых дэфініцый пры накладанні на фразеалагізмы-сінонімы пры іх функцыянаванні ў розных кантэкстах? Структура фразеалагічнага значэння надзвычай складаная. Акрамя дэнаматыўна-сігніфікатыўнага макракампанента (паняцінага зместу), у структуру фразеалагічнага значэння ўваходзяць канататыўны, граматычны, этнакультурны і іншыя макракампаненты. Нават тады, калі фразеалагізмы-сінонімы адэкватныя паводле семантыкі, стылістычнай афарбоўкі, структуры, спалучальнасці, граматычных асаблівасцей і інш., яны ўсё роўна адрозніваюцца адзін ад аднаго сваім этымалагічным вобразам, непаўторнай унутранай формай.

Па-другое, падзяляючы думку Ю.Д. Абрэсяна, што “адценне значэння не з’яўляецца ў семантычнай структуры фразеалагічнай адзінкі велічынёй, якая існуе асобна і незалежна ад яе значэння”¹², мы дапускаем, што

¹⁰ Гл. зноску № 9. – С. 4.

¹¹ Лепешаў І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў: у 2 т. – Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2008.

¹² Гл. зноску № 5. – С. 21.

ў залежнасці ад таго, што будзе лічыцца “значэннем”, а што – “адценнем значэння”, фразеалагізмы-сінонімы могуць быць аднесены да аднаго ці да розных сінанімічных радоў. Параўнаем, напрыклад, слоўнікавыя дэфініцыі наступных чатырох фразеалагізмаў-сінонімаў: *браць да галавы* (<што>) ‘многа думаць пра што-н., непакоячыся і хвалючыся’, *браць <сабе> у галаву* (<што>) ‘многа думаць пра што-н., непакоячыся і хвалючыся’, *балець (хварэць) душой (сэрцам)* (за каго, за што, па кім, па чым) ‘моцна перажываць, хвалявацца, трывожыцца за каго-н., што-н.’, *браць (прымаць) <блізка> да сэрца (да душы)* (<што>) у 1-м значэнні ‘ўразліва, з павышанай пачуццёвасцю ўспрымаць што-н., моцна перажываць’ [СФ-1, с. 138]. Першыя два фразеалагізмы суадносяцца сваімі індывідуальнымі значэннямі ‘думаць’ з субкатэгорыяй дзейнасці (семантычная група “абстрактная дзейнасць”, семантычная падгрупа “мысленне”. “Адценнем значэння” ў названых адзінках можна лічыць спосаб дзеяння ‘непакоячыся і хвалючыся’. Наступныя два фразеалагізмы (*балець душой, браць блізка да сэрца*) сваімі індывідуальнымі значэннямі ‘перажываць, хвалявацца, трывожыцца’ суадносяцца з субкатэгорыяй стану (семантычная група “псіхічны стан”, семантычная падгрупа “эмоцыі”), “адценнем” значэння ў іх можна лічыць сему ўзмацняльнасці ‘моцна’. У такім выпадку фразеалагізмы ўтвараюць два розныя (паміж сабой не сінанімічныя) рады: 1. *браць да галавы* (<што>) – *браць <сабе> у галаву* (<што>); 2. *балець (хварэць) душой (сэрцам)* (за каго, за што, па кім, па чым) – *браць (прымаць) <блізка> да сэрца (да душы)* (<што>) (у 1-м значэнні).

Часам кантэкст з’яўляецца выразным паказчыкам, што можна лічыць у фразеалагізме “значэннем”, а што – “адценнем значэння”. Напрыклад, слоўнікавая дэфініцыя фразеалагізма *<як (быццам)> язык праглынуў (пракаўтнуў, -ла, -лі)* ‘упарта, зацята маўчаў ці раптоўна замоўк’ (як і яго сіноніма *<як (нібы)> вады ў рот набраў (набрала, -лі)* ‘упарта, зацята маўчаў’) сведчыць пра “адценне” ‘ўпарта, зацята, раптоўна’ значэння ‘маўчаць’. А ў наступным кантэксце “адценне” ‘ўпарта, зацята, раптоўна’ становіцца асноўным значэннем, якім фразеалагізм збліжаецца з сінанімічнымі прыслоўнымі фразеалагізмамі *маўчаць як (што) рыба* ‘зацята’, *маўчаць як сцяна* ‘зацята, упарта’ і можа быць імі заменены: [Соня] *надта капрызная стала, незаворлівая. То цэлы вечар бурчыць, то маўчыць, быццам язык праглынула* [СФ-2, с. 241].

Па-трэцяе, пры аднолькавым ці гранічна блізкім значэнні фразеалагізмы могуць адрознівацца функцыянальна-стылёвай і экспрэсіўна-ацэначнай афарбоўкай. Напрыклад, фразеалагізм *ламацца ў адчыненыя дзверы* ‘настойліва сцвярджаць, даказваць тое, што даўно ўсім вядома і не выклікае прэрэчанняў’ [СФ-1, с. 633] функцыянальна не замацаваны за пэўным стылем. Аднак ён не ацэньваецца як міжстылёвы ці стылістычна нейтральны, бо не можа ўжывацца ва ўсіх сферах зносін і не пазбаўлены экспрэсіўнасці. Катэгорыя экспрэсіўнасці з’яўляецца спецыфічнай катэгорыяй фразеалогіі, амаль усе фразеалагізмы як сродак другаснай намінацыі (за вельмі рэдкім выключэннем па назіраннях І.Я. Лепшава [8]) надзелены экспрэсіўнасцю. Ужыванне сінанімічнага выразу *адмыкаць адмыкальныя дзверы* ‘настойліва сцвярджаць, даказваць тое, што даўно ўсім вядома і не выклікае прэрэчанняў’ [СФ-1, с. 69] паказвае на неафіцыйнасць адносін паміж суразмоўцамі і замацаванне гэтага фразеалагізма ў размоўным стылі з экспрэсіўна-ацэначнай афарбоўкай іранічнасці.

Сінонімы могуць пазбавіцца сваёй функцыянальна-стылёвай і экспрэсіўна-ацэначнай афарбоўкі і перайсці ў сінанімічны рад іншай ступені. У слоўнікавым артыкуле каля такіх фразеалагізмаў стаіць памета “часцей”. Звычайна сінанімічны рад дзеяслоўных фразеалагізмаў дзеліцца на дзве часткі – цэнтральную, ядзерную і перыферычную, стылістычна акрэсленую. У першай змяшчаюцца найбольш частотныя фразеалагізмы-сінонімы, у другой – якія валодаюць моцнай экспрэсіяй і выразнасцю. Пастаянныя канататыўныя семы вызначаюць абмежаванні ў выкарыстанні фразеалагізмаў-сінонімаў. Рухомая канататыўная сема дазваляе “плаваць” ядру і перыферыі. Напрыклад, у сінанімічны рад, які ўзначальваецца выразам-дамінантай *выносіць ногі* (<адкуль, ад каго>) ‘уцякаць, знікаць, выратаўваючыся ад небяспекі’ (апісанне ступеней і дамінанты сінанімічнага рада праводзіцца намі ў асобным даследаванні), на перыферыі другой ступені сінанімічнага рада знаходзіцца прастамоўны выраз *змотваць вудачкі (вуды)* ‘паспешна адыходзіць, адступаць, знікаць’ з рухомай экспрэсіўна-ацэначнай афарбоўкай “часта іранічны”; на перыферыі трэцяй ступені (другасная сінанімія – сінанімічным з’яўляецца адно са значэнняў мнагазначнай адзінкі) сінанімічнага рада знаходзіцца размоўны выраз з паметай “часта іранічны” *вастрыць (настройваць) лыжы* (куды, адкуль) у 2-м значэнні ‘уцякаць куды-, адкуль-н.’ [СФ-1, с. 178].

Па-чацвёртае, удакладнім думку, што фразеалагізмы-сінонімы “належаць да аднаго семантыка-граматычнага тыпу”. Гэта, безумоўна, правільна. Катэгарыяльнае значэнне ўваходзіць у сэнсавую структуру кожнага фразеалагізма, з’яўляецца састаўной часткай фразеалагічнага значэння. Субкатэгарыяльнае значэнне ўяўляе сабой менш агульнае і больш канкрэтнае, у параўнанні з катэгарыяльным, значэнне, якое аб’ядноўвае фразеалагізмы ў семантычныя субкатэгорыі ўнутры семантыка-граматычных класаў. Субкатэгарыяльнае значэнне ўтрымлівае семы, якія дазваляюць адмежаваць фразеалагізм ад фразеалагізмаў іншых катэгорый, і адначасова семы, якія аб’ядноўваюць фразеалагізмы пэўнай субкатэгорыі ў адзін тып катэгарыяльнага значэння¹³. З улікам субкатэгарыяльнага значэння дзеяслоўных фразеалагізмы падзяляюцца на тры семантычныя тыпы (субкатэгорыі): са значэннем дзейнасці (617 адзінак), са значэннем адносін (772 адзінкі), са значэннем стану (766 адзінак). Напрыклад, у семантычнай структуры сінанімічнага рада дзеяслоўных фразеалагізмаў *высмактваць з пальца* (што) ‘гаварыць, сцвярджаць што-н. без належных падстаў; выдумваць’ [СФ-1, с. 200] – з *ветру вярочкі віць* прысутнічаюць такія семантычныя прыкметы, як катэгарыяльнае значэнне дзеяння (працэсу), субкатэгарыяльнае значэнне дзейнасці,

¹³ Чепуренко А.А. Принципы квалификации фразеологизмов: На материале русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Орлов. гос. ун-т. – Орел, 2003. – 26 с.

інтэгральная сема “маўленне”; у семантычнай структуры сінанімічнага рада ўкараціць (*падкараціць, падрэзаць*) язык (каму) ‘прымусіць каго-н. замоўкнуць, менш гаварыць лішняе’ [СФ-2, с. 562] – язык (языкі) завязаць (каму) – наступіць на язык (каму) – заткнуць рот (каму) – замазаць рот (каму) – навесіць замок на рот (на губы) (каму) – забіць дух (каму) – закрыць (заціснуць) рот (каму) – заткнуць горла (глотку) (каму, каго) (у 1-м значэнні) прысутнічае катэгарыяльнае значэнне дзеяння (працэсу), субкатэгарыяльнае значэнне адносін, інтэгральная сема “міжасобавыя адносіны”; у семантычнай структуры сінанімічнага рада трымаць язык (рот) на замку ‘захоўваць што-н. у тайне, быць асцярожным у выказваннях; маўчаць, калі трэба’ [СФ-2, с. 533] – трымаць язык на прывязі – трымаць (стрымліваць) язык за зубамі – прытрымліваць язык – і (ні) пары з рота не пусціць – браць рот на замок – трымаць пры сабе (што) прысутнічае катэгарыяльная сема дзеяння (працэсу), субкатэгарыяльная сема стану, інтэгральная сема “псіхічны стан”.

У сінанімічным радзе, які складаецца з трох фразеалагізмаў – *ад яйка (ад яйца) адліць* ‘неверагодна спрытна ўкрасці, прысоіць чужое нават тады, калі гэта здаецца немагчымым’, *падыты лісіцай* ‘вельмі хітры і лжывы. Пра чалавека’, *з-пад сучкі яйца (яйка) украдзе* ‘вельмі хітры, пранырлівы, здольны зрабіць нечаканае ці, здавалася б, немагчымае’ [СФ-1, с. 69], першы выраз суадносіцца з семантыка-граматычным разрадам дзеяслоўных фразеалагізмаў, а два наступныя – з семантыка-граматычным разрадам прыметнікавых фразеалагізмаў. Таму, на нашу думку, гэтыя тры выразы не могуць уваходзіць у адзін сінанімічны рад.

Па-пятае, прааналізуем думку “пераважна валодаюць аднолькавай ці падобнай сінтаксічнай спалучальнасцю (гэтая асаблівасць, перш за ўсё, характэрная для аднаструктурных фразеалагізмаў)”.

У навуковай літаратуры звычайна ўказваецца, што сінанімічныя рады складаюць аднаструктурныя і рознаструктурныя фразеалагізмы. У структурных адносінах пераважная большасць дзеяслоўных фразеалагізмаў-сінонімаў з субкатэгарыяльным значэннем дзейнасці – падобнаструктурныя. Гэты тэрмін быў уведзены ў навуковы зварот У.П. Жукавым: “значная колькасць фразеалагічных сінонімаў у структурных адносінах займае прамежкавае становішча паміж выдзеленымі разрадамі [аднаструктурнымі і рознаструктурнымі]. Аднаструктурныя фразеалагічныя адзінкі можна ўмоўна назваць падобнаструктурнымі фразеалагічнымі сінонімамі. Сюды можна аднесці, напрыклад, фразеалагізмы, у складзе якіх граматычна апорны кампанент выражаны адной і той жа часцінай мовы (дзеясловам, назоўнікам, прыметнікам, прыслоўем), а ўсе астатнія кампаненты размешчаны ў рознай паслядоўнасці, з’яўляюцца рознааформленымі, напрыклад: *втираць очки* (кому), *обводит вкруг (кругом) пальца* (кого), *водит за нос* (кого), *морочить голову* (кому), *брат на пушку* (кого), *брат на арапа* (кого) і г.д.”¹⁴.

Аднолькавая ці падобная сінтаксічная спалучальнасць, на нашу думку, мала звязана са структурнымі асаблівасцямі дзеяслоўных фразеалагізмаў, у большай ступені яна залежыць ад іх субкатэгарыяльнай прыналежнасці (дзеянасць, адносіны, стан). Патлумачым гэта больш падрабязна ў дачыненні да дзеяслоўных фразеалагізмаў з субкатэгарыяльным значэннем дзейнасці як самастойнай фразеалагічнай мікрасістэмы. Пад паняццем *дзеяслоўныя фразеалагізмы* ў беларускім мовазнаўстве традыцыйна разумеюць фразеалагізмы, якія абазначаюць *дзеянне* і выражаюць яго ў катэгорыях трывання, часу, ладу, а таксама роду (у формах прошлага часу і ўмоўнага ладу). Тэрмін “дзеянне” мае неадназначнае тлумачэнне: у працах філасофскага і псіхалагічнага характару дзеянне разумеецца як адзінка дзейнасці, лінгвісты тлумачаць суадносіны паняццяў “дзеянне” і “дзеянасць” ад больш шырокага да вузкага.

Паняцце “дзеянасць” мы разумеем (услед за В.А. Лебядзінскай [9]) як спецыфічную чалавечую форму актыўных адносін да акаляючага асяроддзя, змест якой складае яго мэтазгоднае змяненне і пераўтварэнне. Мы прытрымліваемся думкі, што паняцце “дзеянасць” больш шырокае, чым паняцце “дзеянне”, і пад паняццем “дзеянасць” разумеем форму свядомай актыўнасці суб’екта, накіраваную або ненакіраваную на аб’ект з мэтай пераўтварэння яго ўласцівасцей. Дзейнасць складаецца з асобных дзеянняў. Напрыклад, педагагічная дзейнасць складаецца з падрыхтоўкі і чытання лекцый, правядзення семінарскіх заняткаў, падрыхтоўкі заданняў і г.д. Падрабязна семантычныя групы дзеяслоўных фразеалагізмаў з субкатэгарыяльным значэннем дзейнасці былі намі апісаны ў [10; 11]. Суб’ектам дзейнасці выступае асоба (чалавек) (ці сукупнасць асоб), якая *праяўляе сваю волю, рэалізуе свае дзеянні і дасягае пастаўленай мэты*. Таму левая спалучальнасць дзеяслоўных фразеалагізмаў-сінонімаў з субкатэгарыяльным значэннем дзейнасці, як правіла, супадае – выразы ўжываюцца пры дзейніку са значэннем асобы (або сукупнасці асоб). Зрэдку суб’ектам выступае абстрактны прадмет – метанімічны назоўнік (граматычна неадусаўлёны назоўнік, які ў сваёй семантычнай структуры ўтрымлівае сему адусаўлёнасці, напрыклад, *арганізацыя* = людзі). Дзеяслоўныя фразеалагізмы з субкатэгарыяльным значэннем дзейнасці часцей за ўсё безаб’ектныя, толькі зрэдку маюць аб’ектную знешнюю накіраванасць (у такім выпадку аб’ектам выступае прадмет, які з’яўляецца прадуктам стваральнай або разбуральнай дзейнасці чалавека, або абстрактныя паняцці – прадмет думкі, тэма маўлення), напрыклад, некаторыя адзінкі сінанімічнага рада з агульным значэннем ‘поўнасю разбурыць, знішчыць дашчэнт’ маюць канструктыўна абумоўленае значэнне – кіруюць назоўнікам у вінавальным склоне: *зраўняць з зямлёй* (што), *вырваць з каранем* (што), *сцерці з твару зямлі* (у 2-м значэнні што), *не пакінуць каменя на камені* (у 1-м значэнні).

Заклучэнне. У колькасных адносінах пераважаюць фразеалагізмы-сінонімы семантычнай групы “абстрактная дзейнасць”. Перавага фразеалагізмаў са значэннем абстрактнай дзейнасці, магчыма, можа быць растлумачана тым, што фразеалагізмы, з’яўляючыся фактам другаснай намінацыі, як правіла, служаць выражэннем

¹⁴ Словарь фразеологических синонимов русского языка: Около 730 синоним. рядов / В.П. Жуков, М.И. Сидоренко, В.Т. Шкляров; под ред В.П. Жукова. – М.: Рус. яз., 1987. – С. 5.

адцягненых працэсаў, больш складаных па сваёй сутнасці, чым канкрэтныя дзеянні. Аналізаваныя намі фразеалагізмы-сінонімы ўтвараюць сінанімічныя рады, у семантычнай структуры якіх прысутнічаюць такія семантычныя прыкметы, як катэгарыяльнае значэнне дзеяння (працэсу), субкатэгарыяльнае значэнне дзейнасці, інтэгральная сема канкрэтнай або абстрактнай дзейнасці. На дэнататыўным узроўні фразеалагізмы-сінонімы не могуць узаемамяняцца ў любым кантэксце: адрозненні ў этымалагічных вобразах, непаўторная ўнутраная форма, разнастайная экспрэсіўна-ацэначная афарбоўка выключаюць магчымасць адекватнай замены. У працэсе функцыянавання дзеяслоўныя фразеалагізмы-сінонімы валодаюць складаным перапляценнем семантычных, граматычных, стылістычных характарыстык, што замацоўвае за імі пазіцыю частковай узаемазамены.

СКАРАЧЭННІ

СФ-1 – Лепешаў І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў. У 2 т. – Мінск: БелЭн імя П. Броўкі, 2008. – Т. 1: А–Л. – 672 с.
СФ-2 – Лепешаў І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў. У 2 т. – Мінск: БелЭн імя П. Броўкі, 2008. – Т. 2: М–Я. – 704 с.

ЛІТАРАТУРА

1. Янкоўскі Ф.М. Беларуская фразеалогія. – Мінск: Нар. асвета, 1981. – 79 с.
2. Аксамітаў А.С. Беларуская фразеалогія. – Мінск: Выш. шк., 1978. – 224 с.
3. Лепешаў І.Я. Фразеалогія сучаснай беларускай мовы. – Мінск: Выш. шк., 1998. – 271 с.
4. Авалиани Ю.Ю., Ройзензон Л.И. О разграничении синонимии и вариантности в области фразеологических единиц // Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей. – Баку, 1968. – С. 70–77.
5. Гаврин С.Г. Синонимия фразеологических сочетаний современного русского языка: к постановке вопроса о принципах словаря фразеологических синонимов // Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания. – Пермь, 1964. – С. 189–199.
6. Сидоренко М.И. Парадигматические отношения фразеологических единиц в современном русском языке. – Л.: ЛГПИ, 1982. – 108 с.
7. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. – М.: Просвещение, 1978. – 160 с.
8. Лепешаў І.Я. Праблемы фразеалагічнай стылістыкі і фразеалагічнай нормы. – Мінск: Навука і тэхніка, 1984. – 264 с.
9. Лебединская В.А. Процессуальные фразеологизмы современного русского языка. – Челябинск: ЧГПИ, 1987. – 80 с.
10. Маршэўская В.В. Семантычныя групы дзеяслоўных фразеалагізмаў са значэннем абстрактнай дзейнасці // Беларуская лінгвістыка. – 2022. – Вып. 89. – С. 86–93.
11. Маршэўская В.В. Семантычныя групы дзеяслоўных фразеалагізмаў са значэннем канкрэтнай дзейнасці // Веснік Полац. дзярж. ун-та. Сер. А. Гуман. навукі. – 2023. – № 1(66). – С. 153–157.

Паступіў 10.05.2024

ИНТЕГРАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ СИНОНИМИЧНОСТИ ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С СУБКТЕГОРИАЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В.В. МАРШЕВСКАЯ

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)

Автор делает попытку уточнить основной понятийный аппарат – фразеологические синонимы, синонимический ряд – глагольных фразеологизмов с субкатегориальным значением деятельности. Основными методами исследования стали метод семантической идентификации, метод компонентного анализа, описательный и аналитический. Установлено, что анализируемые фразеологизмы-синонимы образуют синонимические ряды, в семантической структуре которых присутствуют такие семантические признаки, как категориальное значение действия (процесса), субкатегориальное значение деятельности, интегральная сема конкретной или абстрактной деятельности. Преобладают фразеологизмы-синонимы со значением абстрактной деятельности. На денотативном уровне фразеологизмы-синонимы не могут взаимозаменяться в любом контексте: различия в этимологических образах, неповторимая внутренняя форма, разнообразная экспрессивно-оценочная окраска исключают возможность адекватной замены. В процессе функционирования глагольные фразеологизмы-синонимы обладают сложным переплетением семантических, грамматических, стилистических характеристик, что закрепляет за ними позицию частичной взаимозаменяемости. Полученные результаты могут быть использованы в теории и практике лексикографии и фразеографии.

Ключевые слова: синонимы, синонимический ряд, глагольные фразеологизмы, субкатегория деятельности, фразеология, белорусский язык.

**INTEGRAL SIGNS OF SYNONYMY VERBAL PHRASEOLOGICAL UNITS
WITH A SUBCATEGORICAL MEANING OF ACTIVITY**

V. MARSHEUSKAYA
(*Yanka Kupala State University of Grodno*)

The author makes an attempt to clarify the basic conceptual apparatus – phraseological synonyms, a synonymic series – of verbal phraseological units with a subcategorical meaning of activity. The main research methods are the method of semantic identification, the method of component analysis, descriptive and analytical. It is established that the analyzed synonymous phraseological units form synonymous series, in the semantic structure of which there are such semantic features as the categorical meaning of an action (process), the subcategorical meaning of an activity, the integral seme of a concrete or abstract activity. Phraseological units-synonyms with the meaning of abstract activity-prevail. At the denotative level, phraseological synonyms cannot be interchanged in any context: differences in etymological images, unique internal form, diverse expressive and evaluative coloring exclude the possibility of adequate replacement. In the process of functioning, verbal phraseological units-synonyms have a complex interweaving of semantic, grammatical, and stylistic characteristics, which secures for them the position of partial interchangeability. The results obtained can be used in the theory and practice of lexicography and phraseography.

Keywords: *synonyms, synonymic series, verbal phraseological units, subcategory of activity, phraseology, Belarusian language.*

УДК 811.133.1'342(045)

DOI 10.52928/2070-1608-2024-72-4-88-91

О РАЗВИТИИ И СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОЙ НОРМЫ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

В.В. УСТИНОВИЧ*(Минский государственный лингвистический университет)*ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-8006-7167>

Настоящая статья посвящена вопросу развития и актуального состояния французской произносительной нормы. Овладение иноязычным произношением в его эталонном варианте представляет собой сложную задачу не только ввиду необходимости освоения новых артикуляторных жестов, но и понимания того, что является нормативным в произношении. В отношении французского языка, носителей которого более 90 миллионов, вопрос стоит особенно остро. С момента установления французского языка в качестве государственного выбор произносительного эталона опирался на произношение определенных социальных групп (королевская знать, образованные слои общества, радиоведущие) и географические границы (Париж, регион Иль-де-Франс, крупные города Франции). Кодификация французской произносительной нормы развивалась от строго предписывающей до отражающей максимально возможные варианты. Исследования последних десятилетий указывают на отсутствие единообразия в произношении носителей языка даже в рамках гомогенной группы. Современная произносительная норма свидетельствует об отсутствии единого жесткого образца и её широкой региональной вариативности.

Ключевые слова: вариант нормы, кодификация, стандартный французский, стандартизированный французский, произносительная норма, эталон.

«Живая речь есть первое и истинное состояние языка»¹
В. фон Гумбольдт

Введение. В отечественной лингвистической традиции «орфоэпия» определяется как «правила литературного произношения»² или же «образцового произношения»³. Во французских источниках, напротив, дефиниция самого термина «орфоэпия» фиксируется только в крупных толковых словарях французского языка, он редко используется в трудах и научных работах, посвященных орфоэпической норме. Как правило, французские исследователи оперируют такими терминами, как *phonétique normative* «нормативная фонетика», *prononciation correcte* «правильное произношение». Проблема того, что считать «правильным» в языке в целом и в произношении, в частности, обусловлена в первую очередь, как ни парадоксально, подвижностью и размытостью границ самого понятия нормы. Количество носителей французского языка (более 90 миллионов на сегодняшний день) и их географическая дисперсия на 5 континентах, социальный статус и условия коммуникации обуславливают отсутствие строгой однородности во французской произносительной норме. Это приводит к тому, что в процессе преподавания и изучения французского языка неизбежно встают вопросы о том, французский каких носителей языка изучать, французский каких неносителей языка считать приемлемым, как принимается решение о том, что произношение не отмечено региональным акцентом или *pas de marque* «остается незамеченным», как указывал А. Мартине, под влиянием каких факторов изменяется произносительная норма и что представляет собой произносительная норма французского языка на сегодняшний день.

Целью настоящей статьи является освещение основных этапов развития произносительной нормы французского языка XX – начала XXI века через призму факторов, оказавших влияние на её формирование, а также современного состояния французской произносительной нормы.

Актуальность анализа определяется тем, что владение фонологической системой языка входит в ряд необходимых и обязательных критериев оценивания изучающих иностранный язык. Так, если на начальном уровне владения французским языком в соответствии с Общевропейским языковым стандартом (CECR) – A1 – произношение говорящего предполагает, что носитель-слушающий совершает некоторое усилие, то на уровне B2 кандидат должен продемонстрировать четкость и естественность произношения и интонации, а на самом высоком уровне владения французским языком (C1 – C2) кандидат обязан правильно варьировать интонацию и фразовое ударение для того, чтобы передать тонкие смысловые оттенки⁴. Однако при этом учебники и пособия для изучающих французский язык ограничиваются отсылкой к «французскому произношению» и не описывают произносительную норму как таковую.

¹ Гумбольдт В. фон. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого развития на умственное развитие человеческого рода. – Изд. 2-е – М.: URSS: Либроком, 2013. – 368 с.

² Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

³ Толковый словарь Д.Н. Ушакова онлайн. – URL: https://povto.ru/russkie/slovari/tolkovie/ushakova/search_ushakov.php?q_ushaq=%D0%BE%D1%80%D1%84%D0%BE%D1%8D%D0%BF%D0%B8%D1%8E.

⁴ Cadre européen commun de référence pour les langues. – URL: <https://rm.coe.int/16802fc3a8#:~:text=Faciliter%20les%20C3%A9changes%20d'informations,essaieront%20de%20les%20y%20aider>

Основная часть. Изучение иностранного языка предполагает не только овладение его лексическим составом и синтаксическими правилами, но и «новыми артикуляторными жестами, умением по-другому совершать движения языком, губами, голосовыми связками и иной контроль задней части нёба⁵» [1, p. 53]. Нередки случаи, когда изучающие французский язык имеют высокий уровень владения синтаксической и лексической системами языка, однако примеры владения фонетической системой на таком же уровне гораздо более редки, и «меньше, чем за минуту, можно идентифицировать географическое происхождение «образованного» франкофона, чего нельзя сделать, читая письменный текст большого объема» [2, p. 92].

С момента закрепления за французским языком статуса официального языка государства (Ордонанс Виллер-Котре Франсуа I, 1539 г.) и создания спустя век Французской академии, одной из задач деятелей которой становится «сохранение и совершенствование французского языка»⁶, утверждение единой национальной языковой нормы происходило в течение длительного периода в контексте сосуществования на территории Франции большого количества диалектов и наречий (в настоящее время в метрополии насчитывают свыше 20 региональных языков). Выделение «нормативного» в языке связано с поиском *modèle de référence* «эталона». Начиная со «знати при королевском дворе» [2, p. 126] в качестве произносительного эталона французского языка в разные периоды выступали определенные социальные классы. К началу XX века произносительная норма укрепились не только в социальных, но и в конкретных географических рамках – образованных жителей (высшие слои буржуазии) Парижа. Языковед того времени аббат Руссло пишет: «Ядро французского произношения следует искать в Париже» [3]. Действительно, в этот период эталонным, рекомендуемым всем акцентом считался акцент представителей высшего парижского общества [1; 2; 4].

Выбор парижского варианта в качестве модели не случаен и обусловлен общим контекстом того периода. Париж – столица государства, именно здесь принимаются все важнейшие административные решения. В Париже активно работают школы, которые способствуют укреплению парижского варианта французского языка. Однако следует отметить, что роль диалектов в жизни носителей достаточно значима. Так, во время Первой мировой войны отряды солдат формировались по принципу общего диалекта, солдаты одного отряда могли не говорить на парижском французском, но понимали друг друга на одном диалекте, который был для них родным. После Первой мировой войны французы становятся более мобильными, многие переезжают в Париж и начинается процесс так называемого стирания собственного акцента (*gommer son accent*). Одним из ярчайших примеров этого процесса является ситуация с бретонским языком, запрещаемым вплоть до 50-х гг. XX в. в школах: *Aux élèves des écoles il est défendu de parler breton et de cracher par terre* ‘Учащимся школ запрещается говорить на бретонском и плевать на землю’ – именно такие надписи висели в стенах школ региона Бретань, фактически приравнивая диалект к невежеству. Лингвист П. Фуше отмечает в своих исследованиях, что за образец следует брать произношение «в “тщательной” речи образованных парижан» [5]. Париж окончательно укрепляется в роли колыбели современного произносительного эталона – *le français standard* «стандартного французского» [4; 6].

Моделью для подражания в произношении для миллионов французов становятся радиоведущие. Тот факт, что большинство передач создаются и записываются в Париже, поддерживает в этот период статус эталонного для столичного акцента. Исследователь в области фонетики и фоностилистики П. Леон определил произносительный образец того времени следующим образом: «Существует стандартное произношение, которое в целом представлено ведущими и интервьюерами на радио (...) их произношение отражает усредненное использование языка, без изысков (чтобы нравиться широкой аудитории) и без фамильярности (из-за микрофона)» [4].

Однако в 70-е гг. XX в. происходит «упадок» престижа парижского акцента, который воспринимается как снобистский, слишком претенциозный, в особенности такие его характеристики, как, например, соблюдение опозиции гласного [a] переднего ряда и гласного [ɑ] заднего ряда. Этот период также ознаменован началом многочисленных лингвистических исследований звучащей речи. А именно установлено, что жители Средиземноморского побережья Франции испытывают большие трудности при усвоении нормы стандартного французского, чем жители северных регионов страны. Исследования также свидетельствуют о наличии общих произносительных черт в зависимости не столько от региона, сколько от степени продвижения по социальной лестнице [4].

К началу 80-х гг. XX в. можно говорить о произошедшей трансформации «стандартного французского» в «стандартизированный французский» (*le français standardisé*). Обновленный эталон характеризуется тем, что не только в Париже, но и в других крупных городах Франции, таких как Лион, Бордо, Лилль и др., выработались общие произносительные нормы. Кроме того, происходит нивелирование критерия классовой принадлежности и произношение представителей разных социальных групп приобретает сходные характеристики [2; 4; 6]. Для закрепления языковой нормы, в частности произносительной, важна её кодификация в словарях. Одним из крайних крупнейших словарей, специализирующимся на произносительной норме, является *Prononciation du français standard: aide-mémoire d'orthoépie à l'usage des étudiants étrangers* «Произношение стандартного французского языка: орфоэпический справочник для иностранных студентов» 1966 г. П. Леона, называвшим орфоэпию «грамматикой звуков языка» [7, p. 5]. Как говорит само название, а также эксплицитно подчеркивает автор, «мы

⁵ Здесь и далее перевод мой. – В.У.

⁶ Сайт Французской академии. – URL: <https://www.academie-francaise.fr/l'institution-l'histoire/les-grandes-dates#:~:text=Naissance%20de%20l%27%20AB%20Acad%27%20A9mie%20fran%27%20aise,Conrart%20le%20premier%20secr%27%20A9taire%20perp%27%20A9tuel.&text=Le%2029%20janvier%201635%27%20la,Louis%20XIII%20qui%20l%27officialisent.>

приводим здесь стандартное произношение, которое принято официально, однако всякий раз укажем на отклонения, которые можно ожидать со стороны франкофонов, не приводящие к языковой ошибке» [7, p. 6].

В 1973 г. выходит словарь А. Мартине и А. Вальтер *Dictionnaire de la prononciation française dans son usage réel* «Словарь французского произношения в его действительном использовании». Его особенность заключается в том, что авторы пытаются не только и не столько описать нормативное произношение на базе парижского акцента, сколько максимально отразить разнообразие и вариативность французского произношения референтов-представителей образованных парижан (одним из референтов выступил сам А. Мартине, произношение которого менее других оказалось близким к парижскому» [2]) и «изобличить иллюзию единства французского произношения» [2, p. 102]. Словарь А. Мартине и А. Вальтер оказал влияние на появившийся несколько позже (1987) *Dictionnaire de la prononciation française dans sa norme actuelle* «Словарь французского произношения в его актуальной норме» Л. Варнана. Составитель указывает на широкую вариативность произношения как имен собственных, так и нарицательных, и при этом подчеркивает, что не дает региональных вариантов их произнесения⁷.

Что касается актуального периода начала XXI в., он отмечен значительным количеством дескриптивных исследований устной речи, которые констатируют вариативность и, в отличие от кодифицирующих словарей, не носят предписывающий характер. Например, исследование М. Ландик, опубликованное в 2004 г., ставило целью поиск произносительного эталона через изучение произношения однородной группы носителей парижского акцента французского языка. М. Ландик анализирует произношение гомогенной группы (мужчины одного возраста, рода деятельности – студенты Высшей нормальной школы, родившиеся или прожившие практически всю жизнь в Париже). Результаты исследования, вопреки поставленной цели, указывают на вариативность произношения даже в рамках максимально однородного круга людей.

В этот же период в дидактических и исследовательских целях создаются цифровые корпуса устных текстов, они предоставляют аутентичные данные о произношении на современном этапе. С 1999 г. реализуется масштабный картографический проект – *Phonologie du français contemporain* «Фонология современного французского языка». Корпус содержит образцы произношения 400 носителей французского языка и предназначен для исследователей, преподавателей и изучающих французский язык, а также для широкого круга людей, интересующихся франкофонным языковым наследием. По сути данный корпус представляет собой поиск эталонного французского произношения и вместе с тем свидетельствует о наличии множества сосуществующих произносительных вариантов.

Интерес для исследования произносительной нормы представляет также проект под названием *Atlas du français de nos régions* «Атлас французского языка наших регионов» (интернет-блог и печатное издание, вышедшее в 2017 г.), созданный преподавателем, лингвистом М. Аванзи. Проведенные им исследования указывают с одной стороны на высокую степень региональной вариативности в произношении французов, что отражено в составленных автором картах, с другой стороны – на размытость региональных различий [8]. Так, оппозиция гласных [œ] – [ɛ̃] не соблюдается в произношении на большей части территории Франции (в пользу гласного [ɛ̃]), однако разница между носовыми сохранилась в департаментах южного региона Окситания и южной части Аквитании (юго-запад страны). В то же время нейтрализация оппозиции гласных [a] – [ɑ], приведшая к исчезновению в произношении последней, затронула практически всю территорию Франции, кроме её западной части – Бургундии-Франш-Конте (департаменты Ду, Юра, Верхняя Сона) и Гранд-Эста (в частности департамент Вогезы). Вместе с тем составленный атлас подтверждает, что «то, что большинство понимает, не обязательно значит, что большинство так произносит» [6, p. 85], а также тезис о том, что парижский произносительный вариант на сегодняшний день не всегда является доминирующим. Например, слово *persil* ‘петрушка’ будет понято французами вне зависимости от произнесения/непроизнесения конечного согласного «l». Парижский вариант, в котором конечный согласный не произносится (регион Иль-де-Франс), уступает по распространенности преобладающему на севере, юго-западе и в южной части Франции варианту с произнесением конечного согласного «l». Следует отметить непоследовательность французских словарей в отношении кодификации указанных выше произносительных особенностей. В качестве примера приведем слово *ananas* ‘ананас’, для которого французские толковые словари дают на сегодняшний день двойное произношение – с реализацией конечного согласного и без, в то же время для *persil* – только один вариант, а именно без конечного «l» в соответствии с парижским вариантом. Аналогичная ситуация наблюдается относительно произнесения «o» в закрытом ударном слоге перед согласным [z]. Словари дают однозначное произношение с полужакрытым гласным [o], несмотря на то, что отличительной произносительной чертой жителей регионов Окситания, Прованс-Альпы-Лазурный берег и южной части Аквитании является реализация полуоткрытого гласного [ɔ] в указанной позиции.

Заключение. Таким образом, поиск современной модели, единого произносительного эталона убеждает в сложности и даже невыполнимости данной задачи. Актуальные исследования, отходя от строгой кодификации, описывают разнообразие произносительных вариантов, которые не являются ошибочными, «неправильными», следовательно, не противоречат норме. Представляется, что нынешнее состояние французской произносительной нормы указывает на процесс локального «возрождения», стремление сохранить и подчеркнуть разнообразие

⁷ Исключение составляют фламандские и голландские имена во франкофонной Бельгии.

региональных вариантов, включить как можно более широкую группу носителей языка в «образец». Такое развитие произносительной нормы, как части языковой, свидетельствует в широком плане о социально-культурном оживлении топического, аутентичного в противовес стремительной глобализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Candea M., Cuniță A., Lupu C. Accents et styles de prononciation au prisme de la norme du français // Norma și uz în limbile romanice. – 2020. – № 31. – P. 53–65.
2. Morin Y. Ch. Le français de référence et les normes de prononciation // Cahiers de l'Institut de Linguistique de Louvain. – 2000. – Vol. 26, Issue: 1–4. – P. 91–135.
3. Tournerie S. Parler avec l'accent. – URL: <https://gallica.bnf.fr/blog/20032018/parler-avec-laccent?mode=desktop>. (Дата обращения: 13.01.2024).
4. Billières M. La norme phonétique en français. – URL: <https://www.verbotonale-phonetique.com/norme-phonetique-francais>. (Дата обращения: 14.01.2024).
5. Fouché P. Traité de prononciation française. – Paris: Klincksieck, 2e édition, 1959. – 528 p.
6. Detey S., Racine I. Les apprenants de français face aux normes de prononciation: quelle(s) entrée(s) pour quelle(s) sortie(s)? // Revue française de linguistique appliquée. – 2012. – Vol. XVII. – P. 81–96.
7. Léon Pierre R. Prononciation du français standard: aide-mémoire d'orthoépie à l'usage des étudiants étrangers. – Didier Paris, 1966. – 186 p.
8. Français de nos régions. – URL: <https://francaisdenosregions.com>. (Дата обращения: 14.01.2024).

Поступила 19.03.2024

ON THE DEVELOPMENT AND CURRENT STATE
OF THE PRONUNCIATION NORM IN FRENCH LANGUAGE

V. USTINOVICH
(Minsk State Linguistic University)

This article is devoted to the development and current state of the French pronunciation norm. Learning a foreign language pronunciation in its standard variant is a difficult task not only due to the need to master new articulatory gestures, but also to understand what is normative in pronunciation. For the French language, which has more than 90 million native speakers, the issue is particularly acute. Since the establishment of French as a state language, the choice of pronunciation standard was based on the pronunciation of certain social groups (royal nobility, educated classes, radio presenters) and geographical boundaries (Paris, Ile-de-France region, major cities of France). The codification of the French pronunciation norm has evolved from strictly prescriptive to reflecting the maximum possible variants. The recent decades researches reveal a lack of uniformity in the pronunciation of native speakers, even within a homogeneous group. The modern pronunciation norm indicates the absence of a single rigid pattern and its wide regional variability.

Keywords: norm variant, codification, standard French, standardized French, pronunciation norm, reference.

УДК 811.161.3'373.4

DOI 10.52928/2070-1608-2024-72-4-92-95

НАМІНАЦЫІ ГУКА І ІХ ФУНКЦЫЯНАВАННЕ Ў МІКРАТЭКСТАХ БЕЛАРУСКІХ ПРЫКАЗАК (ЛІНГВАСЭНСАРНЫ АСПЕКТ)¹

В.І. МАРЦЫНКЕВІЧ

(Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна)

Заяўленая тэма з'яўляецца часткай даследавання моўных сродкаў вербалізацыі перцептыўнай лексікі ў беларускіх прыказках пра дзяцей. Зварот да антрапацэнтрчнага накірунку застаецца актуальным і запатрабаваным у сучаснай лінгвістыцы, наколькі ўяўленні пра дзіця, рэпрэзентаваныя ў семантыцы парэміялагічных адзінак, належаць да важнейшых складальнікаў светапогляду носьбітаў нацыянальнай культуры.

У артыкуле галасавыя і негаласавыя гукі чалавека разглядаюцца ў аспекце лінгвістычнай сэнсорыкі: вызначаюцца сродкі вербалізацыі намінацый гука і слыхавога ўспрымання, аналізуюцца лексічныя адзінкі з гукавой семантыкай. Вынікі даследавання прадстаўлены ў форме адкрытых радоў перцептыўнай лексікі слыху.

Ключавыя словы: гук, слыховое ўспрымання, перцептыўная лексіка, лінгвістычная сэнсорыка, лексіка-семантычны варыянт.

Уводзіны. Гук з'яўляецца рэlevantным аб'ектам даследавання мовазнаўчых дысцыплін і накірункаў, якія займаюцца праблемамі намінацый прадметаў і з'яў. Абазначэнне гука ў лінгвістыцы вывучалася ў розных аспектах: семантычным, кагнітыўным, семіятычным, ідыятылёмным. У выніку былі даследаваны сродкі і спосабы вербальнай рэпрэзентацыі гукаў жывёл і акустычныя асаблівасці чалавечага маўлення, зроблена спроба ўстанавіць адпаведнасць паміж гучаннем слова і яго значэннем у фонасемантычных даследаваннях, апісана ўжыванне намінацый гучання як аднаго са сродкаў рэпрэзентацыі аўтарскай карціны свету ў прозе і паэтычных тэкстах. Функцыянаванне намінацый гука ў іншых аспектах, а таксама па-за межамі мастацкага тэксту вывучана не на столькі грунтоўна. Таму даследаванне моўных адзінак з сямай 'гук' праз прызму лінгвістычнай сэнсорыкі бачыцца адносна новым і таму недастаткова распрацаваным. Пагаджаючыся з меркаваннем, што "прыказкі ... павінны даследавацца з розных бакоў: семантычнага, этымалагічнага, граматычнага, стылістычнага" [1, с. 5–6], лічым актуальным даследаваць таксама і сэнсарны аспект прыказак.

Асноўная мэта даследавання – выявіць сродкі вербалізацыі намінацый гука і слыхавога ўспрымання ў беларускіх прыказках з улікам узроставай стратыфікацыі дзяцей. Рэалізацыя акрэсленай мэты прадугледжвае паспяховы і рашэнне наступных задач: выявіць адзінкі перцептыўнай лексікі слыху і сістэматызаваць іх.

Матэрыялам для даследавання паслужылі лексічныя адзінкі з сямай 'гук чалавека', атрыманыя спосабам суцэльнай выбаркі з лексікаграфічных крыніц беларускіх народных прыказак. Пры адборы моўнага матэрыялу разглядаліся лексічныя адзінкі з сямай 'гук чалавека' ў зыходным значэнні. Прымаючы пад увагу значны метафарычны патэнцыял беларускіх парэмій, у даследаванні таксама былі ўключаны лексічныя адзінкі, у семантыцы якіх утрымліваецца ўказанне на слыхавую мадальнасць, г.зн. гукавая сема актуалізавалася адкрыта або апасродкавана. За адзінку падліку прыняты лексіка-семантычны варыянт (ЛСВ). Усяго выяўлена 68 ЛСВ слыхавога ўспрымання, зафіксаваных у 117 парэміялагічных адзінках. Фактычны матэрыял даследаваны з выкарыстаннем метадаў апісання і кантэкстнага аналізу.

Асноўная частка. А.В. Нагорная адзначае, што слыхавое ўспрымання стала аб'ектам навуковай увагі параўнальна нядаўна. "Гукавы пераварот" у гуманітарных навуках у большасці прадиктаваны жаданнем збалансаваць даследаванні сэнсорыуму, сфакусіраваныя пераважна на зроку, і рэабілітаваць іншыя перцептыўныя модусы як паўнацэнныя інструменты пазнання і аб'екты навуковага даследавання [2, с. 34].

У нашым даследаванні гукі чалавека можна падзяліць на два тыпы – галасавыя і негаласавыя. Да галасавых гукаў адносяцца лексіка-семантычныя варыянты з гукавой семантыкай слухання і гаварэння. Да лексічных адзінак з гукавой семантыкай слухання адносяцца дзеясловы *слухаць*, *чуць* і іх дэрываты.

Галасавыя гукі мэтазгодна аналізаваць з абазначэння здольнасці/няздольнасці чалавека да слыхавога ўспрымання. Дзеяслоў *чуць* абазначае здольнасць чалавека да слыхавога ўспрымання (параўнаем: *Як аб табе чуюць, так аб табе і мяркуюць*). Дзеяслоў *недачуваць* ужываецца, калі размова вядзецца пра частковую страту такой здольнасці (параўнаем: *Як "дай" – то недачувае, як "на" – то абедзве рукі працягвае*). Адзначым, што ўжыванне прыстаўкі *неда-*са значэннем непаўнаты дзеяння дазваляе стварыць яркі ацэначны кантэкст для характарыстыкі чалавека (часцей сквапнага). Прыметнік *глухі* абазначае няздольнасць чалавека ўспрымаць інфармацыю з дапамогай органаў слыху (параўнаем: *Глухі недачуе, дык дабрэша*), чым выражаецца поўная страта слыхавога ўспрымання.

Дзеяслоў *слухаць* 'адрозніваць, успрымаць слыхам гукі' ўжываецца для абазначэння працэсу слыхавога ўспрымання: *Слухай многа – гавары мала; Бацькоў слухаць – гора не знаць*. Дзеяслоў *паслухаць* набывае метафарычнае значэнне 'быць пакараным' і ўжываецца для абазначэння фізічнага ўздзеяння на асобу дзіцяці: *Не слухаеш добрых слоў – паслухаеш ліхога кія; Не слухаў тату, паслухаеш кáта*). У кантэкстах вынікавай з'яўляецца

¹ Артыкул падрыхтаваны ў межах ДПНД "Грамадства і гуманітарная бяспека" на 2021-2025 гг. пры фінансавай падтрымцы Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь па дагаворы №1410/2021 ад 22.03.2021.

сфера ненарматыўных паводзін дзіцяці, таму дзеяслоў *наслухаць* мае адмоўную канатацыю. На функцыянальным узроўні дзеяслоў лексіка-семантычнай групы слыху набывае значэнне фізічнага ўздзеяння на аб'ект, што дазваляе аднесці яго да дзеясловаў дакранання. Такім чынам, адбываецца перанос слыхавой прыметы ў іншую перцептыўную сферу – успрыманне тактыльнасці.

Выкарыстанне метафары таксама матывуецца асэнсаваннем цеснай узаемасувязі чалавека са светам прыроды. Так, пры абазначэнні гукаў чалавека ўжываюцца намінацыі гукаў жывёл і птушак, якія жывуць побач з чалавекам: *Праходзіць Пакрова – раве дзеўка бы карова; І галубок гукае, як павы шукае; Шчабеча дзяўчына, шчабеча – спяшыць замуж, чалавеча*. Перанос адбываецца на аснове характару гука. У кантэкстах ужываюцца лексіка-семантычныя варыянты, якія абазначаюць розныя па гучнасці гукі. Указанне на гучнасць з'яўляецца кампанентам значэння слова: *раўці* 'утвараць моцныя, працяглыя гукі, падобныя на роў жывёл'². *Шчабятца* – 'перан. хутка, бесперастанку гаварыць (звычайна пра дзяцей, жанчын)'³. Ціхі гук абазначаецца дзеясловам *гукаць*, а гомкі, інтэнсіўны гук – дзеясловам *раўці* ў пераносным значэнні 'моцна плакаць'. Ужыванне параўнання як *карова* для характарыстыкі гомкага гука тыповое: роў каровы больш гучны ў параўнанні з гукам чалавека. Адзначым, што ўжыванне зааніма *карова* і арнітоніма *галубок* садзейнічае стварэнню метафарычных вобразаў дзяўчыны і юнака. У пошуках шлюбнага партнёра маладыя людзі па-рознаму выражаюць уласныя эмоцыі: дзяўчына моцна раве, юнак стрымана гукае.

Да лексічных адзінак з гукавой семантыкай **гаварэння** адносяцца дзеясловы *гаварыць*, *казаць* і іх дэрываты. Параўнаем кантэксты з дзеясловам *гаварыць*: *Слухай многа – гавары мала; Гаварыць гавары, ды меру знай; Лепш недагаварыць, чым перагаварыць; Нагаварыў на мяшок, а справы на вяршок; Хто ў школе з матчынай гаворкі пасмяецца, той на старасці ад маткі адрачэцца*. Параўнаем кантэксты з дзеясловам *казаць*: *Не той друг, хто мёдам мажа, а той, хто праўду ў вочы кажа; Слова сказаў – сякераю адсёк; Сказанага слова да губы не вернеш; Не так лёгка зрабіць, як сказаць; Скора казка кажацца, ды не скоро справа робіцца; Не кажы, што бацька ўзяў, а кажы, што даў; Не кажы "дзякуй", калі цябе не частуюць*. У прыказках семантыка дзеясловаў *гаварэння* даволі шырокая: яны абазначаюць правілы маўленняга этыкету і дакладнасць маўлення, адносячы да бацькоў, да працы, да сяброў, агульнапрынятыя нормы маралі, адным словам, ілюструюць розныя праявы жыцця не толькі дзіцяці, але чалавека ўвогуле.

Таксама дзеясловы *гаварэння* і слухання цесна ўзаемазвязаны з семай маўлення. Звернемся да кантэкстаў:

– сема 'гукаць': *Як гукнеш, так і адгукнецца; Гукні на лес, то і лес абзавецца;*

– сема 'хваліць (хваліцца)': *Усякая матка хваліць сваё дзіцятка; Матка дачку хваліла, пакуль з рук зваліла; І савя хваліць сваё дзіця; Кожны стралец сваю стрэльбу хваліць; Бацькавым розумам хваліцца няма як;*

– сема 'пытаць': *Першае дзіця пытае дарогі, а другое – сілы; Не саромейся пытаць: больш спытаеш – больш пазнаеш; Хто дарогі пытае, той не блудзіць;*

– сема 'павучаць': *Няшчасныя тыя дзіцяtkі, якіх не жураць ні бацькі, ні маткі; Адзін добры вопыт важней за сем мудрых павучанняў;*

– сема 'прасіць': *Нічыя такія слёзы, як матчыны: яны і ўтопяць, яны і шчасця выпрасяць;*

– сема 'запрашаць': *Калі просяць за стол, то не лезь на стол;*

– сема 'жадаць': *Чаго сабе не хочаш, таго і другому не зыч;*

– сема 'адракацца': *Хто ў школе з матчынай гаворкі пасмяецца, той на старасці ад маткі адрачэцца;*

– сема 'абражаць', 'насміхацца': *Хай таму дзіцяtkу язык адваліцца, калі на людзях бацьку няславіць; Хто ў школе з матчынай гаворкі пасмяецца, той на старасці ад маткі адрачэцца;*

– сема 'хлусіць': *Дзіця не салжэ; Навучылі, дык і на пень брэша;*

– сема 'абяцаць': *Хто многа абячае, рэдка слова трымае; Салаўя байкамі не кормяць;*

– сема 'праклінаць': *Матка галоўку мае – прыгладжае, а мачыха мае – толькі скубае, кашулю дае – праклінае; Хай таму дзіцяtkу язык адваліцца, калі на людзях бацьку няславіць;*

– сема 'сварыцца': *Дзетачкі паб'юцца – матачкі пасварацца; Свой бацька насварыцца і пашкадуе; За бацькава сварыцца – і смех і грэх; Свае дзесяць раз пасварацца і памірацца; Лёгка пасварыцца, цяжэй памірыцца.*

Па меркаванні лінгвістаў (І.М. Кобазева, Л.М. Васільеў) найбольш распаўсюджаным тыпам семантычных адносін паміж адзінкамі мовы з'яўляецца сінанімічная карэляцыя, якая прадугледжвае адносіны поўнага або частковага супадзення значэнняў слоў (*адгукнуцца*, *абзавіцца*). У нашым даследаванні семантычная блізкасць сінонімаў праяўляецца ў супадзенні часткі іх сэнсавага зместу. Параўнаем: дзеясловы *гукаць*, *шчабятца*, *раўці* абазначаюць гукі, падобныя на шчэбет птушкі і на роў каровы. Ужытыя ў пераносным значэнні сінонімы набываюць кантэкстуальнае значэнне. Паколькі пры сінанімічнай карэляцыі "супадаюць не словы, а іх элементы сэнсавай структуры" [3, с. 224], выкажам меркаванне, што ў якасці кантэкстуальных сінонімаў можна разглядаць і такія лексіка-семантычныя варыянты, у якіх гукавая семантыка спалучаецца з семай маўлення. Параўнаем: *сварка – звадка (Дзетачкі ў лясчакі, матачкі ў свярчакі; Няма тае хаткі, каб не было звадка (лясчакі – 'пустая размова'⁴; звадка – 'сколка, сварка'⁵; слова – гаворка – казка – байка – небыліца – запытанне (Работу словам не замяніш; Хто ў школе з матчынай*

² Глумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. – Мінск, 1980. – Т. 4: П – Р. – С. 705.

³ Глумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. – Мінск, 1984. – Т. 5. Кн. 2: У – Я. – С. 415.

⁴ Глумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. – Мінск, 1982. – Т. 5. Кн. 1: С – У. – С. 487.

⁵ Глумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. – Мінск, 1978. – Т. 2: Г – К. – С. 434.

гаворкі пасмяецца, той на старасці ад маткі адрачэцца; Скора казка кажэцца, ды не скоро справа робіцца; Салаўя байкамі не кормяць; Быль, як смала, а небыліца, як вадзіца; За запытанне не страціш ні абеду, ні снядання).

Сярод іншых лексічных сродкаў выражэння семы маўлення адметнае месца займаюць **саматызмы** – назвы частак цела і органаў жывога арганізма. Зыходзячы з функцыянальнай прыналежнасці частак цела чалавека, у нашым даследаванні вылучаем лексіка-семантычную падгрупу, якая абазначае назвы галавы і яе частак. Саматызм *вуха* абазначае ‘орган слыху’⁶, які непасрэдна ўдзельнічае ў працэсе слыхавога ўспрымання. Параўнаем: *І сцены маюць вушы; Плётку ў адно вуха ўпусці, а ў другое выпусці.*

Разам з саматызмам *вуха* выяўлена ўжыванне вядучых саматычных кампанентаў (*губы (вусны), язык, зубы, рот*), якія ўдзельнічаюць непасрэдна ў працэсе артыкуляцыі гукаў. *Губы* – ‘рухомыя складкі, якія ўтвараюць край рота’⁷: *Сказанага слова да губы не вернеш; Губа ні ў кога не замкнёна; Няма тае хусты, каб завязаць людзям вусны. Язык* – ‘рухомы мышачны орган у ротавай поласці’⁸. У пераносным значэнні абазначае ‘здольнасць гаварыць, выказваць свае думкі словамі’: *На языкі няма прывязаі; Язык у разумнага ў галаве, а ў дурнога – на зубах. Рот* – ‘поласць паміж верхняй і ніжняй сківіцамі, якая мае адтуліну ў верхняй частцы твару’⁹: *На чужы рот гузика не нашыеш; Чужы роцік – не каўнерык, яго не зашпіліш.* У прыведзеных кантэкстах таксама адзначаем лексічныя адзінкі (*замкнуць, завязаць, прывязаць, нашыць, зашпіліць*), у семантыцы якіх утрымліваецца ўказанне на перцептыўную мадальнасць тактыльнасці, на аснове якой узнікае метафара.

Найбольш ужывальным з разгледжаных саматызмаў з’яўляецца назоўнік *язык*, што перш за ўсё звязана з вербальнай функцыяй камунікатыўнага ўзаемадзеяння людзей паміж сабой. Саматычны кампанент *язык* ужываецца ў кантэкстах з семантычнай апазіцыяй ‘працавітасць – гультайства’ (*Сякеры языком не наострыш; На язык – хоць куды, а на працы – нікуды; І шыла, і мыла, і прала, і ткала – і ўсё языком*), у тым ліку ў складзе фразеалагізмаў *Не таму слава, хто на язык лёгкі, а таму слава, хто ў справе стойкі* (‘схільны да балбатлівасці, залішне гаворкі’¹⁰); *Языком малоць – не дровы калоць* (‘гаварыць упустую, пустасловіць’¹¹). Язык выступае сродкам ацэнкі праяў ментальных здольнасцей: *Язык у разумнага ў галаве, а ў дурнога – на зубах (зуб – ‘косцепадобны орган у роце для адскування і разжоўвання ежы’)*. Дзякуючы ўжыванню ў адным кантэксте двух саматызмаў аднолькавай мадальнасці ўзмацняецца значэнне семантычнай апазіцыі *разумны – дурны*.

Як адзначалася раней [4, с. 97–98], праклён як моўны акт уздзеяння на псіхіку і пачуцці характарызуецца большай сілай зламоўнасці, што дае падставы разглядаць яго і як эматыўны акт. Сутнасць эматыўнага акта (а эматыўны акт гэта заўсёды і акт ацэньвання) заключаецца ў тым, што праз выражэнне эмоцый, якія суправаджаюць ацэнку, гаворачы схіляе суб’яднага прыняць гэтую ацэнку: *Хай таму дзіцятку язык адваліцца, калі на людзях бацьку няславіць*. Негатыўная ацэнка ўчынкаў дзяцей (*няславіць на людзях*) у дачыненні да бацькоў, вербалізаваная спалучэннем *хай адваліцца* (формаўтваральная часціца + дзеяслоў са значэннем разбуральнай дзейнасці), выражае эмоцыі асуджэння.

Такім чынам, асноўная функцыя саматычных адзінак – гэта вербальная функцыя камунікатыўнага ўзаемадзеяння. Саматычныя адзінкі эксплікуюць сувязь працэсаў слухання (*вушы*) і гаварэння (*губы, вусны, язык, зубы, рот*). Яны ўдзельнічаюць у стварэнні метафары як асобнага віду пераноснага значэння і характарызуюцца наяўнасцю ацэначных канатацый. Услед за С.С. Земічавай, у ходзе даследавання негаласавыя гукі чалавека былі раздзелены на шумавыя і фізіялагічныя гукі. Пры ўтварэнні шумавых гукаў ‘чалавек выступае каўзатарам гуку, г.зн. гук нараджаецца з яго ўзаемадзеяння з прадметамі’ [5, с. 72]. Намінацыі шумавых гукаў, якія суправаджаюць канкрэтныя фізічныя дзеянні, у ходзе даследавання не выяўлены. У групе фізіялагічных гукаў ‘цела чалавека з’яўляецца ўласна крыніцай гукаў’ [5, с. 72]. Абазначэнні фізіялагічных гукаў ужываюцца рэдка. Яны могуць быць звязаныя як з фізіялагічным станам чалавека (*Не кожны хворы, хто стогне; Каханні і кашлю не схаваеш*), так і з унутраным эмацыянальным станам (*Цяжкае ўдыханне – далёка каханне*), выражаюцца як самастойнымі часціцамі мовы, так і гукапераймаем (Хоць *вох*, ды ўдых).

Слыхавое ўспрыманне часцей выражаецца гукапераймаем у парэмійных мікратэкстах, у якіх семантызуецца ўзростава перыяд маленства. У маленстве маці абавязкова спявала калыханкі, і праз голас маці немаўля на слых успрымала акаляючы свет. Так адбываўся слыхавы кантакт маці і дзіцяці, што дае падставы для вызначэння перцептыўнай лексікі слыху. Параўнаем: *А-а-а, малое, пакуль будзе другое, а-а-а, Несцерка, пакуль будзе шэцерка; Люлі, люлі, люлі палез кот у дулі; Лады, лады, ладкі паедзем да бабкі; Кую, кую ножку, паеду ў дарожку*. Лічым неабходным адзначыць: паколькі прыказкі носяць абагульняючы характар, не заўсёды прадстаўляюцца магчымым дакладна размежаваць пэўныя ўзростава катэгорыі дзяцей. Фрагмент нашага даследавання абапіраецца выключна на прааналізаваныя вышэй кантэксты, у якіх узростава градацыя толькі абагулена суадносіцца з перыядамі маленства, дзяцінства і юнацтва.

Заклучэнне. Вынікі даследавання лінгвасэнсарнага аналізу намінацый гука ў парэміялагічных адзінках беларускай мовы сведчаць пра тое, што ў большасці мікратэкстаў прадстаўлены ЛСВ намінацый галасавых гукаў

⁶ Чалавек: тэмац. слоўн. – Мінск, 2006. – С. 166.

⁷ Чалавек: тэмац. слоўн. – С. 189.

⁸ Чалавек: тэмац. слоўн. – С. 189.

⁹ Чалавек: тэмац. слоўн. – С. 188.

¹⁰ Лепешаў І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы: у 2 т. – Мінск, 2008. – Т. 1: А – Л. – С. 648.

¹¹ Лепешаў І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы: у 2 т. – Мінск, 2008. – Т. 2: М – Я. – С. 17.

чалавека, менш – негаласавых гукаў чалавека. Сродкамі вербалізацыі намінацый гука і слыхавога ўспрымання выступаюць лексічныя адзінкі з семантыкай слухання і гаварэння, кампаненты-саматызмы, гукаперайманні.

Вывяўлення ЛСВ сістэматызаваны праз адкрытыя часцінамоўныя рады перцэптыўнай лексікі слыху, прадстаўлення ў парадку ўбывання колькасных паказчыкаў: дзеясловы (37) *абазвацца, абяцаць, адгукнуцца, адракацца, брахаць (дабрахаць), выпрасіць, гаварыць (нагаварыць, недагаварыць, перагаварыць), гукаць (зукнуць), журыць, зычыць, ілгачь, казаць (прыказаць), недачуваць, няславіць, праклінаць, прасіць, пытаць, раўці, сварыцца (насварыцца, пасварыцца), сказаны (дзеепрыметнік ад дзеяслова сказаць), слухаць (паслухаць), пасмяяцца, стагнаць, хваліць (хваліцца), чуць (пачуць); шчабятца; назоўнікі (22) (у тым ліку з кампанентамі-саматызмамі) *байка, вушы, гаворка, губы, запытанне, звадка, зубы, казка, кашаль, лясачкі, небыліца, навучанне, плётка, рот (роцік), сварачка, сказ, слаўцо (слова), уздыханне, шэпт, язык*; прыметнікі (1) *глухі*; гукаперайманні (5) *а-а-а; кую, кую; лады, лады, ладкі; люлі, люлі, люлі; вох*; устойлівыя выразы (3) *слова трымаць, лёгка на язык, языком малоць*. Пры ўсталяванні семантычных адносін (часцей сінанімічных, радзей антанімічных) лексічныя адзінкі могуць набыць кантэкстуальнае значэнне, паколькі для прыказак характэрна ўжыванне слоў у пераносным значэнні.*

ЛІТАРАТУРА

1. Лепешаў І.Я. Прадмова // Этымалагічны слоўнік прыказак / І.Я. Лепешаў. – Мінск, 2014. – С. 3–12.
2. Нагорная А.В. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований: аналит. обзор. – М.: ИНИОН РАН, 2017. – 86 с.
3. Новиков Л.А. Семантика русского языка. – М.: Высш. шк., 1982. – 272 с.
4. Марцынкевіч В.І. Парэміялагічныя адзінкі як сугестыўныя акты (на прыкладзе беларускамоўных прыказак і прымавак) // Молодежный филол. вестн.: сб. науч. ст. / редкол.: Е.И. Тимошенко (отв. ред.). – Гомель, 2022. – Вып. 2. – С. 96–98.
5. Земичева С.С. Обозначения неголосовых звуков человека и их функционирование в текстах носителя народно-речевой культуры // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2018. – № 52. – С. 71–82.

Поступила 26.05.2024

НОМИНАЦИИ ЗВУКА И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В МИКРОТЕКСТАХ БЕЛОРУССКИХ ПОСЛОВИЦ (ЛИНГВОСЕНСОРНЫЙ АСПЕКТ)

В.И. МАРЦИНКЕВИЧ

(Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина)

Заявленная тема является частью исследования языковых средств вербализации перцептивной лексики в белорусских пословицах о детях. Обращение к антропоцентрическому направлению остаётся актуальным и востребованным в современной лингвистике, поскольку представления о ребёнке, репрезентированные в семантике паремiologicalических единиц, относятся к важнейшим составляющим мировоззрения носителей национальной культуры.

В статье голосовые и неголосовые звуки человека рассматриваются в аспекте лингвистической сенсорики: определяются средства вербализации номинаций звука и слухового восприятия, анализируются лексические единицы со звуковой семантикой. Результаты исследования представлены в форме открытых рядов перцептивной лексики слуха.

Ключевые слова: *звук, слуховое восприятие, перцептивная лексика, лингвистическая сенсорика, лексико-семантический вариант.*

SOUND NOMINATIONS AND THEIR FUNCTIONING IN THE MICROTTEXTS OF BELARUSIAN PROVERBS (LINGUOSENSORIC ASPECT)

V. MARTSINKEVICH

(Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin)

The stated topic is part of the study of language means of verbalisation of perceptual vocabulary in Belarusian proverbs about children. The appeal to the anthropocentric approach remains relevant and in demand in modern linguistics, since the ideas about a child, represented in the semantics of paremiological units, are among the most important components of the worldview of national culture carriers.

The article considers the voice and non-voice sounds of a person in the aspect of linguistic sensorics: the means of verbalisation of sound nominations and auditory perception are determined, lexical units with sound semantics are analysed. The results of the study are presented in the form of open series of perceptual hearing vocabulary.

Keywords: *sound, auditory perception, perceptual vocabulary, linguistic sensorics, lexical and semantic variant.*

УДК 811.161.1:7.01:161.2

DOI 10.52928/2070-1608-2024-72-4-96-100

**ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОДОБРЕНИЯ И НЕОДОБРЕНИЯ:
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДИКАТОВ РУССКОГО ЯЗЫКА)****Г.Ю. АЗАРЧЕНКО***(Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)*

Статья посвящена вопросу экспликации одобрения и неодобрения посредством русскоязычных предикатов эстетической оценки. В работе характеризуются понятия «оценка», «одобрение», «неодобрение», «частная оценка», описаны особенности эстетической оценки, её структура, мотивация и др. Методом сплошной выборки из русскоязычных словарей отобрано 209 эстетических предикатов, составляющих лексико-семантическое поле, разделенное на микрополя: человек, часть тела, предмет, одежда, явление и др. Обоснована связь эстетической оценки с другими типами частнооценочного значения: этической, гедонистической, интеллектуальной, телеологической и т.д. Выражение одобрения и неодобрения осуществляется посредством значений лексико-семантических вариантов, закрепленных в словарных дефинициях и нередко маркируемых пометами. Описаны семантические характеристики эстетических предикатов, выражающих одобрение и неодобрение, определен список слов-идентификаторов, квалифицирующих их.

Ключевые слова: оценка, частнооценочное значение, эстетическая оценка, одобрение, неодобрение, предикат, лексема, лексико-семантическое поле (ЛСП), дефиниция.

Введение. По мнению лингвистов (Е.В. Мякишевой, Н.И. Белогривцевой, С.О. Малевинского и др.), несмотря на многоаспектное изучение проблематики эстетической оценки, её природы и особенностей, исследование эстетических предикатов русского языка как системы остается актуальной задачей. Мы разделяем данное мнение. Целью данной статьи является анализ русскоязычных эстетических предикатов, выражающих одобрение и неодобрение, в семантическом, лексикографическом и функциональном аспектах. В работе решаются следующие задачи: 1) характеристика эстетической оценки как типа частнооценочного значения; 2) описание эстетических предикатов, выражающих одобрение и неодобрение, как конститuentов лексико-семантического поля; 3) анализ способов экспликации одобрения и неодобрения посредством эстетических предикатов; 4) выявление слов-идентификаторов эстетической оценки в составе словарных дефиниций; 5) анализ семантических характеристик эстетических предикатов.

Теоретической базой статьи являются работы в области лингвоаксиологии (Н.Д. Арутюновой, Е.М. Вольф, Ю.Д. Апресяна, В.Н. Телии, Т.В. Писановой и др.); лексической семантики (В.И. Арнольд, Л.Г. Смирновой и др.); эстетической оценочности (М.А. Арской, Н.И. Белогривцевой, Е.В. Мякишевой и др.). Материалом исследования являются 209 эстетических предикатов, выражающих одобрение и неодобрение, отобранных методом сплошной выборки из «Большого толкового словаря русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (БТС) [1]. Для иллюстрации обозначенных в тексте работы явлений приводятся данные Национального корпуса русского языка, <https://ruscorpora.ru/>. В работе применяются дескриптивный метод и метод словарных дефиниций.

Основная часть. Оценка – это мнение о важности, весомости, ценности, нужности, полезности, целесообразности, эстетичности, этичности и т.д. (одним словом, о значимости) для человека того, что обозначается оценочными предикатами [2, с. 249]. Так, по мнению исследователей (Н.Д. Арутюнова, Г.Е. Слепко, И.Г. Дьячкова и т.д.) положительная оценка воплощается в одобрении, отрицательная – в неодобрении. Одобрение – отношение к предмету речи, связанное с похвалой, признанием хорошим, правильным, удовлетворяющим социальным нормам [3, с. 46]. Целью одобрения является выделение объекта оценки из ряда подобных по причине его действий или характеристик, в основе чего лежит единомыслие одобряющего и одобряемого в отношении них. Неодобрение – это выраженное языковыми средствами негативное, критическое, осуждающее отношение говорящего к действительности в многообразных её проявлениях [4, с. 59]. Обобщенное значение неодобрения – неудовлетворенность действиями или свойствами объекта оценки.

Одобрение и неодобрение нередко эксплицируются посредством частнооценочных значений (в классификации Н.Д. Арутюновой [5, с. 75–76]), сочетающих оценочные и дескриптивные компоненты. К частным относятся и эстетическая оценка, или способ установления эстетической ценности объекта, осознаваемый результат эстетического восприятия, обычно фиксируемый в суждениях типа «красиво», «уродливо» и т.п. [6, с. 246]. Данный тип оценки направлен на внешние проявления объектов, доступные непосредственно-чувственному восприятию и вызывающие эстетическое чувство, базирующееся на эстетических стереотипах. Эстетическая оценка относится к сублимированным, является интуитивной и непосредственно связана с эмоциональной составляющей оценочного значения. Красивое вызывает восхищение и одобрение; некрасивое – презрение, неодобрение.

Алгоритм формирования эстетического оценочного суждения состоит в следующем: представления об объектах, вызывающих позитивное эстетическое чувство, их образы, генерализуются сознанием в виде обобщенных ментальных образований – стереотипов. На их основе формируются вторичные критерии, уже не сенсорно-гедонистические, а мыслительные. Данные процессы происходят на подсознательном уровне и обычно не

поддаются саморефлексии [7, с. 129]. Эстетическая оценка имеет «парно-соотносительный антитетический характер» [8, с. 80], положительная и отрицательная эстетические оценки взаимосвязаны посредством критериев, лежащих в их основе.

Структура эстетической оценки включает в себя объект (его внешние проявления), субъект, интерпретирующий реальность и выдвигающий оценочное суждение, характер и основание оценки [9, с. 21–28]. Еще один компонент данной структуры – шкала эстетической оценки – выглядит следующим образом: положительный полюс с расположенными на нем идеалом (превышение нормы) и нормой (соответствие стандарту) и отрицательный полюс, завершающийся антиидеалом (несоответствие норме).

Относясь к сублимированным оценкам, утилитарным и нормативным по своей сути, эстетическая оценка ориентируется на эталон, соответствующий потенциальным требованиям, предъявляемым к объекту оценки. Так, эстетическая оценка, выражающая одобрение, требует от объекта оценки: а) соответствия физиологическим (параметрическим и аксиологическим) нормам; б) наличия характеристик, улучшающих средние параметры (при их отсутствии оценка нередко смещается к отрицательному полюсу шкалы: *невзрачный, невидный* и др.); в) соответствия субъективным представлениям о красивом/некрасивом. Как видим, последний аспект отрицает строгую нормативность эстетической оценки, т.к. эстетическое чувство не может быть удовлетворено стандартом, и чаще обусловлено субъективными представлениями с позиции нравится/не нравится [5, с. 75]. Причиной этого можно считать эфемерность стандарта красоты, имеющего национальную, временную, гендерную, возрастную, индивидуальную и др. основу, а также вторичную мотивацию оценки – прагматические факторы (ситуация, настроение, особенности взаимоотношений и др.). В сравнении с этической, эстетическая оценка, являясь менее утилитарной, нормативной и консервативной, более субъективна. При этом субъект считает свое эстетическое суждение объективным, исходя из чего он определяет, заслуживает ли объект одобрения или неодобрения. Возможность неоднозначной эстетической оценки одного и того же явления закрепляется на языковом уровне: (+,0) *стройный, (-) обрюзглый; (+) белокурый, (0) блондин, (-) белобрысый* и др.

Эстетическая оценка связана с понятием красоты. Я.Г. Брагина указывает, что красота семантически связывается с порядком и гармонией [10, с. 489], что подтверждается самой дефиницией лексемы *красивый* ‘приятный на вид, отличающийся правильностью очертаний, гармонией красок, тонов, линий и т.п.’ (БТС). Соответственно, одобрение внешнего вида, признание красивым потенциально связывается с пропорциональностью объекта оценки, соответствием параметров норме. Неодобрение вызывает чрезмерность выраженности признака (*обрюзглый, дылда* и др.). При этом наличие увечий или врожденные недостатки внешности, как правило, не оцениваются неодобрительно, поскольку, как указывает Н.Д. Арутюнова, «голые факты не могут фигурировать в оценочных суждениях» [5, с. 156]: *одноглазый, дурнушка, долговязый* и др. Неодобрение в данном случае может быть мотивировано не самими внешними признаками, а неприязненной к объекту оценки: (ср. функционирование неэстетической лексемы *рябой* в контексте: *А вот мой старый, так просто противен мне был с первого же дня. Ведь он такой же рябой да нехороший был, когда и женился-то на мне*).

Красота связывается с привлекательностью (*симпатичный, очаровательный*), рассматривается как результат труда (*постройневший, качок*), как индикатор физической силы (*мускулистый*), как производная от внутреннего мира человека (так, часто неодобрительная характеристика персонажа сопровождается описанием его непривлекательного облика: желтизны зубов, глаз с прищуром (хитрых), синего лица (испитого), желтых (от сигарет) пальцев, покрасневшего от гнева лица и др.), значение также может не мотивироваться (*крокодил, пугало* и др.).

Эстетическая оценка часто связана с другими типами частнооценочных значений. Полная автономия эстетической оценки возможна, только если объект оценки является исключительно эстетической ценностью: *привлекательный, красивый* и др. Так, эстетическая оценка связывается с сенсорно-вкусовой оценкой (*аппетитный, пампушка* (‘симпатичная девушка, женщина (обычно полненькая, румяная)’)); 2) интеллектуальной оценкой (*блондинка, дылда* (‘1. разг.-сниж. об очень высоком и нескладном человеке. 2. презрит. о человеке, не соответствующем в умственном отношении степени своего физического развития’)); 3) телеологической оценкой (*ровный, компактный*) и др. (тут и далее выделяются эстетические значения многозначных слов в составе их словарных дефиниций).

Наиболее тесно эстетическая оценка связана с этической оценкой. Так, Ю.В. Клинцева¹ считает красоту этико-эстетическим гиперконцептом, поскольку эстетические нормы имеют этические и практические основания. Норматив эстетической оценки характеризует поведение, ценное для всего общества. Например, опрятность, соблюдение правил личной гигиены связаны не только с личным комфортом и здоровьем индивида, но и влияют на его окружение, что и обуславливает закрепление этико-эстетической нормы в виде эстетического эталона и превращение её в инструмент социального регулирования, что наиболее явно прослеживается в значениях следующих лексем: *опуститься* ‘стать неопрятным, неряшливым или пасть нравственно’, *охламон* ‘разг.-сниж. 1. неопрятный, небрежно одетый человек (эстетическая оценка). 2. лентяй, бездельник (этическая оценка)’ и др. Красивое отрицательно оценивается, если оно противопоставляется неэстетическим характеристикам (гуманности, интеллекту и др.) (*мишура, павлин* и др.).

¹ Клинцева Ю.В. Лексико-семантические и когнитивно-деривационные аспекты гиперконцепта «Красота»: на материале английского и русского языков: автореферат дис. ... канд. фил. наук: 10.02.19 / Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2007. – 22 с.

Из 209 эстетических предикатов, отобранных в ходе данного исследования (7,3% от общего количества исследованной лексики – 2853 слова, выражающих одобрение и неодобрение), 57 лексем выражают одобрение и 152 лексем выражают неодобрение (10,7% и 6,55% от общего числа, соответственно). Такое преобладание неодобрительных предикатов может объясняться законом социального предостережения, из-за которого несоответствие нормативу, закреплённому в обществе, целесообразно более широко и разнообразно отражать в языке, чем соответствие ему.

Эстетические предикаты структурно представляют собой ЛСП, в центре которого находится ядро (*красивый/некрасивый*), а на периферии – элементы, имеющие оценочные значения, которые актуализируются только в контексте (*просторный, сияющий, стройный, косой* и др.). Данное ЛСП включает все знаменательные части речи (существительное (*отрепыши, неряха*), прилагательное (*видный, обшарканный*), глагол (*выпендриваться, выпялиться*), наречие (*модно, вульгарно*)), а также словообразовательные гнезда (*пижон, пижонка, пижонство, пижонистый, пижонить* и др.). Так, эстетические предикаты характеризуют статический (*роскошный, эффектный*) и динамический (*помолодевший, вырядившийся*) аспекты.

ЛСП эстетической оценки семантически делится на микрополя: 1) «человек»: категории «внешний вид» (*обаятельный, неблагоприятный, невыгодный*) и «части тела» (*мордашка, брюхо*) (существуют предикаты, принадлежащие обоим категориям: *образина*); 2) «животное» (*одер, холёный, поджарый*); 3) «одежда» (*отрепье, мешковатый, куцый*); 4) «предмет» (*китч, безвкусица, побрякушка*) и др. Ряд предикатов является конституентами нескольких микрополей (*облезлый, немодный* – о человеке и одежде).

Предикаты эстетической оценки характеризуются специфическим набором помет и слов-идентификаторов, отличающихся в разных словарях. Так, ср. толкования лексемы *замызганный* ‘грязный, истрепанный’ (МАС) – помета отсутствует; ‘разг.-сниж. грязный, находящийся в плохом состоянии; истрёпанный’ (БТС) – стилистическая помета *разг.-сниж.*; ‘простореч. заношенный, испачканный, засаленный (об одежде)’ («Новый словарь русского языка») – стилистическая помета *простореч.* и др. Как видим, наличие помет и выделенные аспекты значения во многом зависят от авторов словарей.

Эстетические предикаты характеризуются в БТС следующими словарными пометами: высок. (*богиня, краса*), одобр. (*аппетитный* ‘привлекательный, соблазнительный (обычно о женщине)’), – одобрение; ирон. (*непрезентабельный*), разг.-сниж. (*бардак, обмызанный*), неодобр. (*бугай, пижон*), бранно (*ведьма, карга*), грубо (*мордорот*), пренебр. (*матрешка, тряпье*), презрит. (*плюгави, куцый*), простореч. (*краснорожий*), нар.-разг. (*кулема*) – неодобрение. Ряд помет обладают равным потенциалом к выражению одобрения и неодобрения: книжн. (*импозантный, повапленный*), разг. (*красотка, зашарканный*), устар. (*авантажный, лепота, красный, ладный, кутафья*). Некоторые эстетические предикаты не маркируются пометой (*неряха*). Как видим, система помет, выражающих неодобрение, весьма разнообразна, при этом одобрение однозначно эксплицируется лишь пометой *одобр.*

Эстетический потенциал предиката можно также определить по словам-идентификаторам в составе словарной дефиниции. Одобрение эксплицируется следующими словами/словосочетаниями (многие связаны отношениями синонимии):

1) **аккуратный: подобранный** ‘подтянутый, собранный; аккуратный’;

2) **безупречный (совершенный, превосходный): выложенный** ‘безупречный, подчеркнуто изысканный, утончённый’, **безукоризненный** ‘лишённый недостатков, изъянов; безупречный, совершенный’, **бесподобный** ‘разг. не имеющий себе подобного, несравнимый: превосходный’;

3) **красивый (хорошенький, привлекательный, миловидный, симпатичный, обаятельный, очаровательный, изящный + миниатюрный): молодеть** ‘менять внешний вид, становясь нарядным, привлекательным’, **нарядный** ‘красиво, празднично одетый’, **красотка** ‘разг. хорошенькая, миловидная женщина, девушка’, **мордашка** ‘разг. приятное, симпатичное лицо’, **пленительный** ‘покоряющий своей прелестью; обаятельный, очаровательный’, **дюймовочка** ‘разг. о невысокой изящной девушке, женщине’;

4) **представительный, статный: импозантный** ‘книжн. производящий сильное, поражающее впечатление (своим видом, манерами, обращением и т.п.): внушительный, представительный’, **молодеватый** ‘имеющий бравый вид; статный, ловкий’;

5) **хорошо сложенный (атлетическое телосложение): аполлон** ‘разг. о хорошо сложенном, красивом юноше, молодом мужчине’, **геркулес** ‘о человеке, обладающем громадной физической силой и атлетическим телосложением’;

6) слова-идентификаторы отсутствуют: **модный** ‘1. отвечающий моде, сделанный по моде. 2. следующий моде (о человеке)’.

Неодобрение эксплицируется следующими идентификаторами:

1) **безвкусный (крикливый, вульгарный, показной): мишурный** ‘показной, обманчивый; рассчитанный только на внешнее впечатление’, **аляповатый** ‘грубо, безвкусно сделанный, неизящный’, **малеватся** ‘разг.-сниж. краситься (обычно ярко, вульгарно)’, **расфуфыренный** ‘неодобр. одетый слишком нарядно, крикливо или безвкусно’;

2) **крупный, полный, толстый (+ неуклюжий): бегемот** ‘разг.-сниж. о крупном, полном, неуклюжем человеке’;

3) **непривлекательный, невзрачный: неказистый** ‘разг. некрасивый, непривлекательный на вид, невзрачный’, **плюгавый** ‘презрит. невзрачный, жалкий на вид (о человеке)’;

4) **неопрятный (небрежный, грязный, непричесанный): лахудра** ‘разг.-сниж. о непричесанной, неприбранной, неопрятной женщине’, **задрипанный** ‘пренебр. затасканный, грязный’, **кулема** ‘небрежно одетый человек’;

5) **рваный, изношенный, истрепанный, подержанный**: *тряпье* ‘разг. рваная, изношенная одежда, бельё; рваньё, старьё’, *обшаркать* ‘истрепать, загрязнить ноской, длительным употреблением’, *манатки* ‘разг.-сниж. подержанная, ношенная одежда’;

6) **худой, хилый, тщедушный (+ высокий)**: *жердяй* ‘неодобр. об очень высоком и худом мужчине’, *мозгляк* ‘разг.-сниж. о хилом, тщедушном, слабосильном человеке’;

7) **чрезмерный, излишний**: *вычурный* ‘излишне затейливый, нарочито усложнённый, замысловатый’, *прилизанный* ‘неодобр. имеющий чрезмерно аккуратный внешний вид’;

8) слова-идентификаторы отсутствуют: *тряпё* ‘пренебр. одежда, наряды’, *куцый* ‘разг. недостаточной длины, размера; короткий’.

Как свидетельствует список слов-идентификаторов, одобрительные и неодобрительные эстетические характеристики сводятся к следующим аспектам: красота, стремление к чистоте, аккуратность, эстетический вкус, впечатление, телосложение, рост и др.

Одобрительными считаются эстетические предикаты, указывающие на привлекательность в целом и её проявления: хорошее телосложение, физическую силу и др. (мужские характеристики), изящество и обаяние (женские характеристики). Так, данные особенности непосредственно связаны со здоровьем, без которого не существуют, и с соответствием гендерным стереотипам. Качествами, улучшающими средние параметры, являются аккуратность, совершенство внешних проявлений и благоприятное впечатление, которое может быть связано со статусом человека (*солидный, представительный*), соблазнительностью (*пикантный, пленительный*) и общим производным эффектом (*ослепительный, шикарный*). Красота рассматривается как результат улучшения внешнего вида посредством целенаправленных действий (*марафет*) или без видимых причин (*молодеть, похорошеть, расцвести*).

Неодобрение вызывают те же аспекты, к примеру, плохое здоровье, проявляющееся в чрезмерной полноте, худобе, наличии зависимостей (*испитой*) и др. Более разнообразные отрицательно-оценочные средства имеются для описания тучности (*ожирелый, боров, толстопузый*), значение чаще мотивировано субъективными, а не объективными причинами. Лексем, выражающих одобрение данных аспектов также немного (*стройный* (периферийное оценочное значение), *пышечка*). Чистоплотность и аккуратность могут отрицательно оцениваться как в случае несоответствия норме (*замарашка, свинья, патлы, засаленный, искромсать, зашарпанный*), так и её превышения (*чистоплюй*). Кроме указанных выше аспектов неодобрение вызывает чрезмерное внимание к внешности (*павлин, фифа, фронт*), нескромность и отсутствие вкуса (*вызывающий, вульгарный*), проявления беспорядка, хаоса (*бардак, бедлам*), несообразный ситуации внешний вид (*вырядиться, затрапез, нацепить, ломака*), изменение внешнего вида к худшему (*пожирнеть*) (ср. одобрение – улучшение внешнего вида) и др. Возраст практически не получает эстетическое выражение, имплицитно возрастной аспект присутствует в отрицательно-оценочных лексемах, характеризующих злых женщин (*карга, ведьма*), но иногда находит отражение в одобрительном употреблении (*моложавый*).

Неодобрение эксплицируется и амбивалентными предикатами, контрастные эстетические значения которых закреплены в дефиниции (*модничать* ‘разг. 1. следовать моде, модно одеваться; франтить. 2. разг.-сниж. ломаться, жеманничать’) или возникают окказионально (лексема *гламурный* ‘роскошный, шикарный; модный’ в контексте меняет аксиологический знак: *Это очередной гламурный торговый центр, утерявший дух «Детского мира»*).

Эстетическая оценка, выражающая одобрение и неодобрение, может эксплицироваться метафорами: 1) мифологическими (*аполлон, афродита, нимфа, кикимора, дюймовочка, жердяй, сирена*); 2) религиозными (*ангел*); 3) сказочными (*дюймовочка*); 4) биоморфными: зооморфными (*газель, конь, боров, попугай, обезьяна*) и ботаническими (*роза*); 5) урбанистическими (*берлога, кабак*); 6) антропоморфными (*питекантроп, суперзвезда, топ-модель*), 7) предметными (*веник, колода, куколка, матрешка, жердина, чучело*) и др.

Заключение. Таким образом, эстетическая оценка – один из типов частнооценочных (сублимированных) значений, характеризующая объект оценки как красивый/некрасивый. Она ориентируется на эталон, при этом выражая субъективные представления и оценочные стереотипы, и нередко связана с гедонистической, интеллектуальной и этической оценками. Структурно эстетические предикаты формируют ЛСП, в ядре которого находятся лексем *красивый/некрасивый*, и микрополя: «человек», «животное», «одежда», «предмет» и др. Одобрительные предикаты характеризуются менее разнообразной системой помет, чем неодобрение (*одобр.*, редко *высок.* – *неодобр.*, *ирон.*, *разг.-сниж.*, *презрит.*, *простореч.*, *пренебр.* и др.). Словами-идентификаторами эстетической оценки являются: *аккуратный, совершенный, статный, привлекательный* и др. (одобрение); *безвкусный, крупный, неопрятный, истрепанный, хилый, чрезмерный* и др. (неодобрение). Семантически одобрительные и неодобрительные эстетические предикаты соответствуют следующим категориям: красота, стремление к чистоте, аккуратность, эстетический вкус, впечатление, телосложение, рост и др., могут быть выражены амбивалентными лексемами и метафорами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт; М.: Рипол классик, 2008. – 1534 с.
2. Васильев Л.М. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики. – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – 524 с.
3. Лукьянова Н.А. Системные отношения в экспрессивной лексике разговорного употребления // Системные отношения на разных уровнях языка. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1988. – С. 49–64.

4. Петрушина М.В. Семантико-прагматические функции высказываний с модальным значением неодобрения // Филологические науки. – 2003. – № 5. – С. 58–67.
5. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка, событие, факт. – М.: Наука, 1988. – 338 с.
6. Эстетика: Словарь / А.И. Абрамов и др.; под ред. А.А. Беляева. – М.: Политиздат, 1989. – 451 с.
7. Малевинский С.О., Ахмадзаи С.А. Эстетические оценки и их языковое выражение // Культурная жизнь Юга России. – 2018. – № 3(70). – С. 128–136.
8. Каган М.С. Эстетика как философская наука. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 544 с.
9. Ивин А.А. Основание логики оценок. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 228 с.
10. Брагина Я.Г. Красота: энергия влечения и образ власти // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. – М.: Индрик, 2004. – С. 487–503.

Поступила 11.06.2024

AESTHETIC EVALUATION AS A MEANS OF EXPRESSING APPROVAL AND DISAPPROVAL: LINGUISTIC REPRESENTATION (ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN PREDICATES)

H. AZARCHANKA

(Vitebsk State University named after P.M. Masherov)

The article is devoted to the issue of expressing approval and disapproval through Russian predicates of aesthetic evaluation. Such concepts as "evaluation", "approval", "disapproval", "partial evaluation" are interpreted. It describes the features of aesthetic evaluation, its structure, motivation, etc. 209 aesthetic predicates are selected from Russian-language dictionaries by the method of continuous sampling. The predicates make up the lexical-semantic field, divided into microfields: a person, a body part, an object, clothes, a phenomenon, etc. The interaction of aesthetic evaluation with other types of partial evaluation (ethical, hedonistic, intellectual, teleological and so on) is substantiated. The expression of approval and disapproval is carried out through the meanings of lexical and semantic variants, fixed in dictionary definitions and often marked with usage labels. Semantic features of aesthetic predicates expressing approval and disapproval are described, and a list of identifying words which qualify them is determined.

Keywords: *evaluation, partial evaluation meaning, aesthetic evaluation, approval, disapproval, predicate, lexeme, lexical and semantic field (LSF), definition.*

УДК 811.111'42:811.161.1(043.3)

DOI 10.52928/2070-1608-2024-72-4-101-105

**КООПЕРАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА
В АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНОМ РАЗГОВОРНОМ ДИСКУРСЕ****канд. филол. наук А.Э. ИВАНОВ***(Минский государственный лингвистический университет)*ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-6316-3434>e-mail: arthur_ivanov94@mail.ru

В статье рассматриваются особенности тактической организации стратегии создания образа в кооперативных диалогах из разговорного дискурса на английском и русском языках. Данная стратегия реализуется в двух вариантах – самопрезентацией и повышением статуса коммуникативного партнера. Стратегия самопрезентации манифестируется тактиками положительной и отрицательной самохарактеризации, апелляции к чужому мнению и самоиронии, в то время как повышение статуса коммуникативного партнера коррелирует с тактиками положительной характеристики собеседника, демонстрации заинтересованности, апелляции к экспертной зоне собеседника и смены темы. Различия в употребительности тактик указанных стратегий эксплицируются лингвокультурой, сходства объясняются общими принципами понимания актуализации кооперации в разговорном дискурсе.

Ключевые слова: кооперация, разговорный дискурс, коммуникативные стратегии и тактики, создание образа, самопрезентация, повышение статуса коммуникативного партнера, языковые средства реализации тактик.

Введение. Стратегия создания образа коммуниканта, или формирования имиджа, является неотъемлемой частью реализации коммуникативной кооперативной интенции коммуникантов – представителей различных лингвокультур. Данная стратегия обусловлена целью адресанта преподнести значимую информацию о себе или своем коммуникативном партнере при условии сохранения позитивного речевого контакта в контексте реализации глобальной цели гармонизации общения. Стратегия создания образа актуализируется двумя частными вариантами – самопрезентацией и повышением статуса коммуникативного партнера. Первая из них репрезентируется репертуаром тактик, направленных на создания положительного образа продуцента высказываний [1]. Стратегия повышения статуса коммуникативного партнера предполагает положительную оценку собеседника. Подчеркнем, что под статусом в данном случае понимается не столько система социально-статусных ролей, приписываемая участникам интеракции, сколько коммуникативная роль и инициатива в диалоге. Иными словами, стратегия повышения статуса коммуникативного партнера соотносится с «самокоррекцией «Я-темы» в пользу речевого «Я» собеседника» [2, с. 79], что создает определенное равновесие усилий, прилагаемых обеими сторонами в речевом плане. Тем самым цель настоящей статьи состоит в выявлении основных тактик, актуализирующих варианты реализации стратегии создания образа, а именно самопрезентации и повышения статуса коммуникативного партнера, раскрытия особенностей организации языковой репрезентации данных тактик в англо- и русскоязычном разговорном дискурсе.

Материалом для исследования послужили 400 диалогов (по 200 диалогов на каждом языке). Материал был отобран с учетом концепции кооперативного общения методом сплошной выборки из англоязычных фильмов Великобритании и русскоязычных фильмов Республики Беларусь Основными методами исследования были сравнительно-сопоставительный, интерпретационный анализа и контекстуальный.

Основная часть. Стратегия создания образа выступает проекцией одного из основных положений бесконфликтной коммуникации, а именно принципа сохранения лица С. Левинсона и П. Браун, согласно которому выделяют две составляющие имиджа – позитивную и негативную [3]. Следовательно, самопрезентация и стратегия повышения статуса коммуникативного партнера рассматриваются взаимосвязанно: при кооперативной речевой интеракции для сохранения баланса позитивного и негативного лица каждого из участников диалога реализация одной стратегии предполагает реализацию другой.

Приведем англоязычный пример, который иллюстрирует две исследуемые стратегии, в котором близкие друзья обсуждают специфику современного брака и в целом любовные отношения между молодыми людьми, основываясь на статье одного из коммуникантов.

A: *Um, I just wanted to say quickly, uh, I really enjoyed, uh, feature on starter marriages and the, like, online dating stuff.* ‘Я просто хотел сказать, что мне очень понравилась статья о стартовом браке и о свиданиях онлайн, вообще обо всем таком’.

Б: *Oh, yeah?* ‘Ах, да?’

A: *Yeah, yeah. The bit about, you know, the difference between passionate and compassionate love.* ‘Да-да. Особенно та часть о разнице между страстью и сочувствием в любовных отношениях’.

Б: *Thanks. It gives a warm gooey feeling knowing my unadulterated misery has finally been put to good use.* ‘Спасибо. Я чувствую что-то теплое внутри, когда узнаю, что мои искренние несчастья приносят кому-то пользу’.

A: *Huh.* ‘Ага’.

Б: *So how does someone like you end up making their living as an archivist?* ‘И в итоге как оказалось, что ты зарабатываешь на жизнь, работая в архиве?’

А: *I studied art history, actually. And, at that point, um, I sort of realised that I enjoy categorizing stuff, oddly enough* ‘Я изучал историю на самом деле. И в итоге я как бы понял, что мне нравится все классифицировать. Странно, конечно’ [диалог из х/ф «The Last Letter from Your Lover»].

Участники интеракции пытаются произвести друг на друга хорошее впечатление, создавая собственный образ и моделируя образ партнера по коммуникации. В указанном диалоге для реализации стратегии самопрезентации коммуниканты прибегают к тактикам самохарактеризации (*I enjoy categorizing stuff*), самоиронии (*it gives a warm gooey feeling knowing my unadulterated misery has finally been put to good use*). Стратегия повышения статуса коммуникативного партнера манифестируются в данном отрывке следующими тактиками: апелляция к экспертной зоне собеседника (*I really enjoyed, uh, feature on starter marriages*), положительная характеристика собеседника (*the bit about love*), смена темы и демонстрация заинтересованности (*so how does someone like you end up making their living as an archivist*).

Следующий диалог на русском языке происходит между двумя старыми друзьями (коммуниканты А и Б), которые давно не виделись.

А: *Андрей здесь больше не живет. Как ты тогда к своему богатею уехала, он тоже ушел.*

Б: *Понятненько.*

А: *А я уже как двадцать лет бабушка.*

Б: *А как Василий?*

А: *Уехал тоже, пропал. И я осталась одна. Сама виновата. Оставила его, а время было тяжелое: ни денег, ни работы, ничего.*

Б: *Ох и дура я была.*

А: *Дуры. А что было делать?*

Б: *Да ладно. Давай о чем-нибудь другом* [диалог из х/ф «Белые Росы. Возвращение»].

В диалоге собеседники используют целый ряд тактик, реализуя как стратегию самопрезентации, так и стратегию повышения статуса коммуникативного партнера: тактики положительной самохарактеризации (*уже как двадцать лет бабушка*), негативной самохарактеризации (*дуры, виновата*), смены темы (*давай о чем-нибудь другом*), апелляции к чужому мнению (*время было тяжелое*). Рассматриваемый эпизод – яркий пример взаимодействия двух частных стратегий создания образа.

Стратегия самопрезентации представлена положительно окрашенными языковыми единицами, т.е. именами, содержащими в своем значении положительную оценку, например *kind* ‘добрый’, *wonderfully* ‘прекрасно’, *nice* ‘славный’, *loyalty* ‘преданность’, *прекрасный, хороший, доброта, качественно* [4; 5]. По сути, значимы любые реплики, которые, по мнению говорящего, могут вызвать положительную реакцию у собеседника. Указанные языковые средства свидетельствуют об использовании коммуникантами тактики положительной самохарактеризации, основная задача которой – позитивным образом описать говорящего для создания соответствующего впечатления у адресата.

Перейдем к рассмотрению конкретных примеров. В англоязычном фрагменте диалога коммуникант (А) формирует собственный положительный образ у коммуниканта (Б), дружбу, одновременно пытаясь создать общее коммуникативное пространство: (А) *Try to believe me. Once you know me better, you will see what kind of light I bear inside. And that will be a relief for you too. Trust me*. ‘Постарайся поверить мне. Когда ты узнаешь меня получше, ты поймешь, что за свет я несу внутри себя. И тебе станет тоже легче. Доверься мне’. – (Б) *Ok, fine*. ‘Да, хорошо’ [диалог из х/ф «Breathe»]. В русскоязычном примере коммуникант (А) повествует о событиях прошлой жизни, коммуникант (Б) поддерживает высказывание собеседника, прибегая к тактике положительной характеристики: (А) *Я ему просто понравилась, потому что помогла справиться с бедой в нужный момент. Теперь он просто хочет меня отблагодарить*. – (Б) *Это было заметно* [диалог из х/ф «Любовь, которой не было»].

В то же время сценарий реализации стратегии самопрезентации может быть связан с употреблением прилагательных, наречий и других частей речи, имеющих отрицательную коннотацию и подчеркивающих заурядность личности говорящего в сравнении с чертами личности, внешности собеседника или третьего лица, например: *ordinary* ‘обыкновенный’, *shameless* ‘бесстыдный’, *ruin* ‘разрушить’, *fat* ‘жирный’, *отвратительный, дурак, без таланта, несчастный* [4; 5]. Отдельные качества или действия коммуникантов мыслятся ими как неприемлемые относительно общепринятых норм: *I created all that, I am the reason for all of this to have happened*. ‘Я все это создал, все это произошло из-за меня’. Упомянутые языковые средства маркируют тактику отрицательной самохарактеризации, связанную со стратегией самопрезентации. Актуализация данной тактики предполагает понижение собственного статуса в глазах партнера. Тем самым «значимая для самопрезентации информация минимизируется» [6, с. 81]. В следующем фрагменте на русском языке коммуникант (А) сообщает коммуниканту (Б) о своем желании помочь коллеге на работе: (А) *Я просто вижу, как он мучается. Я хочу ему помочь, но в то же время оицуцаю себя беспомощной, жалкой*. – (Б) *Не бери в голову. Никакая ты не жалкая* [диалог из х/ф «Рифмуется с любовью»].

В ходе анализа были также установлены случаи, являющиеся специфичными для одного из языков. Так, в английской фразе *I am just a middle-class woman with neurotic compulsions*. ‘Я просто женщина из среднего класса с периодическими невротическими припадками’ [диалог из х/ф «Notes on a Scandal»] лексема *middle-class* ‘из среднего класса’ с точки зрения говорящего имеет негативную коннотацию в силу существования особой социальной стратификации британского общества. В то же время для носителей русского языка такое определение

личности коммуниканта не имеет дистинктивной силы. Это значит, что идентификация тактики отрицательной самохарактеризации проводилась с учетом более широкого лингвокультурного контекста. Специфика реализации данной разновидности тактики самохарактеризации заключается в её комплементации лексемами с эмоционально-оценочным компонентом, которые выражают мнение говорящего или называют действия и поступки, рассматриваемые коммуникативным партнером или обществом как недопустимые.

Стоит также отметить, что при характеристике собственной личности говорящие используют ссылку на третье лицо, не участвующее в коммуникации. Так, в указанном ниже англоязычном фрагменте диалога коммуникант (А) ссылается на отца главного героя (коммуникант Б), подчеркивающего его положительные черты: (А) *«I remember what your father told me once. He said that you'd always be one of those people who find something positive even in a disaster»*. 'Я помню, что однажды сказал мне твой отец. Он сказал, что ты всегда будешь одним из тех людей, которые находят что-то положительное даже в катастрофе'. – (Б) *«I am so glad you said that»*. 'Я так рад, что ты это сказала' [диалог из х/ф «Breathe»]. В эпизоде из художественного фильма на русском языке коммуникант (А) приводит мнение третьего лица по поводу своей внешности: (А) *«Мне вчера Гурков сказал, что у меня ноги как у молодой кобылы»*. – (Б) *«А кто такой Гурков?»* – (А) *«Ах, президент известного турагентства. Неужели не помнишь? Ты же ему шила»* [диалог из х/ф «Поводырь»]. Указанные средства маркируют тактику апелляции к чужому мнению, которая по своей задаче близка к тактике положительной самохарактеризации. При этом её важным отличием является ссылка на авторитетное для собеседника лицо, не принимающее непосредственное участие в общении.

Анализируя способы актуализации самопрезентации, стоит отметить случаи иронизирования говорящих над своей собственной личностью. В следующем эпизоде из англоязычного художественного фильма жена (коммуникант А) говорит мужу (коммуникант Б) о неудавшейся поездке по Европе: (А) *«And you, you dragged me around all those interminable galleries in Venice, blathering on about the miracle of the canals and the flashing lagoon systems or some such nonsense. Of course, I was sad, being bad at playing golf at Sandwich!»* 'А ты! Ты водил меня по этим бесконечным галереям в Венеции, нес всякую чепуху о чудесах каналов и системе водоемов. И всякое такое. Конечно же, я была расстроена. У меня плохо получалось играть в гольф в Сэндвиче'. – (Б) *«I suppose you're right. It was silly of us to look in each other qualities that we never possessed»*. 'Я полагаю, ты права. Глупо было искать друг у друга качества, которых у нас никогда не было' [диалог из х/ф «Match Point»]. Аналогичным образом в русскоязычном фрагменте разговорного дискурса один из коммуникантов иронизирует по поводу своих способностей к рисованию: (А) *«Ну, да, я ведь рисую как кукурыниксы, а вот кто-то ходит как струнка, потому что на танцы ходил»*. – (Б) *«Кукурыниксы, между прочим, тоже замечательно рисовали!»* [диалог из х/ф «Рифмуется с любовью»] Направленная на собственную личность ирония задает коммуникации особый тон и выделяется в отдельную тактику – самоиронию.

Стратегия повышения статуса коммуникативного партнера в целом ассоциируется с употреблением прилагательных, наречий и существительных, имеющих положительный эмоционально-оценочный компонент, например, *cool* 'классный', *attentive* 'внимательный', *kindness* 'доброта', *important* 'важный', *красивый*, *вежливый*, *подъем* [4; 5]. Указанные лексемы употребляются носителями языка для улучшения имиджа партнера по общению. Например, в следующем эпизоде из англоязычного художественного фильма коммуникант (А) не уверен в своих способностях, в то время как коммуникант (Б) пытается дать положительную оценку действиям собеседника: (А) *«What if my actions are damaging everything?»* 'А что если мои действия только наносят вред?' – (Б) *«Damaging it? You are the greatest asset this institution has, one of the greatest it has ever had»*. 'Наносят вред? Ты самое ценное, что у нас есть, и один из самых великих монархов, когда-либо правивших этой страной' [диалог из х/ф «Queen»]. Аналогичным образом данная стратегия эксплицируется в разговорном дискурсе на русском языке. Указанные языковые маркеры позволяют выделить тактику положительной характеристики собеседника, призванной воздействовать на имидж говорящего через комплимент и похвалу.

При реализации стратегии повышения статуса коммуникативного партнера, говорящие стремятся передать друг другу коммуникативную инициативу. За счет подобного хода коммуникативный статус участников интеракции может повышаться. Продемонстрируем данную тенденцию при помощи диалогического фрагмента, в котором две близкие подруги обсуждают ситуацию, случившуюся на работе одной из их коллег: (А) *«Я верила ему»*. – (Б) *«Ах, а он что? Предал?»* – (А) *«Нет, он все правильно сделал, он сделал все, что мог»*. – (Б) *«Ага-ага»*. – (А) *«Но я не могу заставить себя снова ему доверять»*. – (Б) *«И что же делать теперь с этим всем будешь?»* – (А) *«Ну, все всё равно думают, что мы любовники»*. – (Б) *«А ты что? Не отрицаешь?»* [диалог из х/ф «Рифмуется с любовью»]. Англоязычные коммуниканты реализуют аналогичную интенцию в разговорном дискурсе. Говорящие полностью концентрируют свое внимание на теме, не только интересующей их самих, но также занимательной и для их собеседников, что позволяет выделить тактику демонстрации заинтересованности, основной задачей которой является передача коммуникативной инициативы собеседнику. Указанная тактика представлена репертуаром языковых средств, расположенных в репликах всей диалогической интеракции. Наиболее частотными способами манифестации заинтересованности являются уточняющие вопросы и вопросы-переспросы, а также лексемы, содержащие положительный оценочный компонент, например, *marvelous* 'прекрасно', *great* 'классно', *здорово*, *замечательно*, *круто* [4; 5]. Были установлены так называемые поддерживающие реплики, при помощи которых собеседники выражают понимание, одобрение или согласие с сообщаемым, тем самыми мотивируя говорящего. В английском

языке данные реплики представлены конструкциями *I hear* 'я понял', *I see* 'я понимаю', *got it* 'понятно', *right* 'хорошо', а в русском – *все верно, конечно, безусловно, именно так, а как же*.

Отмечено, что в анализируемых диалогах на двух языках тактика демонстрации заинтересованности может комбинироваться с ещё одной тактикой, которая реализует интенцию развития темы общения, интересующей собеседника. В следующем англоязычном диалоге коммуникант (А), обращаясь к неприятным для собеседника (Б) событиям, приносит извинения и меняет содержание и тему своих интеррогативов: (А) «*What about your family? Tell me about your parents*». 'Как насчет твоей семьи? Расскажи мне о своих родителях'. – (Б) «*My mother's dead*». 'Моя мать умерла'. – (А) «*I am sorry. Did you serve in the army?*» 'Мне жаль. Ты служил в армии?' [диалог из х/ф «*Light in the Ocean*»]. В русскоязычном примере один из участников (А) призывает другого (Б) сменить тему и предлагает новую: (А) «*Кстати, меня исключили из списка должников*». – (Б) «*Это прекрасно. Мы сможем поехать на море!*» – (А) «*Не будем торопиться. Лучше поговорим о другом – о наших финансах*» [диалог из х/ф «*Любовь, которой не было*»]. Данные языковые факты позволяют выделить тактику апелляции к экспертной зоне партнера по интеракции.

В исследуемом фактическом материале для тактики апелляции к экспертной зоне собеседника характерно сочетание с тактикой смены темы, которая вызывает отрицательную реакцию у собеседника. Суть смены темы – изменение коммуникативного поведения путем переключения или смещения фокуса внимания собеседника с проблемы, которая неприятна для обсуждения, на другую тему.

В таблице представлена употребительность тактик, связанных со стратегией создания образа.

Таблица. – Тактики, актуализирующие стратегию создания образа в разговорном дискурсе на английском и русском языках

Стратегия	Тактика	Англ. яз. (%)	Рус. яз. (%)
Самопрезентация	Самохарактеризация:		
	– положительная	54	39,6
	– отрицательная	29,8	38,8
	Апелляция к чужому мнению	8,1	13,3
	Самоирония	8,1	8,3
	Всего	100	100
Повышение статуса коммуникативного партнера	Положительная характеристика собеседника	45,1	51,9
	Демонстрация заинтересованности	23,3	17,6
	Апелляция к экспертной зоне собеседника	16,5	13,6
	Смена темы	15,1	16,9
	Всего	100	100

Заключение. Стратегия создания образа является одной из кооперативных стратегий в разговорном дискурсе и активно употребляется носителями английского и русского языков – 16 и 14,1% случаев использования всех кооперативных стратегий в исследуемом материале, соответственно. Репертуар тактик, реализующий рассматриваемую стратегию, также демонстрирует преимущественное сходство, что может эксплицироваться, с одной стороны, общностью дискурсивной среды, а именно обиходно-бытовое общение, а с другой – близостью понимания когнитивно-коммуникативных механизмов актуализации кооперации вне зависимости от принадлежности к той или иной лингвокультуре. Различия касаются лишь частотности употребления определенных тактик и способов их вербализации: преобладание языковых средств, воплощающих положительный образ самого говорящего, доминирование языковых средств, реализующих положительную характеристику партнера по общению в русском языке (см. таблицу). Данный факт подтверждается стремлением носителей английского языка как представителей лингвокультуры со свойственной ей индивидуализмом развивать «я-тему» наравне с проектированием темы собеседника при сохранении коммуникативной инициативы [7], о чем свидетельствует частотность тактики демонстрации заинтересованности (см. таблицу). При этом представители русскоязычной лингвокультуры склонны акцентировать отрицательные аспекты собственного образа, уделяя больше внимания имиджу собеседника, что в целом также типично для носителей русского языка [8]. В то же время русскоязычные коммуниканты реже используют опосредованные способы характеристики партнера по общению (тактики апелляции к экспертной зоне собеседника и смены темы).

Таким образом, кооперация в рамках стратегии формирования имиджа носит универсальный характер и демонстрирует отличительные тенденции лишь в некоторых аспектах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Максимов В.И. Русский язык и культура речи: учеб. – М.: Гардарики, 2001. – 413 с.
2. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. – М.: Икар, 2007. – 480 с.
3. Brown P. Politeness: some universals in language usage. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013. – 345 p.
4. Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org>. (Дата обращения: 01.04.2022).

5. Малый академический словарь Евгеньевой А.П. (МАС). – URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas>. (Дата обращения: 01.04.2022).
6. Ланских А.В. Речевое поведение участников реалити-шоу: коммуникативные стратегии и тактики: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Екатеринбург, 2008. – 183 л.
7. Gudykunst W. B., Ting-Toomey S. Culture and Interpersonal Communication. – Thousand Oaks: SAGE Publications, 1988. – 280 p.
8. Ратмайр Р. Прагматика извинения: сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. – М.: Яз. славян. культуры, 2003. – 272 с.

Поступила 05.04.2024

COOPERATIVE STRATEGY OF IMAGE-BUILDING IN ENGLISH AND RUSSIAN CONVERSATIONAL DISCOURSE

A. IVANOU
(Minsk State Linguistic University)

The article discusses tactics of image-building as a cooperative strategy in English and Russian conversational discourse. The strategy in question is realized through its two variants – self-presentation and enhancing the status of the communicative partner. The tactics of self-presentation are as follows: positive and negative self-characterization, appealing to the third party's opinion and self-irony, whereas enhancing the status of the communicative partner is actualized through the tactics of interlocutor's positive characterization, engagement demonstration, appealing to the interlocutor's expertise and change of the topic. The differences in tactics usage can be explained through linguoculture.

Keywords: *cooperation, conversational discourse, communicative strategies and tactics, image-building, self-presentation, enhancing the status of the communicative partner.*

УДК 811.81'44

DOI 10.52928/2070-1608-2024-72-4-106-110

ЯЗЫКОВАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ ПОСРЕДСТВОМ СУБСТАНТИВНЫХ СОСТАВНЫХ НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦ В АНГЛИЙСКОМ, БЕЛОРУССКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**В.С. ТУРОВЕЦ***(Минский государственный лингвистический университет)*

Настоящая статья посвящена рассмотрению субстантивных составных номинативных единиц в аспекте языковой категоризации, изучению возможностей фиксации и упорядочивания объектов и явлений существующей действительности средствами субстантивных составных номинативных единиц. Эмпирическим материалом послужили субстантивные составные номинативные единицы белорусского, русского и английского языков. Установлен идентичный характер объединения субстантивных составных номинативных единиц в лексико-семантические категории во всех сопоставляемых языках. В статье также представлены количественные данные о распределении исследуемых единиц по лексико-семантическим объединениям. Выявлено, что большую часть субстантивных составных номинативных единиц в 3-х языках составляют единицы, именующие продукты деятельности человека. Помимо этого, выявляются и подвергаются анализу иные изоморфные и алломорфные характеристики в системах английского, белорусского и русского языков в аспекте языковой категоризации.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, лексико-семантическое поле, категоризация, субстантивные составные номинативные единицы, номинация, семантика.

Введение. В номинативной системе английского, белорусского и русского языков обнаруживается особый тип раздельноформленных единиц номинативной направленности, принадлежащих субстантивным образованиям в форме словосочетания, имеющих высокую степень семантической спаянности, выступающих как единая лексема и соотносенных с одним денотатом. В рассматриваемых языках такие субстантивные составные номинативные единицы (далее – ССНЕ) относятся к периферийному сегменту средств номинации. В связи с этим возникает интерес к анализу возможностей фиксации и упорядочивания объектов и явлений существующей действительности средствами ССНЕ. В свою очередь, рассмотрение субстантивных составных номинативных единиц в аспекте языковой категоризации дает понимание о номинативном потенциале субстантивных составных номинативных единиц. Вышесказанное обуславливает актуальность и определяет цель настоящего исследования. Выборка из лексикографических источников составила 3103 единицы (1527, 755, 821 единица для английского, белорусского и русского языков, соответственно).

Основная часть. Отражение человеком окружающего мира, присвоение названий объектам и явлениям окружающего мира сопровождается упорядочиванием в общие разряды всего того, что его окружает. «Классификационный процесс, направленный на объединение сходных или тождественных единиц в более крупные разряды, категории» называется категоризацией [1, с. 37]. Данный процесс в языке обнаруживается в существовании различных семантических классов слов (тематических групп, семантических полей, лексико-семантических групп и т.д.) [2, с. 45]. Однако причисление лексической единицы к перечисленным классам слов может отмечаться неоднозначностью, и такие понятия, как «лексико-семантическое поле», «лексико-семантическая группа», «тематическая группа» в некоторых исследованиях используются без явного различия, либо разграничение может проводиться нечетко, а также на основе различных критериев [3–5].

В этой связи важно отметить, что отражение в сознании человека реальности представляется «как единство, состоящее из сегментов, образующих семантическое пространство, воплощенное в ряде пересекающихся друг друга полей, называемых лексико-семантическими полями» [7, с. 126]. «Слова одного и того же семантического поля имеют общий смысловой код и вместе хранятся в мозгу человека, <...> семантическое поле есть способ отражения того или иного участка действительности в нашем сознании» [6, с. 40].

В данном исследовании мы придерживаемся понимания лексико-семантического поля как «ономасиологической и семантической группировки слов, их иерархической организации, которая объединена одним родовым значением и представляет в языке определенную семантическую сферу» [8]. Объединение же элементов в лексико-семантические группы обусловлено несколько иными свойствами. Так, ЛСГ определяется как «класс слов одной части речи, имеющих в своих лексических значениях общий интегральный семантический компонент и типовые уточняющие (дифференциальные) компоненты, а также характеризующиеся широким развитием функциональной эквивалентности» [9, с. 7]. Схожие характеристики обнаруживаются в трактовке Л.М. Васильева, в соответствии с которой под лексико-семантической группой понимается «любой семантический класс слов, которые объединены хотя бы одной общей лексической парадигматической семьей или хотя бы одним общим семантическим множителем» [10, с. 103].

При работе над распределением материала по лексико-семантическим классам мы ориентировались на «Русский семантический словарь» под общей редакцией Н.Ю. Шведовой [11–13]. Классификация лексико-семантических категорий была разработана также на базе указанного словаря, но с учетом качественного состава анализируемого материала и в соответствии с целями исследования.

Особенностью разработанной нами классификации является то, что организованные в группы субстантивные составные номинативные единицы в свою очередь также могут подвергаться дальнейшему членению на следующие ступени, образуя более специфицированные подмножества. Несмотря на это, они в достаточной степени полно обеспечивают охват естественных реалий и продуктов деятельности человека, духовного и интеллектуального опыта человека, его мыслительной деятельности и осмысления, что соответствует парадигме настоящего исследования.

В результате проведенного анализа субстантивные составные номинативные единицы были категоризованы по четырем лексико-семантическим полям, внутри которых были выделены 16 лексико-семантических групп на основе сем, доминирующих в семантической структуре тех или иных субстантивных составных номинативных единиц. Вместе с тем, был рассмотрен удельный вес выделенных категорий. Количественные данные о распределении ССНЕ по лексико-семантическим объединениям представлены в таблице ниже.

Таблица. – Лексико-семантические объединения субстантивных составных номинативных единиц в английском, белорусском и русском языках

	Английский язык (%)	Белорусский язык (%)	Русский язык (%)
1. ЛСП «Всё живое»	9,4	10,2	9,2
ЛСГ «Номинации лиц»	5,7	4,8	5,2
ЛСГ «Растительный и животный мир»	2,1	1,7	1,3
ЛСГ «Номинации тела, организма, их частей»	1,6	3,7	2,8
2. ЛСП «Продукты деятельности человека»	55,4	47,8	50,8
ЛСГ «Продукты хозяйственно-технической, социальной деятельности человека»	32,3	27,5	28,3
ЛСГ «Произведения человеческой мысли»	3,1	2,6	3,2
ЛСГ «Названия по форме, состоянию, составу, местонахождению, употреблению»	11	8,6	9,8
ЛСГ «Организации/учреждения (деятельность организаций)»	9	9,1	9,5
3. ЛСП «Естественные природные образования»	4,2	6,1	8
ЛСГ «Естественные природные образования, природные реалии»	2,8	4	4,9
ЛСГ «Состояния природы, окружающей среды»	1,4	2,1	3,1
4. ЛСП «Бытие, духовный мир и общество»	31	35,9	32
ЛСГ «Бытие. Материя (какие-то реалии)»	7,8	9,8	10,5
ЛСГ «Пространство»	5	4,4	4,6
ЛСГ «Время»	2,6	2	3,2
ЛСГ «Физические состояния и свойства живых существ, их жизнедеятельность»	2,6	2,8	1,8
ЛСГ «Духовный мир: сознание, мораль, чувства»	2,4	2,1	2,6
ЛСГ «Информация»	3,7	4	2,6
ЛСГ «Общество»	6,9	10,8	6,6

Как следует из таблицы, субстантивные составные номинативные единицы английского, белорусского и русского языков совпадают по объединению в разнообразные категории. Однако внутри отдельных лексико-семантических полей в сопоставляемых языках отмечаются некоторые расхождения по количественному составу. Рассмотрим более подробно категориальное распределение субстантивных составных номинативных единиц.

Во всех рассматриваемых языках примерно половина от общего количества ССНЕ (англ. 55,4%; бел. 47,8%; рус. 50,8%) принадлежит лексико-семантическому полю «Продукты деятельности человека», в которое, в свою очередь, входят 4 лексико-семантические группы.

В рамках данного лексико-семантического поля преобладают в количественном плане относительно других лексико-семантических групп и обладают наибольшим номинативным потенциалом во всех сопоставляемых языках субстантивные составные номинативные единицы данной лексико-семантической группы «Продукты хозяйственной и технической деятельности человека». В указанной лексико-семантической группе в белорусском и русском языках насчитывается примерно равное количество субстантивных составных номинативных единиц – 27,5 и 28,3% от общего количества (бел. *галаўны ўбор, газавая пліта*; рус. *гаечный ключ, детектор лжи*). При этом, в английском языке их количество составляет 32,3%, например: *baking soda, greetings card*. Основанием для отнесения субстантивных составных номинативных единиц к лексико-семантической группе «Продукты хозяйственной и технической деятельности человека» считается наличие в их семантике компонентов, обозначающих продукт, результат, инструмент физического труда, хозяйственной и технической деятельности. Отсюда следует, что данная группа объединяет названия продуктов труда, всего создаваемого руками и умом человека, а именно: названий орудий труда, продуктов обработки, продуктов питания, одежды, предметов обихода и повседневной жизни, а также сопутствующие им предметов, а также названия транспорта, машин, механизмов, инструментов, приборов, сооружений, построек, путей транспорта и коммуникаций.

В лексико-семантической группе «**Наименования по форме, состоянию, составу, местонахождению, употреблению**» также обнаруживается наибольшее количество единиц английского языка – 11% от общего объёма ССНЕ. В белорусском и русском языках таких единиц 8,6% и 9,8% соответственно. В рассматриваемую лексико-семантическую группу входят общие наименования «по их отношению к чему-либо, содержанию в чём-либо, владению», «форме, размеру, внешнему виду, состоянию», наименования оснований и частей целого, например: англ. *buffet car, convenience food*; бел. *прадметы першай неабходнасці, спартыўная хадзьба*; рус. *бытовая химия, канцелярские принадлежности* и др. [11].

Лексико-семантическая группа «**Организации/учреждения**» в каждом из сопоставляемых языков имеет в своём составе примерно то же количество субстантивных составных номинативных единиц, что и предыдущая описанная лексико-семантическая группа (см. таблицу). В значение каждой из этих ССНЕ включаются семантические компоненты «учреждение/организация», «подразделение», «функционирование учреждения/организации», и в данную группу были собраны наименования различных организаций, учреждений, предприятий, их подразделений, иными словами, любые объединения, выполняющие определённые задачи, удовлетворяющие интересы и нужды людей, а также аспекты их функционирования: англ. *call centre, coffee house*; бел. *бюро знаходак, стол даведак*; рус. *детский сад, мемориальный комплекс* и др.

Лексико-семантическая группа «**Произведения человеческой мысли**» в английском, белорусском и русском языках характеризуется сравнительной малочисленностью состава при примерно одинаковой представленности (см. таблицу). ЛСГ объединяет именованные продукты научного и ненаучного познания, продукты, созданные умом человека. Примерами могут служить следующие субстантивные составные номинативные единицы: англ. *comic strip, reference book*; бел. *вучэбны дапаможнік, народная творчасць*; рус. *курсовая работа, таблица умножения* и др.

Достаточно представительным объединением субстантивных составных номинативных единиц является лексико-семантическое поле «**Бытие, духовный мир и общество**», насчитывающее почти треть единиц в каждом анализируемом языке (англ. 31%; бел. 35,9%; рус. 32%). Данное поле включает в себя 7 лексико-семантических групп.

В ЛСГ «**Бытие. Материя**» преобладают ССНЕ белорусского (9,8%) и русского языков (10,5%), а ССНЕ английского языка насчитывается 7,8% от общего числа. Базовыми словами-идентификаторами, являющимися лексическими репрезентантами общего, свойственного всей группе являются слова «реальность», «существование», «взаимодействие с окружающей средой»: англ. *job interview, marriage of convenience*; бел. *зароботная плата, сямейны круг*; рус. *виртуальная реальность, домашний быт* и др.

ЛСГ «**Общество**» менее представлена и охватывает 6,9% и 6,6% субстантивных составных номинативных единиц английского и русского языков. Однако в белорусском языке ССНЕ в большей степени являются средством именованья в рамках данной понятийной области, составляя 10,8% от общего количества. Лексико-семантическая группа состоит из субстантивных составных номинативных единиц, относящихся к разным социальным сферам, и в лексическое значение каждой из этих ССНЕ включается семантический компонент «относящийся к сферам общества». В данную ЛСГ включены именованья понятий по части социального, государственного, правового, политического, экономического устройства общества, включения в них человека. Включены социальные состояния, отношения, социальные образования, общественные нормы, «характерные для социума состояния, процессы, явления, действия, связи и отношения» [13, с. 469]. Примерами единиц данной ЛСГ являются: англ. *health care, social security*; бел. *турэмнае зняволенне, правілы вулічнага руху*; рус. *денежная единица, народное торжество* и др.

Перечисленные далее лексико-семантические группы репрезентируются схожим количеством единиц в пределах от 2 до 5%.

ЛСГ «**Пространство**» включает такие ССНЕ, как англ. *outer space, pedestrian crossing*; бел. *будаўнічая пляцоўка, месца жыхарства*; рус. *зелёные насаждения, сельская местность* и др. Главными критериями категоризации служат признаки «пространство», «членение пространства», «перемещение в пространстве». Такие ССНЕ соотносятся с пространством, пространственными состояниями, восприятием и членением пространства, направлениями, расстоянием, изменением местоположения в пространстве. Кроме того, в данную группу вошли номинативные единицы, называющие помещения (как ограниченное пространство) и зоны, части помещений.

Для единиц ЛСГ «**Время**» характерна реализация смыслов «время», «отрезок времени», «ход времени», например: англ. *rush hour, shelf life*; бел. *прыёмныя гадзіны, распарадак дня*; рус. *срок давности, рабочий день* и др.

В ЛСГ «**Физические состояния и свойства живых существ, их жизнедеятельность**» обнаруживаются общие компоненты значения «свойства живого», «функциональное состояние организма». Настоящая лексико-семантическая группа включает субстантивные составные номинативные единицы, связанные с физиологическими состояниями, болезненными состояниями, внешним видом и характеристиками живых существ, например: англ. *black eye, common cold*; бел. *запаленне лёгкіх, сардэчны прыступ*; рус. *морская болезнь, второе дыхание* и др.

ЛСГ «**Духовный мир: сознание, мораль, чувства**» объединяет ряд значений, соотносимых с общим значением «входящий в ментальную сферу». Лексико-семантическая группа охватывает именованья «абстрактных сущностей», относящихся к «ментальной сфере (именования свойств и способностей человека, связанных с деятельностью интеллекта, именованья разных форм и уровней духовной активности человека)» [13]. В данную группу были отнесены такие субстантивные составные номинативные единицы, как англ. *common sense, comfort zone*; бел. *інстынкт самазахавання, унутраннае чуццё*; рус. *психологический барьер, сила воли* и др.

Семантика субстантивных составных номинативных единиц ЛСГ «Информация» наделена интегральными компонентами «информация», либо «языки, речь, способ представления информации» и охватывает ССНЕ, связанные с областью обмена информацией, например: англ. *body language, electronic mail*; бел. *перыядычнае выданне, умоўнае скарачэнне*; рус. *мягкий знак, круглый стол* и др.

Далее нами было выделено лексико-семантическое поле «**Всё живое**». Единицы, входящие в него, в английском, белорусском и русском языках количественно совпадают (9,4%, 10,2%, 9,2% от общего количества), и делятся по следующим лексико-семантическим группам.

Следует выделить ЛСГ «**Номинации лиц**» как наиболее весомую в рассматриваемом лексико-семантическом поле. В сопоставляемых языках данная лексико-семантическая группа представлена идентичным количеством единиц – 5,7% в английском языке, 4,8% в белорусском языке и 5,2% в русском языке. Семантика ССНЕ, входящих в данную группу, включает в свой состав сему «лицо или совокупность лиц». ССНЕ данной группы называют реальные лица, религиозные, мифологические, сказочные, фантастические человекоподобные существа, а также «лица по характерным признакам (по расовой и национальной принадлежности, отнесенности к месту жительства и нахождения; по интеллектуальному, эмоциональному, физическому состоянию, свойству, качеству, по отношению к другим лицам, социально-экономическим, административно-правовым действиям и нормам» [10, с. 69–73]. Кроме того, в данную ЛСГ включены названия совокупностей лиц, например, расовых, культурно-исторических, этнических, национальных, территориальных, родовых общностей, сословных, социально-экономических объединений [11, с. 144]. Например: англ. *African American, native speaker*; бел. *народны ўмелец, хатняя гаспадыня*; рус. *супружеская чета, главный врач* и др.

В рамках ЛСГ «**Номинации тела, организма, их частей**» следует отметить наличие диспропорции в количестве ССНЕ английского, белорусского и русского языков. С логическими понятиями, отражающими организм и его части соотносится 1,6% субстантивных составных номинативных единиц английского языка представленной лексико-семантической группы (*taste bud, wisdom tooth*). ССНЕ белорусского и русского языков репрезентируют соответствующий фрагмент окружающей действительности в большей степени, охватывая 3,7% и 2,8% от общего количества анализируемого материала (бел. *вестыбулярны апарат, галасавыя звязкі*; рус. *баранная перепонка, болевая точка*, и др.).

ЛСГ «**Растительный и животный мир**» репрезентируется 2,1% единицами английского языка, 1,7% единицами белорусского языка и 1,3% единицами русского языка, что делает данную ЛСГ самой малопредставленной в белорусском и русском языках. Субстантивные составные единицы данной ЛСГ объединены общими семами «живой организм», «существо», «животное», «растение»: англ. *Aloe vera, Christmas tree*; бел. *палявая мыш, цвятная капуста*; рус. *белый налив, летучая мышь* и др.

Наименьшее количество субстантивных составных номинативных единиц входит в сферу лексико-семантического поля «**Естественные природные образования**», единицы которого были распределены на 2 лексико-семантические группы.

Одной из них является ЛСГ «**Естественные природные образования, природные реалии**», включающая приблизительно равное количество ССНЕ в белорусском (4%) и русском (4,9%) языках и меньшее количество единиц в английском языке (2,8%), например: англ. *barrier reef, precious stone*; бел. *падземныя воды, палярная зорка*; рус. *тополиный пух, зыбучие пески* и др. Субстантивные составные номинативные единицы могут быть отнесены к данной ЛСГ по наличию категориальных сем «природа», «окружающая среда». Основанием причисления ССНЕ к соответствующей категории является их понятийная отнесенность к таким классам как «Земля, её строение», «природные образования», «вещества и их соединения», «космос». Также сюда включаются наименования природных поясов, сторон света, географических зон, участков земной поверхности, пространства (воздушного, земного), мест обитания животных, полезных ископаемых.

ЛСГ «**Состояния природы, окружающей среды**» в анализируемых языках представлена меньшим количеством единиц, и, как и в случае с предыдущей ЛСГ, здесь также можно отметить количественный перевес в сторону единиц русского и белорусского языков – 2,1% для белорусского, 3,1% для русского языков и 1,4% для английского. Таким образом, данная ЛСГ является наименее представленной лексико-семантической группой в английском языке. Говоря о семантических характеристиках, лексическим значениям субстантивных составных номинативных единиц данной ЛСГ свойственны дифференциальные компоненты «природное явление», «состояние природы», «стихийное бедствие», «погода», «климат», например: англ. *full moon, summer solstice*; бел. *паўночнае ззянне, парніковы эфект*; рус. *снежный занос, стихийное бедствие* и др.

Заключение. Проанализировав субстантивные составные номинативные единицы в аспекте их семантической категоризации, нами были сделаны следующие выводы.

Английскому, белорусскому и русскому языкам свойственна схожесть в распределении субстантивных составных номинативных единиц по категориальным классам. Так, для всех 3-х языков характерно то, что субстантивные составные номинативные единицы в наибольшей степени представлены наименованиями продуктов деятельности человека. Наряду с идентичным категориальным упорядочиванием ССНЕ, проявляются и колебания удельного веса в сопоставляемых языках. Несмотря на это, полученные результаты дают основания полагать, что, именуя предметы, явления, категории всех сфер человеческой деятельности, в сопоставляемых языках субстантивные составные номинативные единицы обладают схожим потенциалом в номинации объектов окружающей действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34–47.
2. Плотникова А.М. Когнитивная семантика: учеб. пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. – 160 с.
3. Долгих Н.Г. Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии // Филологические науки. – 1973. – № 1. – С. 89–98.
4. Левицкий В.В. Типы лексических микросистем и критерии их различия // Филологические науки. – 1988. – № 5. – С. 66–73.
5. Попова З.Д. Лексическая система языка (внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы изучения). – Воронеж: изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 148 с.
6. Новикова Н.С. Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира // Филологические науки. – 2000. – № 1. – С. 40–49.
7. Кочнова К.А «Лексико-семантическое поле как способ репрезентации языковой картины мира писателя» // Вестн. Север. (Аркт.) фед. ун-та. Сер. Гуман. и соц. науки. – 2015. – № 6. – С. 125–130.
8. Жеребило Т.В. Термины и понятия лингвистики: Лексика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: слов.-справ. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2011. – 128 с.
9. Лексико-семантические группы русских глаголов: учеб. слов.-справ. / под общ. ред. Т.В. Матвеевой. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. – 152 с.
10. Васильев Л.М. Методы современной лингвистики. – Уфа, 1997. – 180 с.
11. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН Ин-т рус. яз.; под общей ред. Н. Ю. Шведовой. – Т. 1. – М., 2002. – 807 с.
12. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН Ин-т рус. яз.; под общей ред. Н. Ю. Шведовой. – Т. 2. – М., 2002. – 762 с.
13. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН Ин-т рус. яз.; под общей ред. Н. Ю. Шведовой. – Т. 3. – М.: Азбуковник, 2003. – 720 с.

Поступила 08.08.2023

LINGUISTIC CATEGORIZATION BY MEANS OF SUBSTANTIVE COMPOSITE NOMINATIVE UNITS

V. TUROVETS
(Minsk State Linguistic University)

This article analyzes substantive compound nominative units in the aspect of linguistic categorization, the possibilities of fixing and ordering objects and phenomena of the existing reality by means of substantive composite nominative units. The empirical material is the substantive compound nominative units of the Belarusian, Russian and English languages. The identical nature of combining substantive compound nominative units into lexical-semantic categories in all compared languages has been established. The article also presents the quantitative data on the distribution of the units under study by lexical-semantic categories. It was found that most of the substantive constituent nominative units in 3 languages constitute the names of the products of human activity. In addition, other isomorphic and allomorphic characteristics in the systems of English, Belarusian and Russian languages are identified and analyzed in the aspect of language categorization.

Keywords: *lexical-semantic group, lexical-semantic field, categorization, substantive compound nominative units, nomination, semantics.*

УДК 811.161.1'04(088.4)"13"

DOI 10.52928/2070-1608-2024-72-4-111-114

ДОГОВОРЫ XIV В.: КАТЕГОРИЯ АБСТРАГИЗАЦИИ

канд. филол. наук, доц. **О.А. КЛИМКОВИЧ**
(Витебский государственный университет имени П.М. Машиерова)
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-1785-6507>

В статье представлена характеристика средств репрезентации категории абстрагизации в договорах, заключенных между московскими, тверскими и др. князьями в XIV в., определены особенности употребления абстрактных существительных, устойчивых глагольных сочетаний, глагольных форм, имеющих обобщающее значение, именных сказуемых, пассивных конструкций и безличных предложений.

Ключевые слова: история языка, сопоставительная историческая стилистика, категория абстрагизации.

Введение. Изучение истории развития дипломатической старорусской и старобелорусской письменности поможет нам понять, как складывался дипломатический подстиль официально-делового стиля в двух близкородственных восточнославянских языках. Жанры старорусской и старобелорусской дипломатической письменности – это договоры, верительные грамоты, послания, указы послам, опасные грамоты, отчеты послов и др. Указанные документы имели разные самоназвания: указы послам в ст.-рус. были обозначены как указы или памяти, в ст.-бел. как наука или инструкция, верительные грамоты назывались верущими листами / грамотами, документы, определяющие беспрепятственный проезд послов, в ст.-рус. назывались опасными грамотами, в ст.-бел. – опасными или глейтовными листами. Важнейшим жанром дипломатической письменности XIV в. являются договоры.

Основная часть. Исследованные тексты представляли собой соглашения между московскими, новгородскими, тверскими, серпухово-боровскими князьями, один из договоров заключен от имени князя ВКЛ Ольгерда Гедиминовича. Тексты договоров публиковались с XVIII по XXI вв., материалы для данной статьи извлечены методом сплошной выборки из следующих изданий: «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» [1], «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей» [2], «Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры» [3]¹. Всего было исследовано 27 текстов. Договоры изучались историками, правоведами, лингвистами. Отдельные явления в языке договоров XIV в. были охарактеризованы И.И. Срезневским [4], А.А. Шахматовым [5, с. 229 – 235], в XXI в. Е.Л. Конявской [6], К.Ю. Дойкиной [7]. Среди исследованных договоров – докончания, в которых не ограничивается срок действия договора, перемирные грамоты, в которых оговаривается период действия договора, тексты, представленные экземплярами одной или двух сторон.

Одним из направлений историко-стилистического анализа деловой письменности является описание средств репрезентации отдельных текстовых категорий, среди которых для деловых текстов особую значимость имеют категории стандартизованности, точности, диалогичности, императивности и абстрагизации (обобщенно-отвлеченности). Последняя определяется как такой признак, который выражается в распространении в тексте «обобщенно-отвлеченных по своей семантике разноуровневых языковых средств, функционально и стилистически взаимосвязанных между собой»². Особенности средств выражения категории абстрагизации описаны в работах М.Н. Кожинной [8, с. 18], А.С. Матвеевой [9, с. 35].

Категория абстрагизации репрезентируется в текстах 1) абстрактными существительными; 2) глагольно-именными сочетаниями, в которых существительное несет на себе основную смысловую нагрузку; 3) формами глагола в значении настоящего вневременного; 4) формами именного сказуемого; 5) пассивными конструкциями; 6) безличными предложениями.

Разрабатывая основы лингвофилософского анализа абстрактного имени, Л.О. Чернейко указывает, что «чувственной формой абстрактных имен (и их сущностей) является звуковой комплекс. Содержание абстрактного имени понимаемо. Абстрактное имя диалогично. В функционировании абстрактного имени проявляется закон психологической относительности» [10, с. 319].

В договорах XIV в. среди абстрактных существительных преобладают те, которые образованы от разных частей речи с помощью суффиксов, имеющих значение отвлеченного действия, состояния, признака в соответствии с мотивирующим словом. Это слова, образованные с помощью суффиксов *-н'j (o) / -ниj(o)* (орф.: в словах на -нье, -ние); *-e[n'j(o) / -ениj(o)* (орф.: в словах на -ение, -енье)³: *целованье, докончанье, заговенье, веданье, послушанье, послушание, княженье, благословенье, благословение, положенье, примышленье, кормленье: Тѣ послове оучилили межы нас перемирье, от Оспожына заговѣнья до Дмитриева дни межы нас воины нѣтъ* [3, с. 338].

Вторую группу абстрактных существительных составляют те, которые образованы от глагола с помощью нулевого суффикса: *измена, исправа, дума, дело, роздель, розъездъ, помочь, откупъ, обида: а князю великому държати Новгородъ безъ обиды, в пошлинѣ* [1, с. 24].

¹ Если текст договора опубликован в нескольких изданиях, цитаты приведены по последней публикации.

² Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта, 2016. – С. 405.

³ Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. – М.: Изд. центр «Азбуковник», 2016. – С. 533.

В третью группу входят существительные с суффиксом *-ость*, образованные от прилагательных⁴: *милость, пакость, хитрость*: ... *вѣсти ти с нами самому на конь без хитрости* [3, с. 340].

К четвертой группе относятся существительные, образованные с помощью суффиксов *-ств(о) / -еств(о)*⁵: *матерство, одиначество*: *кончал есмь съ своими мужи в одинач(е)ство, целовали есмь кр(е)сть* [3, с. 337]. Существительные, образованные с помощью других суффиксов, встречаются реже: *нелюбие, честь, поговорка* в значении 'предварительный договор, соглашение'⁶.

Значимыми являются существительные, которые используются для описания а) процесса составления договора: *докончанье, целованье, перемирье*; б) взаимоотношений между субъектами договора: *любовь, нелюбие, измена, хитрость, пакость*; в) юридических действий: *исправа, порука*.

В употреблении абстрактных существительных отмечены следующие закономерности:

1) повтор абстрактных лексем: *А с Татары иже будет нам миръ, по думѣ. А будет нам дати выход, по думѣ же, а будет не дати, по думѣ же* [3, с. 340]; *Княжение тво[е] честно дѣржати по пошлинѣ, безъ обиды; а тобѣ, господине, такоже Новгородъ дѣржати по пошлинѣ, безъ обиды* [1, с. 29]; ... *не канчивати ни с кимъ безъ нашего вѣданья. А намъ тако же безъ твоего вѣданья* [2, с. 37];

2) употребление нескольких абстрактных существительных в пределах одного предложения: *Добра вы мнѣ хотѣти во всем, в Ордѣ и на Роус(и), без хитрости* [2, с. 41]; ... *целуи ко мнѣ кр(е)сть ... и за свои братаничи по любви, въ правду, безо всякие хитрости* [3, с. 342]; ... *то ти намъ повѣдати в правду, безъ примышленья, по целованью, безъ хитрости* [2, с. 37];

3) использование параллельных синтаксических конструкций с абстрактными существительными, имеющими противоположное значение: *А бѣдет княз(ь) великии Дмитри Иванович и брат, княз(ь) Володимеръ, с Литвою в любви, ино и княз(ь) великии Шлег с Литвою в любви. А бѣдет княз(ь) великии Дмитрии и княз(ь) Володимеръ, с Литвою не в любви, ино и кн(а)зю великомъ А с Татары аже бѣдет кн(а)зю великомъ Дмитрию миръ ... , ино и кн(а)зю великомъ Шлгъ миръ А будет немиръ кн(а)зю великомъ Дмитрию ...* [3, с. 344];

4) употребление разных значений одного существительного:

– *княжение* в значении 'область, подвластная великому князю'⁷: *давати тобѣ нашу вотчину, великое княжение* [3, с. 340], в значении 'княжить'⁸: *княжение твое честно держати по пошлинѣ* [1, с. 19];

– *живот* в значениях 'до конца жизни, до смерти', 'при жизни', 'после смерти', 'имущество': *и тобѣ ся не имати ни до живота* [3, с. 340], ... *как при животѣ, так и по животѣ ... что дал князь вел(и)кии изъ Олексеява живота* [2, с. 12–13];

5) включение таких существительных в состав различных устойчивых сочетаний, среди которых терминологические и этикетные: *А м(а)т(е)рь свою нам, г(о)с(поди)не, держати въ м(а)т(е)рствѣ и во чти. А тоба, г(о)с(поди)не, кн(а)з(а) великог(о), держати в старшинствѣ... . . . так же мена держат(и) в братствѣ и во чти, безо вбиды* [2, с. 40]; *А гнѣва ти, княже, до Новгорода не де[ржати] ни до одного человека* [1, с. 30]; *а то есмь въ б(о)ж(ь)и воли и во ц(а)р(е)вѣ* [3, с. 338]. Укажем также, что значимые абстрактные существительные *целованье, воля, любовь* и др. могут входить в состав разных устойчивых единиц даже в пределах одного текста: *поведати по целованью, целован(ь)е сложити, не оуправило по тому целован(ь)ю, отъдати по тому целованью, буда в целован(ь)и или сложя целованье, возмут по целованью, отпустити по целован(ь)ю, привел к целован(ь)ю, судит(и) по целован(ь)ю, взяти по целован(ь)ю* [3, с. 339–342].

Среди устойчивых сочетаний с абстрактными существительными следует обозначить группу глагольно-именных сочетаний, в которых существительное несет на себе основную смысловую нагрузку и которые представляют собой расщепленные сказуемые. Они являются одним из стилиобразующих средств деловой письменности, а особенности их употребления определяют специфику делового языка эпохи средневековья. М.В. Пименова указывает на характерные признаки для таких сочетаний: «... устойчивости и воспроизводимости модели, «раздвоение» денотата (которое можно выявить при помощи трансформации словосочетания), абстрактность, а не конкретность, семантики» [11 с. 183]. В договорах XIV вв. такие сочетания включали в свой состав глаголы *чинити / учинити, чинитися / учинитися держати, дати, взяти, положити, быти, знати*:

– *тѣ послове оучинили межы нас перемирье* [3, с. 338]; *исправа ны оучинити* [2, с. 13]; *чинять исправу* [2, с. 12]; *а что ся оучинить просторожа от мене* [2, с. 13]; слово *просторожа* имеет значение 'оплошность, промах, недосмотр'⁹;

– *а рубежь ти держати ...* [3, с. 341], *на тыхъ ти нелюбья не держати* [2, с. 20], *тобе, брата своего, держати в братствѣ* [2, с. 20];

⁴ Там же. – С. 612.

⁵ Там же. – С. 637.

⁶ Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1991. – Вып. 17 (Помаранець – Потышати). – С. 184.

⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1980. – Вып. 7 (К – Крагуяр). – С. 204.

⁸ Там же, с. 204.

⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1995. – Вып. 20 (Присвоение – Прочнутися). – С. 236.

– а тому всему **судь дати** безъ перевода [1, с. 14]; как ны отецъ наш **роздѣл далъ** [2, с. 11]; тому **дати кормленьѣ** по исправѣ [2, с. 21];

– а будет нам, брат(е), **взят(и) любовь** с Витовтом или с Литвою, и нам, брат(е), без тебе **любви не взят(и)**, ни без твоих дети, ни внучат. А вам, брат(е), без нас **любви съ ним не взят(и)** ... [3, с. 346];

– а **положит** на нас в том ц(а)рь **виноу** [3, с. 346];

– кто **будеть** со княз(е)мъ с великимъ зъ Дмитриемъ Иванович(е)мъ ... **в любви и в докончаньи**, ... [3, с. 338];

– а что наши ординци и делюи, а тѣмъ **знати своѣ служба**, како было при нашихъ о(т)цѣхъ [2, с. 20].

Использование отдельных форм глагола для репрезентации категории абстрагизации обусловлено тем, насколько обобщенное значение имеет та или иная глагольная форма. Описывая градуальный переход от конкретности к обобщенности, И.Н. Смирнов рассматривает следующую последовательность увеличения обобщенных признаков: а) конкретное единичное действие, б) повторяющееся действие в рамках конкретной ситуации, в) итеративное действие, не ограниченное рамками одной ситуации, г) типичное действие, д) вневременное действие. Исследователь также подчеркивает особый статус ситуаций постоянного действия, ситуаций обобщенного факта [12, с. 272–273]. Среди форм глагола, используемых для репрезентации категории абстрагизации в исследованных договорах, рассмотрим формы, с помощью которых выражается типичное действие и обобщенный факт. Это, как правило, формы настоящего времени. В исследованных текстах они встречаются при обозначении определенной общности людей, действия которых постоянны: *а к[то] **живеть** в Новоторьскомъ уѣ[зд]ѣ у святого Спаса, а тѣ **пота[ну]тъ [къ] Торжьку** [3, с. 336]; а кто которому княз(ю) **служит**, где бы ни жил, тому с тѣм князем а и **ѣхати**, кому **служит** [2, с. 40], а кто **речеть** судъ, а тому судъ [1, с. 14–15], а **московская рать ходитъ** с моимъ воеводою [2, с. 39].*

Среди форм именного сказуемого важны формы с причастием, которые в зависимости от контекста могут репрезентировать разную степень обобщенности [13, с. 292]. Г.П. Байгарина отмечает, что страдательное причастие, выступая в предикативной функции имеет значение, связанное с «наличием состояния, полученного в результате воздействия со стороны и характеризующего субстанцию, не являющуюся агенсом»¹⁰. В договорах сказуемое сменной частью, выраженной причастием, встречается спорадически.

В рассмотренных текстах формы именного сказуемого, в котором именная часть выражена причастием, характеризуются следующими особенностями: 1) в форме сказуемого выступает разнообразный круг страдательных причастий *писан, взят, поиман, выиман, урлаженъ*: *А что грамота на Городицѣ **ѡана** и что в Торжьку **ѡана** при Таитемери ... [3, с. 337]; а что **взято** право, ино то [взяти], а что **взято** криво, а то по исправѣ отъдати [2, с. 38]; ... а что **грабежь** или что с людеи **поимано**, и из лodeи, и ис павозков товаръ **поиман** [3, с. 340]; а которые люди по нашим во[ло]стемъ **выиманы** ... в которую кто **урлаженъ** ... [2, с. 12]; 2) отмечены случаи употребления ряда страдательных причастий: ... *что будет на ком не **взято** на натицѣх или на их поручницѣх ... или натици не **попущаны**, или порука **не сведена** ... [3, с. 340].**

Кроме форм причастия используются а) существительные: *а кто буд(е)тъ мнѣ ... **другъ**, то и тобѣ **другъ** [2, с. 20], А кто будеть мнѣ ... **недругъ**, то и тобѣ **недругъ** [2, с. 20]; б) прилагательные: **воленъ** в нем княз(ь) вел(и)кии, и въ его женѣ, и въ его дѣтехъ [2, с. 13], **путь чистъ** [2, с. 42]; в) местоимения: *а земля **наша** [2, с. 39].**

Страдательные причастия, употребляющиеся в функции именной части сказуемого, характерны для пассивных конструкций, которые также рассматриваются как один из важнейших признаков синтаксиса делового стиля, так как использование таких конструкций «дапамагае абстрагаватца ад канкрэтных выканаўцаў, ... вылучыць на першы план само дзеянне, сканцэнтраць увагу на ім і на факце яго выканання»¹¹. Для договоров XIV в. характерны пассивные конструкции с возвратными глаголами: *А ци **какимъ дѣлом отоиметься** от тобѣ Ржева [2, с. 38].*

Среди безличных предложений преобладают инфинитивные безличные предложения, в которых подчеркивается обязательность называемого действия: *А самосуда не замышляти [1, с. 20]. А брата своего старѣишего **имѣти** ны и **читити** въ отцево место [2, с. 11].* Используются также предложения со сказуемым, выраженным формами глаголов *быть*: как **было** при нашем дѣдѣ ... как **было** при наших о(т)цѣхъ [2, с. 31]; словами *нет, не будет*: *а **богаромъ** вины **нетъ** [2, с. 32].*

Заключение. Анализ средств репрезентации категории абстрагизации в текстах договоров XIV в. позволяет сделать следующие выводы: среди абстрактных существительных доминируют отглагольные образования, многие из которых включены в состав устойчивых сочетаний. Такие существительные могут повторяться, в пределах одного предложения встречается несколько разных абстрактных лексем, употребляются антонимичные абстрактные существительные. Среди безличных предложений доминируют инфинитивные, в которых вместе со значением обобщенности выражается значение императивности, обязательного выполнения зафиксированного условия. В договорах используются формы именного сказуемого, выраженного причастием, глаголы настоящего времени, обозначающие обобщенное действие, однако такие средства репрезентации категории абстрагизации не отличаются широкой распространенностью.

¹⁰ Байгарина Г.П. Пассивные конструкции в русском языке XVII века (по данным памятников письменности): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / МГУ. – М., 1978. – С. 5.

¹¹ Кулеш Г.І. Фарміраванне і развіццё мовы беларускага заканадаўства XX – пачатку XXI стст. (на матэрыяле беларускамоўных заканадаўчых тэкстаў): дыс. ... докт. філал. навук: 10.02.01 / БДУ. – Мінск, 2016. – С. 43.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Акад. наук СССР, Ин-т истории; под ред. С.Н. Валка. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. – 407 с.
2. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Акад. наук СССР, Ин-т истории; редкол.: С.В. Бахрушин (отв. ред.). – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 587 с.
3. Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. – М.: «Древлехранилище», 2003. – 367 с.
4. Срезневский И.И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV вв.): Общее повременное обозрение. – Санкт-Петербург: Тип. Импер. Акад. наук, 1863. – 390 с.
5. Шахматов А.А. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV вв. – СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1886. – 285 с.
6. Конявская Е.Л. Тема конца жизни в договорных грамотах русских князей XIV – XV веков // Язык и текст. – 2016. – Т. 3, № 2. – С. 23–30. – DOI: <https://doi.org/10.17759/langt.2016030203>.
7. Дойкина К.Ю. Глагольные энклитики в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XIV–XVI вв. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 2018. – № 2. – С. 156–169. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glagolnye-enklitiki-v-duhovnyh-i-dogovornyh-gramotah-velikih-i-udelnyh-knyazey-xiv-xvi-vv>.
8. Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 1972. – 395 с.
9. Матвеева А.С. Лингвостилистические особенности научных текстов (на материале современного английского языка) [Электронный ресурс] // Universum: филология и искусствоведение. – 2017. – № 3(37). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvostilicheskie-osobennosti-nauchnyh-tekstov-na-materiale-sovremennogo-angliyskogo-yazyka>. (Дата обращения: 05.02.2024).
10. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 1997. – 320 с.
11. Пименова М.В. Лексикографическое описание древнерусских устойчивых сочетаний слов (на материале глагольных оборотов) // Вопр. лексикографии. – 2020. – №17. – С. 178–194. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksikograficheskoe-opisanie-drevnerusskih-ustoychivyh-sochetaniy-slov-na-materiale-glagolnyh-oborotov>.
12. Смирнов И.Н. Временная нелокализованность действия и ее выражение в древнерусских текстах // Проблемы функциональной грамматики. Предикативные категории в высказывании и целостном тексте / отв. ред. А.В. Бондарко, В.В. Казаковская. – М.: Языки славянской культуры, 2018. – С. 270–288.
13. Сосновцева Е.Г. Об одной модели страдательного залога в памятниках древнерусской письменности // Проблемы функциональной грамматики. Предикативные категории в высказывании и целостном тексте / отв. ред. А.В. Бондарко, В.В. Казаковская. – М.: Языки славянской культуры, 2018. – С. 289–307.

Поступила 21.05.2024

XIV CENTURY TREATIES: THE CATEGORY OF ABSTRACTION

V. KLIMKOVICH

(Vitebsk State University named after P.M. Masherov)

The article presents the characteristics of the means of representing the category of abstraction in contracts concluded between Moscow, Tver, etc. The princes in the XIV century defined the features of the use of abstract nouns, stable verbal combinations, verb forms with a generalizing meaning, nominal predicates, passive constructions and impersonal sentences.

Keywords: *the history of language, historical stylistics, the category of abstraction.*

РЕЦЕНЗИИ

Бурдзялёва І.А. Літаратура ў каардынатах часу: выбраныя працы. – Мінск: МДЛУ, 2024. – 232 с.

Кніга Ірыны Аляксеўны Бурдзялёвай называецца «Літаратура ў каардынатах часу». Часовыя каардынаты агляду даследчыцай беларускага літаратурнага працэсу – амаль чатыры стагоддзі, з XVII ст. па XXI ст. Пазначаны вучонай і прасторавыя каардынаты: неаднаразова ў кнізе гучаць паняцці топасу, геапэтыкі – таму што размова ідзе аб беларускай прасторы, зафіксаванай ў мастацкім слове, або аб сусветнай прасторы вачыма суайчынніка, які вымушаны «існаваць на геапалітычным скрыжаванні ва ўмовах своеасаблівага «еўрапейскага скразняку», прасторы супрацьстаяння дзвюх цывілізацыйных сістэм Захаду і Усходу» [1, с. 195]. Такім чынам, у беларускай літаратуры зафіксаваны вобраз свету ад Сібіры да Турэччыны, ад сталічнага жыцця да быту шляхецкай або мяшчанскай сядзібы. Кнігу Ірыны Бурдзялёвай можна лічыць новым падарожжам па забытых шляхах беларускага літаратурнага «лесу», дзе існуюць кнігі як на польскай, так і на беларускай мовах, кнігі розных стылёвых варункаў і жанравых пазначэнняў.

Дасведчаны праваднік – дацэнт, кандыдат філалагічных навук І.А. Бурдзялёва, выкладчык Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта прапанавала вынікі свайго шматгадовага вывучэння беларускай літаратуры. Кніга будзеца з дваццаці трох артыкулаў, структурна аб'яднаных па трох раздзелах адпаведна часоваму падзелу гісторыі літаратуры: новая беларуская літаратура XVII – пачатку XIX стст.; станаўленне беларускай літаратуры ў XIX – пачатку XX стст.; класічны і посткласічны перыяд развіцця беларускай літаратуры ў XX – пачатку XXI стст. Але ўсе тэксты маюць адзін бок бачання – з пункту гледжання сучаснасці. Аўтар смела інтэрпрэтуе мастацкія вобразы, надае свайму аналізу стэрэафанічнасць параўнаннямі. Напрыклад, сваю прэзентацыю «новай беларускай літаратуры» І. Бурдзялёва пачынае з артыкула, прысвечанага кнізе ўспамінаў С. Пільштынавай-Русецкай: авантурны характар гэтага твора дае магчымасць даследчыцы правесці паралель з жанравымі варыянтамі пікарэскі сусветнай літаратуры ад Менандра да Ф. Рабле, іх нацыянальных літаратурных варыянтаў, у тым ліку і найбольш яркіх пікарэсных герояў у беларускай літаратуры – у творах У. Караткевіча [1, с. 9]. Як бачым, межы аналізу «Авантураў» С. Пільштынавай-Русецкай пашыраюцца да XX ст. і ўдала спрыяюць разумна значнасці і ролі ў развіцці ў беларускай літаратуры гістарычнага твору.

Важная рыса кнігі Ірыны Бурдзялёвай – наданне шматбачнага беларускай літаратуры пэўных стылёвых характарыстык, вызначэнне каранёў ці матываў паходжання тых ці іншых вобразных сістэм. У межах даследавання літаратуры XVIII ст. аўтарка сцвярджае, што «новая беларуская літаратура» нараджаецца не на антычным падмурку, а на сваіх фальклорных здабытках [1, с. 17]. А рамантычнае светаадчуванне нацыянальнай літаратуры пачатку XIX ст. нараджаецца ў духоўнай спадчыне французскага русаісцкага сентыменталізму з яго культам прыроды і «супрацьстаяннем асобы дэструктыўнай цывілізацыі і поўнаму фальшывых каштоўнасцей грамадству» [1, с. 19], прыкладам чаго становіцца, на думку аўтара, «юнгізм Ф. Карпінскага і І. Іваноўскага, асяянізм Ф. Княжніна і Ю.В. Нямцэвіча» [1, с. 17] і маралізатарства гатычнай прозы Г.А. Мастоўскай. Але ў атмасферы ўплываў літаратур розных еўрапейскіх народаў айчынныя пісьменнікі імкнуліся да гістарычнага адлюстравання «дахрысціянскай Славяншчыны» ці рэчпалітаўскага жыцця. Сярод чужых літаратурных стылістычных варункаў выпяваў культ Беларужчыны.

Менавіта ў полістылістычным асветніцкім стагоддзі нараджаецца і галоўны канцэпт беларускай літаратуры – шляхецкі сядзібны топас. Тут жывуць разам, спрачаюцца паміж сабой і кансерватыўныя ідэалогі сарматызму, і шляхцічы-хрысціяне са шчырай верай у Бога і Радзіму. Рэфарматарская дзейнасць мясцовых асветнікаў і класічныя літаратурныя фантазіі наконце справядлівай будучыні становяцца асновай для стварэння «сядзібнай утопіі», ідэалізаванай «міні-краіны» з выгляду, напрыклад, маёнтка Кларан з «Пана Падстоліца» Э.Т. Масальскага. Але паступова ў літаратурных творах пісьменнікаў наступных часоў гэты топас гіне. Мастакі слова апісваюць гэты працэс паэтычна, праз міфалагему «згубленага Эдэму», у характэве якога «патэнцыяльна закладзена спакуса грэхпадзення і яго страты ў выніку праяўленай волі чалавека» [1, с. 182]: ад паэмы Я. Лучыны «Паляўнічыя акварэльні з Палесся» [1, с. 215], праз эпічнае палатно І. Мележа «Палескай хронікі» да рамана В. Казько «Неруш» пра сацыяльную і цывілізацыйную катастрофу палескага краю.

У новай кнізе глыбока прааналізаваны барочныя (пікарэсныя), перадрамантычныя (сентыменталістычныя) варункі нацыянальнай літаратуры. Багацце жанравых пошукаў, народжаных асветніцкімі ідэямі, таксама становіцца полем даследавання І. Бурдзялёвай. Пікарэсны, гатычны, дыдактычны, адміністратыўны, натуралістычны, філасофскі раманы, утопія і крымінальная проза – гэтыя вызначэнні не аднойчы можна сустрэць на старонках выдання.

Значнае месца ў кнізе адведзена эга-літаратуры: эпістэлярыю і дзённіку-травелог А. Скірмунт («3 жыцця літвінкі»), мемуарам А. Пакаш, «У Вільні і ў літоўскіх маёнтках» Г. Пузыні, «Успамінам з жыцця» Е. Фялінскай, «Успамінам» А.Э. Адынца, «Скарбам жыцця» М. Гарэцкага і інш. Распаўсюджанасць такога кірунку ў айчынным літаратурным працэсе спрыяе распаўсюўцы не толькі тэмы паўсюдзённасці, ад бідэрмайерызму і натуралізму, з іх фіксацыяй побыту, этнаграфічных і гістарычных падрабязнасцей, але і нараджае асаблівы сплаў эпічнасці і лірычнасці: «Індывідуальнасць і суб'ектыўнасць мемуарнага твора родніць яго з лірычнымі жанрамі, ліра-эпічнай паэзіяй» [1, с. 127]. Эга-літаратура ў сваёй сукупнасці стварае шматгалоссе думак, пачуццяў, ідэй – лірызм ці

суб'ектыўнасць апавядання існуюць побач з дыскусійнасцю, спаборніцтвам. Тут дарэчна будзе ўзгадаць вызначэнне А. Адамовічам дакументальнай літаратуры як аркестра, у якім кожны голас-інструмент важкі для стварэння канцэрта-твора, словамі Ірыны Бурдзялёвай, гэтае вызначэнне можа гучаць такім чынам: «Дзякуючы спалучэнню такіх жанрава-родавых рыс, як рэтраспектыўнасць і памяць, эгадакументы дапамагаюць выявіць канкрэтныя формы быцця і спосабы мыслення розных сацыяльных груп грамадства» [1, с. 104].

Айчынная мемуарыстыка прадстаўлена ў кнізе І. Бурдзелёвай як дакументальна-вобразная структура, дзе суб'ектыўна аўтары даносяць да будучага чытача канкрэтную гістарычную інфармацыю, пры гэтым ствараюць унутры тэкста зварот да адрасанта-аднадумца – А.Э. Адынец робіць гэта нават праз фармальны зварот да сяброўкі (сястрычкі) – прадстаўніка другога, наступнага пакалення айчынных літаратараў [1, с. 121].

Ірына Бурдзялёва ўводзіць у беларускі нацыянальны літаратурны кантэкст шэраг некласічных тэкстаў, якія ў свой час займалі нішу трывіяльнай ці масавай літаратуры, або былі абмежаваны сямейнымі ці групавымі інтарэсамі (мемуарная літаратура), а сёння выклікаюць спрэчкі паміж гісторыкамі. Даследчыца аналізуе той комплекс літаратуры, які, звычайна, стварае фон нацыянальнаму літаратурнаму працэсу. Палова раманаў, напрыклад, польскамоўнага пісьменніка і журналіста першай паловы ХХ ст. Т. Даленгі-Мастовіча экранізавана, бо маюць выразную сцэнарную гісторыю ў сваёй меладраматычнай аснове (гісторыя прафесара-знахара набыла экранны выгляд ужо тройчы) і з'яўляюцца эталонам масавай літаратуры. А дзённікі, успаміны такіх пісьменнікаў і ўдзельнікаў філаматаўскага руху, як Е. Фялінская і А.Э. Адынец дайшлі да суайчыннікаў праз пэўны час і высьвятляюць невядомыя старонкі жыцця, ствараюць вакол сябе навуковы элітарны дыскурс.

Праз усю кнігу праходзіць тэзіс пра правакацыйнасць беларускай літаратуры. У разуменні даследчыцы, гэтая якасць прыгожага пісьменства – ёсць умова руху, хуткага засвойвання новых стыляў і напрамкаў пісьменства, гэта прэзентуецца ў дыялагічнасці еўрапейскай і нацыянальнай, класічнай і посткласічнай традыцый. Я. Купала правакуе паўторамі паэтычнай заявы «бо я мужык» старэйшае пакаленне паэтаў і польска-расейскую адукаваную літаратурную інтэлегенцыю [1, с. 130–136]. А пісьменніца пачатку ХХІ ст. Е. Вежнавец ужо ўступае ў дыскусію з самім Купалам, ствараючы ў аповесці «Па што ідеш, воўча?» «адасоблены ад свету замкнёны кут» беларускага паселішча «над ракой Арэсай» і разбураючы «міф пра беларускую талерантнасць» [1, с. 213].

У мастацкай палеміцы знаходзяцца і польскамоўныя пісьменнікі першай паловы ХХ ст. Т. Даленга-Мастовіч і С. Пясецкі, бо ў іх творах па-рознаму прадстаўлена Беларуска-польская палеміка: як ідэалізаванае месца з традыцыйнымі хрысціянскімі каштоўнасцямі недзе на Віцебшчыне і як памежжа, францір, дзе выжыць магчыма не ўсім авантурыстам [1, с. 163–170]. Дыялог культурных традыцый – галоўная тэма кнігі. Даследчыца прыходзіць да высновы, што айчынная прастора паміж вялікімі дзяржаўнымі літаратурамі паспрыяла да ўзмацнення палемічнага ці правакацыйнага яе характару, «наяўнасці ў нацыянальнай літаратуры на працягу ўсяго яе шляху канцэптually рознаскіраваных тэндэнцый і з'яў» [1, с. 215]. Крытыка свайго яркага бачна праз розныя погляды на сядзібны топас ці топас беларускага мястэчка.

Яшчэ адна агульная характарыстыка нацыянальнай літаратуры – яе экзістэнцыйная праблематыка, што ўвасабляецца ў апісанні сітуацый «катастрофы, крызісу, разбурэння, смерці; у даследаванні атрыбутыўных з'яў, характэрных для паэтыкі экзістэнцыялізму, – свабоды, адзіноты, адчужанасці, сутыкнення нацыянальнага і ірацыянальнага» [1, с. 195]. І тут яркім прыкладам могуць быць артыкулы пра апошнія творы М. Гарэцкага (Тастамент Гарэцкага) або некалькі артыкулаў пра творчасць В. Казько. В. Казько прадстаўлены даследчыцай як пісьменнік-мартыст [1, с. 198], бо смерць становіцца галоўнай гераіняй яго апошніх твораў (апавесцяў зборніка «Час збіраць косці»). Матэрыялы смерці ці болю, што ёсць «неад'емны кампанент жыцця ў абсурдным і няўтульным свеце» [1, с. 204] выяўлены крытыкам і ў аповесцях Б. Пятровіча «Стах» і «Пуціна».

ЛІТАРАТУРА

1. Бурдзялёва І.А. Літаратура ў каардынатах часу: выбраныя працы. – Мінск: МДЛУ, 2024. – 232 с.

*канд. філал. навук, дац., Н.Б. ЛЫСОВА
(Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск)*

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ**II МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ГУГНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

(3–4 мая 2024 г., Полоцк)

В Полоцком государственном университете имени Евфросинии Полоцкой стало уже доброй традицией проведение Международных научных и научно-практических конференций в древнейшем здании университета – Полоцком коллегіуме. 3–4 мая 2024 года состоялась II Международная научная конференция «Гугнинские чтения». Впервые «Гугнинские чтения» прошли 5–6 мая 2022 года в честь памяти великого ученого, переводчика и поэта Александра Александровича Гугнина (03.05.1941–15.06.2021). Тогда конференция собрала участников из Беларуси, России, Узбекистана, США и Германии.

В 2024 году программу конференции дополнили экспозиция наград, медалей, орденов и грамот профессора А.А. Гугнина и выставка его научных и творческих работ. На открытии конференции участникам предоставилась возможность просмотра уникального интервью с профессором, что позволило ощутить присутствие наставника среди своих коллег и учеников. Профессор говорил о важности занятия наукой и познании жизни, слияние которых А.А. Гугнин называл «жизненным литературоведением», о вере в продолжение своих идей. Символичным стало место проведения интервью – кафедральная библиотека А.А. Гугнина, насчитывающая более 30 000 изданий, которую ученый передал Научной библиотеке Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой.

Благодаря выставке научных работ А.А. Гугнина, его переводов, сборников стихов и других трудов, участники конференции получили возможность ознакомиться с такими изданиями, как «Зигмунд Фрейд. По ту сторону принципа удовольствия» (сост. А.А. Гугнин, 1992), «Серационови братья» (сост. А.А. Гугнин, 1994), «Английская поэзия в переводах В.А. Жуковского» (сост. А.Н. Атарова, А.А. Гугнин, 2000), сборниками научных статей «Проблемы истории литературы» (отв. ред. А.А. Гугнин), «Контексты мировой литературы» (отв. ред. А.А. Гугнин), «Романо-германская филология» (отв. ред. А.А. Гугнин), «Белорусская литература и мировой литературный процесс» (отв. ред. А.А. Гугнин), научным журналом «Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки» (отв. ред. А.А. Гугнин), литературным альманахом «Литературный объектИФФ» (отв. ред. А.А. Гугнин) и литературной антологией «Белорусский литературный союз “Полоцкая ветвь”: 1994–2009» (член ред. коллегии А.А. Гугнин).

Профессиональную биографию ученого составили памятные награды: Почётные грамоты Витебского областного исполнительного комитета (2002, 2003, 2008), Почётные грамоты Министерства образования Республики Беларусь (2005, 2008) и нагрудный знак Министерства образования Республики Беларусь «Отличник образования» (2011), Почетная грамота Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь (2011), Почетные грамоты Учреждения образования «Полоцкий государственный университет» (2006, 2016) и Нагрудные знаки Учреждения образования «Полоцкий государственный университет» (2008, 2010). Настоящей гордостью экспозиции стали Юбилейная медаль «60 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (2005), Памятная медаль «100 лет герою Советского Союза полковнику Карацупе Н.Ф.» (2010), Медаль Франциска Скорины (2011) и Орден Франциска Скорины (2019). Это далеко не полный список наград профессора, которые смогла уместить небольшая выставка в рамках конференции.

Во время выставки участники конференции познакомились с уникальными фактами биографии Александра Александровича: он был комсомольцем и членом Ленинского коммунистического союза молодежи Белоруссии, был направлен на работу на строительство Полоцкого нефтеперерабатывающего завода, обучился профессии бетонщика, работал в бригаде П. Блохина и строительной бригаде совхоза «Полоцкий», получил удостоверение шофера-профессионала, три года служил в морских погранвойсках. А.А. Гугнину было важно приносить практическую пользу обществу. Эти факты сыграли немаловажную роль в становлении его как ученого. Благодаря трудолюбию и страсти к книгам Александр Александрович окончил романо-германское отделение МГУ, работал редактором в различных изданиях, параллельно преподавал в четырех вузах Москвы, а после переезда в Полоцк совмещал работу в российских вузах и Полоцком госуниверситете. Здесь Александр Александрович проработал с 1999 по 2021 год, в свое время возглавлял кафедру мировой литературы и культурологии, открыл магистратуру и аспирантуру. За свою многолетнюю карьеру ученый подготовил к изданию более 50 книг, опубликовал 7 монографий, более 600 научных и литературно-критических работ на русском, немецком, серболужицком и других языках, издал 2 сборника стихотворений и более 300 переводов с немецкого и серболужицкого языков, ежегодно проводил Международные научные конференции, семинары и круглые столы.

II Международная научная конференция «Гугнинские чтения» стала продолжением научной школы А.А. Гугнина и традиционно собрала более 70 участников из университетов и научных организаций Российской Федерации и Республики Беларусь. Среди участников – российские вузы: Государственный университет просвещения, Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Кубанский государственный университет, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тянь-Шанского, Московский

городской педагогический университет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Сахалинский государственный университет, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Тольяттинский государственный университет. Республика Беларусь была представлена Белорусским государственным университетом, Белорусским государственным педагогическим университетом имени М. Танка, Витебским государственным университетом имени П.М. Машерова, Гродненским государственным университетом имени Янки Купалы, Гродненским государственным аграрным университетом, Институтом бизнеса Белорусского государственного университета, Минским государственным лингвистическим университетом и Полоцким государственным университетом имени Евфросинии Полоцкой.

На планерном заседании 3 мая 2024 года традиционно прозвучали доклады, посвященные исследованиям, переводам и поэтическому творчеству Александра Александровича Гугнина. Н.Б. Лысова, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературно-художественной критики Белорусского государственного университета открыла конференцию докладом на тему: «А. Гугнин о З. Фрейде, или “Блестящие мистификации писателя-фантаста”». Логичным продолжением стал доклад Д.П. Рысакова, редактора Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина, на тему: «Анализ проблемного поля магического реализма на примере творчества Ф. Кафки (по материалам доклада А.А. Гугнина “Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века”)». Переводам А.А. Гугнина посвятили доклады доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода Тольяттинского государственного университета Т.Н. Андреюшкина на тему: «Сонеты М. Опица в переводе А. Гугнина» и кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения А.А. Козин на тему: «А.А. Гугнин – переводчик, педагог, наставник». Новый ракурс творчеству А.А. Гугнина придали доклады кандидата филологических наук, доцента, доцента кафедры мировой литературы и иностранных языков Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой Н.В. Нестер на тему: «Образы античной мифологии в поэзии А. Гугнина» и кандидата филологических наук А.В. Коротких на тему: «Образ кузнечика в стихотворениях А. Гугнина в контексте русской поэтической традиции». Завершил первую часть пленарного заседания кандидат филологических наук, доцент Е.А. Папакуль презентацией книг “Эда. Забытые песни” (Эда. Забытые песни / уклад., пер. са старажытнаісл., камент. Яўгена Папакуля. – Мінск: Тэхналогія, 2023. – 240 с.) и “Каханне. Смерць. Пачвары” (Каханне. Смерць. Пачвары: скандынаўскія народныя балады / уклад., пер. са шведскай, дацкай, нарвежскай, фарэрскай, ісландскай, норн, уступ Яўгена Папакуля. – Мінск: Тэхналогія, 2024. – 148 с.).

Не менее насыщенным оказалось продолжение пленарного заседания. Прозвучали доклады бывших коллег, сокурсников и единомышленников А.А. Гугнина, известных в России и Беларуси профессоров, докторов филологических наук А.Г. Шешкен (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова), И.С. Скоропановой (Белорусский государственный университет), Т.В. Кудрявцевой (Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН), Т.Е. Комаровской (Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка), О.В. Тимашевой (Московской городской педагогический университет). Завершением пленарного заседания первого дня научной конференции стали доклады учеников А.А. Гугнина, кандидатов филологических наук: Е.В. Давыдовой на тему: «Иван Коневской (Ореус) о России и Европе: к вопросу о поиске национальной идентичности в лирике раннего символизма», Е.Н. Тетериной «Трансформация пасторально-идиллической модели в романе Курта Воннегута “Сирены Титана”», Л.П. Фукс-Шаманской «Феномен Frankenkrimi».

Работу двух секций 3 мая 2024 года представили доклады молодых ученых и опытных исследователей университетов Республики Беларусь (Белорусский государственный университет, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродненский государственный аграрный университет, Минский государственный лингвистический университет, Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой). Завершением первого дня конференции стала экскурсия по Полоцкому колледжиуму, организованная сотрудниками отдела культурно-досуговой деятельности Полоцкого университета.

Во второй день конференции, 4 мая 2024 года, с докладами на пленарном заседании выступили доктор филологических наук, профессор Н.А. Литвиненко (Государственный университет просвещения) с докладом: «Тема памяти во французском историческом романе», доктор филологических наук, профессор Н.Н. Старикова (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова) с докладом: «“Русский след” в переводческой биографии словенского поэта Тоне Павчека», доктор филологических наук, профессор Е.А. Иконникова (Сахалинский государственный университет) с докладом: «Из Слуцка на Сахалин: хронотоп конспекта романа “Вдоль течения” Петра Кошеля», кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Т.Н. Белова (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова) с докладом «Национальная идентичность героев повести Г. Джеймса “Дейзи Миллер” как сюжетообразующая категория», а также коллеги из Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой: доктор филологических наук, доцент З.И. Третьяк на тему: «Мадэрнісцкія нарацьўныя стратэгіі ў беларускай літаратуры пра Першую сусветную вайну» и кандидат филологических наук, доцент Т.Р. Богорадова на тему: «Ідэяна-мастацкія асаблівасці аповесці П. Сыча “Смерць і салаўі: запіскі афіцэра-беларуса з-пад Монтэ-Касіна”. Завершила пленарное заседание второго дня конференции З.И. Третьяк презентацией монографии «Беларуская і амерыканская літаратура пра Першую сусветную вайну: вопыт карэлятыўнага даследавання / З.І. Трацяк. – Наваполацк: Полац. дзярж. ўн-т імя Еўфрасініі Полацкай, 2024. – 256 с.).

Разнообразили программу конференции практикум по созданию вовлекающих презентаций (модератор Т.М. Гордеенок) и переводческий мастер-класс для молодых ученых (модератор А.С. Жук). В работе двух секций 4 мая 2024 года были представлены доклады кандидата филологических наук, доцента М.Д. Путровой (Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой), доктора политических наук, профессора А.М. Сосновской (Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации), кандидата филологических наук, доцента И.В. Черновой и доктора филологических наук, профессора В.В. Катерминой (Кубанский государственный университет), кандидата филологических наук, доцента Т.П. Слесаревой (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова), кандидата филологических наук, доцента М.М. Сироткиной (Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой), кандидата филологических наук, доцента А.В. Смолиной (Сахалинский государственный университет), кандидата филологических наук, доцента Л.В. Олейник (Белорусский государственный университет), кандидата филологических наук, доцента Е.Ю. Садовской, а также студентов, магистрантов и преподавателей Белорусского государственного университета, Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Московского городского педагогического университета и Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой.

По завершении конференции были подведены итоги и намечены перспективы дальнейшего научного сотрудничества университетов Республики Беларусь и Российской Федерации. Участники конференции выразили надежду на продолжение традиций, заложенных в Полоцком государственном университете имени Евфросинии Полоцкой известным ученым, поэтом и переводчиком Александром Александровичем Гугниным.

*канд. филол. наук, Е.В. ЛУШНЕВСКАЯ
(Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой)*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Лысова Н.Б.</i> Исторический очерк Александра Гугнина: библиография и проблематика	2
<i>Смулькевич А.А.</i> Положительный образ женщины в произведениях Джеффри Чосера	7
<i>Шабуня Ю.Д.</i> Образ Портдженнской башни в романе У. Коллинза «Мёртвая комната»	14
<i>Конторов В.Э.</i> Формы выражения аксиологического кризиса в романе Э. Хемингуэя «И восходит солнце (Фиеста)»	19
<i>Криштон И.С.</i> Жанровые особенности экологического романа	24
<i>Алексеев Я.А.</i> Интертекстуальность в романе Г. Тертлдава «Покоренная Британия»	28
<i>Можейко Е.Д.</i> Двойное кодирование в романе П. Акройда «Процесс Элизабет Кри»	33
<i>Семёнок Л.И.</i> Книга как инструмент познания в «Каталоге утраченных вещей» Ю. Шалански	39
<i>Дуктава Л.Г.</i> Культурные коды ў паказе нацыянальнай ідэнтэчнасці ў эпасе Беларусі мяжы ХХ–ХХІ стст.	43
<i>Трацяк З.І.</i> Аўтабіяграфічнае, дакументальнае і мастацкае як камплементарныя сродкі канстрування рэчаіснасці Першай сусветнай вайны ў аповесці «Золак, убачаны здалёк» Я. Брыля	48
<i>Лиденкова О.А.</i> Образ спирали истории в современной прозе Беларуси и Британии	53
<i>Прищеп М.М.</i> Принципы номинации в годонимной системе Бристоля	57
<i>Дорофеев М.Л.</i> Виконимы Беларусі і Францыі, отражающие физико-географические особенности местности	62
<i>Рыжкович А.Ч.</i> Портрет эпохи в дискурсе белорусских СМИ	66
<i>Самусевич Д.Е.</i> Стратегии дискурса развлекення на матэрыяле брэндowych эколагічных прадзнікаў Рэспублікі Беларусь	71
<i>Михалькова Н.В.</i> Когнитивная пирамида выбора детерминативов-обозначений природных объектов в китайской письменности	76
<i>Маришэўская В.В.</i> Інтэгральныя прыметы сінанімічнасці дзеяслоўных фразеалагізмаў з субкатэгарыяльным значэннем дзейнасці	82
<i>Устинович В.В.</i> О развитии и современном состоянии произносительной нормы французского языка	88
<i>Марцынкевіч В.І.</i> Намінацыі гука і іх функцыянаванне ў мікратэкстах беларускіх прыказак (лінгвасэнсарны аспект)	92
<i>Азарченко Г.Ю.</i> Эстетическая оценка как средство выражения одобрения и неодобрения: лингвистическая репрезентация (на материале предикатов русского языка)	96
<i>Иванов А.Э.</i> Кооперативная стратегия создания образа в англо- и русскоязычном разговорном дискурсе	101
<i>Туровец В.С.</i> Языковая категоризация посредством субстантивных составных номинативных единиц в английском, белорусском и русском языках	106
<i>Климкович О.А.</i> Договоры XIV в.: категория абстрагизации	111

РЕЦЕНЗИИ

<i>Бурдзялёва І.А.</i> Літаратура ў каардынатах часу: выбраныя працы. – Мінск: МДЛУ, 2024. – 232 с. (<i>Лысова Н.Б.</i>)	115
---	-----

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

II Международная научная конференция «Гугнинские чтения», 3–4 мая 2024 г., Полоцк (<i>Лушневская Е.В.</i>)	117
---	-----